JOURNAL OF INTERNATIONAL ANALYTICS

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2024 / ТОМ 15 / НОМЕР 3

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

11–29 М.М. ЛЕБЕДЕВА
«Восстание масс» в мировой политике?

21–36 Л.В. ДЕРИГЛАЗОВА
Негосударственные акторы в асимметричных конфликтах: что это значит и что из этого следует

37–56 П.С. КАНЕВСКИЙ, К.Е. ПЕТРОВ
Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом

57–69 Д.В. СТЕФАНОВИЧ, А.С. ЕРМАКОВ
«Новый космос» двойного назначения: опыт США

ISSN (print) 2587-8476 ISSN (online) 2541-9633

ИМИ МГИМО МИД РОССИИ
2024

2024 / VOLUME 15 / No. 3

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)
Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)
Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)
Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)
Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)
Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)
Pavel B. Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)
Valeriy N. Konyshev – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)
Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), and in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Q2). The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Alexander L. Chechevishnikov
Evgenia S. Larina
Grant A. Beglarian
Natalya A. Samoylovskaya
Nikita Ya. Neklyudov
Uliana V. Yakutova
Vladimir V. Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2024 / ТОМ 15 / № 3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)
Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)
Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)
Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)
Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)
Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)
Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)
Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)
Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)
Сюэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)
Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)
Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)
Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)
Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)
Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)
Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)
Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)
Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)
Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)
Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)
Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)
Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)
Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал.
В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в ядро Российского индекса научного цитирования (ядро РИНЦ), входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (К2).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Александр Леонидович Чечевишников
Владимир Владимирович Павлов
Грант Артурович Бегларян
Евгения Сергеевна Ларина
Наталья Александровна Самойловская
Никита Яковлевич Неклюдов
Ульяна Вячеславовна Якутова

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Вне национального суверенитета и границ: негосударственные акторы в международных отношениях
С.М. МАРКЕДОНОВ 7

ИНТЕРВЬЮ

«Восстание масс» в мировой политике?
М.М. ЛЕБЕДЕВА 11

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Негосударственные акторы в асимметричных конфликтах: что это значит и что из этого следует
Л.В. ДЕРИГЛАЗОВА 21

Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом
П.С. КАНЕВСКИЙ, К.Е. ПЕТРОВ 37

«Новый космос» двойного назначения: опыт США
Д.В. СТЕФАНОВИЧ, А.С. ЕРМАКОВ 57

Племена как негосударственные акторы в арабских монархиях Персидского залива на современном этапе (на примере ОАЭ)
А.К. АДРИАНОВ 70

Историческая политика в Косово: память элит и контрпамять жертв в публичных пространствах государства *de facto* (противоречия коллективной памяти и мемориальной культуры)
М.В. КИРЧАНОВ 91

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Проект возвращения черкесов на Кавказ в повестке черкесских организаций в России и диаспоре
Е.А. ИВАНОВ 108

Роль негосударственных акторов в языковой политике в Республике Молдова
А.С. ТУЛУМ 122

Генезис польского популизма (1945–2023) и его влияние на трансформацию и поддержку «Права и справедливости»
Т.Э. МИРЗАДЖАНОВ 138

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

Beyond National Sovereignty and Borders: Non-State Actors in International Relations
S. MARKEDONOV 7

INTERVIEW

The "Revolt of the Masses" in World Politics?
M. LEBEDEVA 11

RESEARCH ARTICLES

Non-State Actors in Asymmetric Conflicts: What does It Mean and What Follows of It
L. DERIGLAZOVA 21

Digital Actors and Digital Platforms in the System of International Relations: Between Complex Interdependence and Online Sovereignty
P. KANEVSKIY, K. PETROV 37

Dual-Use "New Space": US Experience
D. STEFANOVICH, A. ERMAKOV 57

Tribes as Non-State Actors in the Arab Monarchies of the Persian Gulf at the Present Stage (the Case of the UAE)
A. ADRIANOV 70

History Politics in Kosovo: Elites' Memory and Victims' Counter-Memory in Public Spaces of the De Facto State (Contradictions of Collective Memory and Memorial Culture)
M. KIRCHANOV 91

RESEARCH ESSAYS

The Project of Circassian Return to the Caucasus in the Agenda of Circassian Organisations in Russia and the Diaspora
YE. IVANOV 108

The Role of Non-State Actors in the Linguistic Policy in the Republic of Moldova
A. TULUM 122

Genesis of Polish Populism (1945–2023) and its Impact on the Transformation and Support of "Law and Justice"
T. MIRZADZHANOV 138

10.46272/2587-8476-2024-15-3-7-10

Вне национального суверенитета и границ: негосударственные акторы в международных отношениях

«Одним из важнейших проявлений и неотъемлемым атрибутом современного развития становится взаимодействие и соперничество негосударственных акторов и государственных участников мировой политики. Государствам приходится считаться с ними, учитывать их в своей внутренней и внешней политике и даже соперничать друг с другом за привлечение их на свою сторону»[1].

С приведенной выше оценкой российского теоретика международных отношений Павла Цыганкова трудно не согласиться. Представить себе сегодняшний Ближний Восток без учета влияния таких игроков, как движения ХАМАС, «Хезболла» или «Ансарулла» (йеменские хуситы), различные курдские политические группы и де-факто образования, невозможно. Говоря о процессе выработки и принятия решений в США и других странах Западного мира, мы учитываем роль транснациональных корпораций и лоббистских структур, а также инвесторов-визионеров – от Джорджа Сороса и Билла Гейтса до Илона Маска и Питера Тиля, – то есть организаций и личностей, не являющихся частью государственного аппарата. Впрочем, ситуативно их выгода может совпадать с внешнеполитическим курсом государства или группы государств. В межэтнических и межконфессиональных конфликтах по всему миру мы наблюдаем активность частных военных и охранных компаний, рынок их услуг растет из года в год[2]. Известный американский исследователь-международник Джеймс Розенау (1924–2011) называл таких игроков «акторами, свободными от суверенитета»[3].

В современных исследованиях по теории и истории международных отношений о растущем влиянии негосударственных игроков нередко говорят как о

1 *Цыганков, П.А.* Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель-Observer. 2013. № 9. С. 6.
2 Jefferies I.D. "Private Military Companies – A Positive Role to Play in Today's International System." *Connections* 1, no. 4 (2022): 103-125.
3 Rosenau, James. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity.* 1990. Princeton: Princeton University Press. P. 5-13, 36.

CC BY
© Сергей Маркедонов, 2024

некоей новой реальности[1]. Отсюда и популярный в 1990-х – начале 2000-х гг. тезис о размывании гегемонии государств на мировой арене[2]. Российский исследователь Марина Лебедева справедливо указывает, что «одним из возражений против такой постановки вопроса было то, что и раньше в истории за пределами национальных границ действовал, например, бизнес, а роль городов известна еще с древнейших времен, достаточно вспомнить Ганзейский союз или средневековые города Венецию и Геную»[3]. Этот ряд примеров, конечно, можно продолжать, не ограничивая анализ одной лишь торгово-экономической деятельностью. В русской и восточноевропейской истории нельзя пройти мимо таких феноменов, как казаки, гайдуки, ускоки, клефты, а в западноевропейской – лесные и морские гезы. Значительную роль в колонизации просторов Азии и Америки сыграли Ост-Индская и Вест-Индская компании.

И здесь самое время вновь обратиться к тезису Розенау о «свободе» неправительственных акторов от государственного суверенитета. Во многих случаях таковая была лишь хорошо «осознанной необходимостью». Хозяева морей и океанов охотно покупали у монархов каперский или корсарский патент. «Вольные люди», «отбегавшие из государтва Московского, от бояр и от дворян государевых», способствовали освоению Дона, Урала, Терека и Сибири, в конечном итоге инкорпорированию Дикого поля в состав Российского государства[4]. Могущественные торговые компании-монополисты работали ради Британской Индии или Голландской Ост-Индии[5].

И сегодня, когда мы наблюдаем «качественное усиление политической составляющей» деятельности негосударственных акторов[6], от наших глаз не ускользает тесная спайка многих из них с национальными правительствами, которым не раз предсказывали незавидную участь «уходящей натуры» в мировой политике. Однако эта «натура» продолжает показывать способность к тому, чтобы управлять международной стихией. Хотя и далеко не всегда и не во всем.

Третий номер нашего журнала посвящен роли и значению негосударственных акторов в современной международной политике. По словам Павла Цыганкова, к таковым сегодня «относят крайне разнородную совокупность действующих в мировом политическом пространстве организаций, движений, групп, других социальных общностей и отдельных лиц, оказывающих влияние на происходящие здесь процессы, независимо от контроля со стороны государств и их объединений»[7]. «Международная аналитика» предпринимает попытку представить эту «разнородную совокупность» в широком спектре проблем от асимметричных конфликтов до цифрового суверенитета.

1 *Transnational relations and world politics*, edited by Robert Keohane, and Joseph Nye. Cambridge: Harvard University Press, 1972. 428 p.
2 *Global Voices. Dialogues in International Relations,* edited by James Rosenau. Boulder, Westview Press, 1993. 171 p.
3 *Лебедева, М.М.* Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 38.
4 *Маркедонов, С.М.* Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ) // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 95–108.
5 Ortiz, Carlos. "Overseas Trade in Early Modernity and the Emergence of Embryonic Private Military Companies." In *Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects,* edited by T. Jäger, and Gerhard Kümmel. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. P. 11-22.
6 *Лебедева, М.М.* Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 38.
7 *Цыганков, П.А.* Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель-Observer. 2013. № 9. С. 6.

В интервью с ведущим российским специалистом по проблеме акторов в мировой политике Мариной Лебедевой анализируется феномен международных отношений поверх границ и правительств. Делаются попытки найти ответы на вопросы, в каком направлении меняются дипломатия и мировая политика, где и в каких точках государственная власть и игроки, «свободные от суверенитета», конкурируют и взаимодействуют.

В статье Ларисы Дериглазовой рассматривается участие негосударственных акторов в асимметричных конфликтах. Поднимается широкий круг вопросов, выходящих за рамки конфликтологической экспертной повестки. Прежде всего речь идет о том, кого можно рассматривать в качестве легитимного участника международных отношений. Отсюда и отношение к негосударственным игрокам как к участникам вооруженных противоборств в различных частях мира.

Работа Павла Каневского и Кирилла Петрова посвящена сложным политическим коллизиям цифровой эпохи. Авторы показывают, что киберсфера также превратилась в арену конфронтации между государствами, корпорациями и их интересами. С их точки зрения мы наблюдаем секьюритизацию Интернета и усиление тренда на цифровую суверенизацию.

Дмитрий Стефанович и Александр Ермаков обращаются к феномену т.н. нового космоса. Авторы показывают, как и почему происходит создание частных космических компаний, объясняют их интересы и мотивы в процессе вовлечения в военную деятельность государств на примере США. Таким образом, исследуется эффективность т.н. частно-государственного партнерства в стране – стратегическом противнике России.

В статье Артема Адрианова рассматриваются роль и значение племенных структур в Объединенных Арабских Эмиратах. Автор проводит многоуровневое исследование. Он анализирует понятие «племени» в Арабском мире в целом и в ОАЭ в частности, прослеживает эволюцию племенной идентичности и коллизии между нею и идентичностью национально-государственной.

Наше издание в предыдущих номерах уже не раз обращалось к политике памяти (исторической политике). На этот раз мы публикуем статью Максима Кирчанова, в которой автор исследует историческую политику в Косове[1]. Он рассматривает данный феномен не только как проект косовской политической элиты, но и как рефлексию общества, показывает противоречия коллективной памяти и конструируемой мемориальной культуры.

Обзорные статьи Евгения Иванова и Андрея Тулума посвящены изучению различных аспектов «национального вопроса». В первом случае автор обращается к черкесскому движению, ставшему важным фактором общественно-политических процессов на Северном Кавказе, а также конфликтов на Ближнем Востоке и на Балканах. Иванов показывает трансформацию целей и задач черкесского движения с учетом внутрироссийской и внешнеполитической динамики. Работа Тулума посвящена изучению роли негосударственных акторов в языковой политике Молдавии. Автор показывает, что на этом направлении

1 В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

роль государства ослабла, а его институты, по сути, оказались вовлечены в конкуренцию негосударственных игроков.

Статья Тамерлана Мирзаджанова посвящена генезису польского популизма. В современном мире электоральные успехи антиистеблишментарных сил становятся все более значимым явлением. Избиратели устали от старой «линейки» партий и движений. В этом запросе на новизну «несистемные» объединения играют возрастающую роль, стремясь самим стать политическим мейнстримом. Автор анализирует соответствующие тренды на польском общественно-политическом материале.

Таким образом, негосударственные субъекты выходят из тени, набирают силу, обретают популярность. Но говорить о том, что международные отношения от этого становятся негосударственными, не представляется возможным. Во-первых, не следует переоценивать степень новизны современных проблем. Государство и раньше сталкивалось с негосударственными игроками, училось интегрировать их, конкурировать с ними, побеждать их или сосуществовать на приемлемых условиях. Немало ярких художественных образов, таких как Великий Гэтсби, Шерлок Холмс, инженер Гарин, доктор Сальватор, граф Монте-Кристо, капитан Блад, убедительно показывают: полностью обойтись без государства даже с великим умом и талантом весьма проблематично. Мир меняется под влиянием технического и технологического прогресса, но многие фундаментальные основы остаются прежними. Во-вторых, опереться на ресурс акторов, «не свободных от суверенитета», бывает очень выгодно и для богатого визионера, и для «солдата удачи».

Сергей Маркедонов, главный редактор

10.46272/2587-8476-2024-15-3-11-20

«Восстание масс» в мировой политике?

Интервью с Мариной Михайловной Лебедевой, заведующей Кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Марина Михайловна Лебедева – доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки, заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО, автор исследований по проблемам миропорядка.

Беседу вел С.М. Маркедонов, главный редактор журнала «Международная аналитика»

Сергей Маркедонов: В 1930 г. в своем знаменитом социально-философском трактате «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассет противопоставил «массу» «избранному меньшинству». По его словам, «головокружительный рост означает все новые и новые толпы», которые с «ускорением извергаются на поверхность истории...»[1]. Долгие годы дипломатия и международные отношения выглядели, как элитный клуб, конкуренция креативных схем и проектов, борьба таких интеллектов, как: К. Меттерних, Ж.-М. Талейран, К.К. Нессельроде, А.М. Горчаков, О. фон Бисмарк, Б, Дизраэли, «большая тройка», «мистер Нет» А.А. Громыко и Г. Киссинджер. Сегодня мировая политика выглядит иначе: социальные сети, информационные «сливы», рейтинги и замеры популярности принимаемых решений. В знаменитом романе И. Ильфа и Е. Петрова выведены образы т.н. пикейных жилетов, рассуждающих о том, что Ганди уехал в Данди, а Бриан – это голова. В наши дни порой кажется, что этот типаж стал определять мировую повестку. Стали ли мы свидетелями «восстания масс» в дипломатической сфере? И на пользу ли такая «демократизация» международных отношений? Либо это закономерная неизбежность, с которой надо просто смириться?

Марина Лебедева: Мы живем во времена кардинальной перестройки политической организации мира. Становится зыбким один из основных принципов Вестфаля – суверенитет. После распада биполярной системы в условиях трансформации принципов Вестфальской системы, где государство является главным актором, мир так и не нашел новую формулу взаимодействия между странами.

1 *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс // Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. С. 68.

CC BY

© Мария Лебедева, 2024

Тем более, что претерпевают изменения и сами государства[1]. Так, различные государства, а также такие объединения, как ЕС, переживают активизацию радикальных сил правого и левого толков. Одним из примеров здесь могут служить выборы в местные парламенты в Тюрингии и Саксонии в 2024 году. В Тюрингии праворадикальная партия «Альтернатива для Германии» заняла первое место, набрав 32,8% голосов, в Саксонии – второе с 30,6% голосов. Но одновременно усилили свои позиции и леворадикальные силы, заняв третье место на этих выборах в обеих землях[2]. Радикализация отчетливо проявляется и в других странах, в том числе в США. Политический мир лихорадит. Экстрим хорош, наверное, в искусстве, в науке – он дает импульс новым направлениям. В социально-политической сфере мы также сталкиваемся с тем, что рушатся старые правила и нормы, открывая место для новых возможностей, однако процесс этот весьма болезненный. Отсюда мы видим явления, описанные Вами в вопросе, Сергей Мирославович, и заключающиеся в депрофессионализации международных отношений на фоне общей хаотизации мира. Каковы же основные причины этого?

> Мы живем во времена кардинальной перестройки политической организации мира. Становится зыбким один из основных принципов Вестфаля – суверенитет.

Политическая история человечества знает несколько скачков в своем развитии, и все они были обусловлены изменениями, говоря марксистскими терминами, в средствах производства. Если говорить о современности, то К. Шваб, например, показал, как менялся мир при переходе к земледелию, далее – к промышленному производству. Затем во второй половине XX в. происходит Третья промышленная революция, которая, согласно К. Швабу, привела к использованию атомной энергии, электроники, химии. Ее результатом стало создание «клуба ядерных держав», проведение «зеленой революции» в сельском хозяйстве, развитие телевидения и радиовещания[3]. Все это имело и политические, и социальные последствия. Однако до конца XX в. эти последствия носили эволюционный характер. Существенных изменений в политической организации мира они не внесли.

Именно цифровые технологии, которые получили развитие с конца XX в., кардинальным образом затронули политическую организацию мира. Сначала коммуникационные и информационные технологии вывели на мировую арену огромное количество акторов и просто участников, включая обычных граждан. Как следствие, мир столкнулся с элементами своеобразной охлократии на наднациональном уровне. Отсюда непрофессионализм, крайности, излишняя эмоциональность. Подчеркну, что это, во-первых, именно «власть толпы», а не демократия. Во-вторых, это все же элементы проявления «власти толпы», а не полноценная всемирная охлократия. Вместе с тем мы наблюдаем и демократию в современном мире. Большинство

1 *Лебедева, М.М.* Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО – университета. 2016. № 2. С. 125–133.
2 Восточная альтернатива. К чему приведет победа правых радикалов на местных выборах в Германии // РБК. 2 сентября 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2024/09/03/66d5bde49a79476395f1e102 (дата обращения: 20.09.2024).
3 *Шваб, К.* Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2016.

акторов, вышедших на международную арену, успешно сотрудничают друг с другом, договариваются о совместных проектах и их реализации. Хочу здесь привести книгу В.М. Сергеева «Демократия как переговорный процесс», в которой он показывает, что переговоры – это не только выборы и институты, а прежде всего процесс переговоров – это согласование интересов[1]. Представляется, что данное понимание переговоров относится не только к национальному, но также и к международному уровню. Переговоры ведутся в современном мире. Можно спорить насколько интенсивно и результативно, в каких сферах и т.п. Тем не менее они есть. Что касается элементов охлократии на международном уровне, они, по всей вероятности, отражают этап в развитии, связанный с трансформацией политической организации мира, который сейчас проходит человечество.

С.М.: Сегодня негосударственные акторы оказывают все большее влияние на международные процессы. Анализ ближневосточных процессов невозможно представить без рассмотрения феноменов ХАМАС, Хезболлы, йеменских хуситов, ИГИЛ[2]. В США и ЕС активно обсуждается деятельность транснациональных компаний и лоббистских структур, которые зачастую навязывают официальным властям свою логику и свои представления. Как на Западе, так и в постсоветских государствах признается и воздействие на процесс принятия решений различных НПО, в особенности иностранных. Что общего между такими разными формами неправительственной политической деятельности и какую оптимальную типологизацию разных негосударственных структур Вы могли бы предложить?

М.Л.: Согласна, что в современном мире транснациональные негосударственные акторы (ТНА) оказывают огромное влияние. Они не только реализуют свои интересы через механизмы лоббирования, но и часто играют вполне самостоятельную роль. Например, тайваньская компания *TSMC* (*Taiwan Semiconductor Manufacturing Company)* поставляет на мировой рынок более 60% полупроводников[3]. Любые осложнения вокруг Тайваня скажутся на мировом рынке полупроводников, которые являются важнейшими в современных условиях цифровизации. Является ли в таком случае тайваньская компания неким сдерживающим фактором развития конфликтных отношений в регионе? На мой взгляд, да, хотя здесь можно сделать множество оговорок, ссылаясь на связи компании с США, но в то же время и на поставки ее продукции в КНР.

Что касается типологизации негосударственных акторов, ситуация представляется очень сложной. Прежде всего негосударственные акторы определяются через отрицание: они не являются государственными. А какими они являются? На этот вопрос нет ответа, поскольку эти акторы крайне разнообразны. У государств, несмотря на множество различий, есть некий «общий знаменатель», и это – суверенитет. Можно сколько угодно шутить, вспоминая Дж. Оруэлла, что все государства равны, но некоторые из них равнее, но в правовом отношении государства, обладающие суверенитетом, действительно равны со времен Вестфальских соглашений. У негосударственных акторов

1 *Сергеев, В.М.* Демократия как переговорный процесс. Москва: МОНФ, 1999.
2 Запрещенная на территории России террористическая организация.
3 Силиконовый остров. Как Тайвань стал главной мировой полупроводниковой державой // Коммерсантъ. 21 марта 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6552310 (дата обращения: 20.09.2024).

такой «общий знаменатель» отсутствует. Пытаясь как-то решить проблему сопоставления негосударственных акторов, немецкий исследователь Т. Риссе, например, предложил такие параметры для их анализа, как их ресурсы и цели[1]. Кроме того, есть множество акторов, которые обладают своей спецификой. Например, города и внутригосударственные регионы. Они являются одновременно и государственными акторами, поскольку представляют часть государства, и негосударственными, т.к. они все-таки не являются государствами. Их специфика еще в том, что они, в отличие от бизнеса или международных НПО, не могут покинуть территорию своего государства и переместиться за его пределы, хотя субнациональные регионы имеют возможность заявить о своей самостоятельности вплоть до отделения, что в ряде случаев и наблюдается. В то же время на международной арене они порой активно проявляют свою самостоятельность. Так, американский штат Нью-Джерси осенью 2023 г. приостановил на своей территории действие закона о санкциях за связи с Россией[2].

Пожалуй, одна группа негосударственных акторов может быть выделена относительно легко. Это насильственные негосударственные акторы (*violent non-state actors*). К ним относят террористические организации, криминальные группы и т.п. Хотя и здесь не все очевидно.

Пожалуй, одна группа негосударственных акторов может быть выделена относительно легко. Это насильственные негосударственные акторы (*violent non-state actors*). К ним относят террористические организации, криминальные группы и т.п. Хотя и здесь не все очевидно. Поскольку терроризм всегда предполагает политически мотивированные действия, то одни государства относят ту или иную организацию к террористическим, а другие – нет.

Негосударственные акторы не в полной мере могут быть негосударственными. Государства нередко создают НПО, отдавая им на своеобразный «аутсорсинг» ряд направлений деятельности. Так появляются государством организованные негосударственные организации (ГОНГО). Их роль может быть большой, например, в социальной сфере для граждан, живущих в отдаленной местности. Содержать значительное количество государственных служащих для решения этих вопросов нецелесообразно. К тому же, такие НПО нередко получают дополнительное финансирование из негосударственных источников. Аналогичные своего рода «гибридизации» акторов наблюдаются с бизнесом и СМИ. В последние годы отмечается тенденция к усилению деятельности за рубежом ТНК с государственным участием, причем в значительной степени деятельность таких компаний характерна для государств с развивающейся экономикой[3].

1 Risse, Thomas. “Transnational Actors and World Politics.” In *Handbook of International Relations*, edited by Walter Carsnaes, Thomas Risse, and Beth A. Simmons. London: Sage, 2002. P. 255–274.
2 Штат США приостановил действие закона о санкциях за связи с Россией // РБК. 24 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/11/2023/655fd83f9a79471c87f9e364?from=copy (дата обращения: 20.09.2024).
3 Kalotey, Kalman. “State-Owned Multinationals: An Emerging Market Phenomenon?” *The Journal of Comparative Economic Studies* 13 (2017): 13–37. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3091541.

Также важно государству в ряде случаев действовать не напрямую. При этом необязательно создавать совместно с НПО или другими неправительственными структурами организацию. Достаточно ограничиться сотрудничеством. Так, частная военная компания *Blackwater*, подписав контракт с администрацией Дж. Буша, в период с 14 июня 2004 по 6 июня 2006 гг. получила более 488 млн долларов[1].

Наконец, появляются новые акторы, которые воздействуют на мировую политику. Так, *WikiLeaks* в свое время оказал значительное влияние на внешнюю политику США и ряда других государств. Есть примеры, когда негосударственные акторы инициируют образование межгосударственных структур. В частности, аналитик рейтингового агентства *Goldman Sachs* в 2001 г. обратил внимание на быстрое экономическое развитие Бразилии, России, Индии и Китая. В 2006 г. на Петербургском экономическом форуме эти страны основали Организацию.

С.М.: В свое время В.И. Ленин выдвинул максиму: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». На рубеже 1990-х и 2000-х гг. была популярна идея о радикальной трансформации роли национального государства, его эрозии и едва ли не отмирании. Но сейчас мы видим, что государственные структуры могут ставить под контроль даже тех, кто еще вчера выглядел демиургом информационного пространства (пример П. Дурова достаточно красноречив). Сколько лет создавался культ И. Маска как независимого бизнесмена, опережавшего государства на путях технологического прогресса. Но состоялся бы И. Маск как социальный и человеческий феномен без тесной спайки с американскими властями? Как бы Вы описали возможные траектории взаимодействия, борьбы, конкуренции между государством и негосударственными акторами?

> Быстрая транснационализация (иными словами – глобализация) породила не только преимущества, но и множество вызовов и проблем в мире. В том числе возникла необходимость защиты своей территории от информационного воздействия извне. Встала сложно решаемая проблема информационного суверенитета.

М.Л.: Давайте уточним. Об отмирании государства речь шла в марксизме. В частности, В.И. Ленин в работе «Государство и революция» писал о том, что в коммунистическом обществе государство отомрет как институт[2]. На рубеже XX и XXI вв. была распространена другая идея –эрозия Вестфальской государственноцентристской системы. Именно системы, а не государства. Эта идея основывалась на том, что границы между национальными государствами становятся все более прозрачными в связи с выходом множества акторов на международную арену. С развитием информационных и коммуникационных технологий транснациональное взаимодействие интенсифицировалось многократно. Информация и коммуникация практически не знают границ в современных условиях цифровизации.

1 "Memorandum to Members of the Committee on Oversight and Government Reform," House of the Representatives, October 1, 2007, accessed September 1, 2024, https://web.archive.org/web/20080131113042/http://oversight.house.gov/documents/20071001121609.pdf.

2 *Ленин, В.И.* Государство и революция // Полное собрание сочинений: в 55 т. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969.

Быстрая транснационализация (иными словами – глобализация) породила не только преимущества, но и множество вызовов и проблем в мире. В том числе возникла необходимость защиты своей территории от информационного воздействия извне. Встала сложно решаемая проблема информационного суверенитета.

В качестве попытки решить эту проблему в ряде государств стала развиваться политика изоляционизма. Так, Д. Трамп, будучи президентом США, объявил о выходе из международных договоров, в частности, из Парижских соглашений по климату, начал строить стену на границе с Мексикой. Пандемия *COVID-19* заставила государства закрыть границы, причем даже между странами Шенгенского соглашения. Сегодня изоляционистские тенденции во многом продолжаются – санкции в отношении России тому пример. Тем не менее транснационализация будет продолжаться, поскольку такова логика развития бизнеса и в целом международного взаимодействия. Кстати, несмотря на изоляционизм периода пандемии, в целом ряде сфер, напротив, тогда усилилось взаимодействие. Это и онлайновое образование, и развитие волонтерских организаций и т.п.

Теперь о взаимодействии государств и негосударственных акторов. Несмотря на то, что часто в публикациях взаимодействие государств и негосударственных транснациональных акторов рассматривается как конкурентное, на самом деле это не так. Безусловно, есть немало примеров противостояния этих акторов, однако в большинстве случаев они сотрудничают. Государства финансируют часто те или иные проекты, на этом финансировании частные структуры развиваются, как в приведенном примере с *Blackwater.* Они ищут дополнительные источники финансирования, расширяют и интенсифицируют свою деятельность.

Государства и негосударственные акторы интенсивно взаимодействуют друг с другом. Ведущими в этом взаимодействии являются государства, но негосударственные акторы зачастую выступают вполне независимо. И это взаимодействие государств и негосударственных акторов охватывает весь спектр отношений: сотрудничество, противостояние, нейтральность.

В технологическом плане крупный бизнес нередко опережает государственные компании, становясь самодостаточным в той или иной сфере. Например, если раньше реализацией космических программ могли заниматься только государства, причем не все, а наиболее развитые в технологическом отношении, то сегодня такую способность продемонстрировала частная компания И. Маска. После прекращения полетов американского *Space Shuttle* в 2011 г. впервые ракету-носитель *Falcon 9* с кораблем *Dragon* к Международной космической станции запустила компания И. Маска *SpaceX*. Значительная часть финансирования этих полетов шла через федеральный бюджет, тем не менее благодаря своему огромному технологическому и имиджевому ресурсу компания И. Маска сегодня начинает играть самостоятельную роль на мировой арене.

В одном из предыдущих вопросов Вы упоминали, что негосударственные акторы навязывают государствам те или иные решения. В то же время отмечаете,

что государства ставят под свой контроль негосударственные структуры, если вспоминать тот же пример П. Дурова. Каков же все-таки характер взаимодействия государств и негосударственных акторов? Государства и негосударственные акторы интенсивно взаимодействуют друг с другом. Ведущими в этом взаимодействии являются государства, но негосударственные акторы зачастую выступают вполне независимо. И это взаимодействие государств и негосударственных акторов охватывает весь спектр отношений: сотрудничество, противостояние, нейтральность. Впрочем, этот спектр характерен и для взаимодействия государств между собой.

Многообразие акторов и форм их взаимодействия (причем в значительном масштабе) выходит за рамки Вестфальской системы. Феноменологически это воспринимается как хаотизация мира, разрушение привычных норм и отношений.

С.М.: В науке давно ведутся дискуссии по поводу того, как идентифицировать межправительственные и межгосударственные объединения. ООН, ВОЗ, МОК, ФИФА, УЕФА, ВАД, МОТ. Без государств такие организации невозможно представить. Более того, внутри них кипят нешуточные страсти, их трибуны порой превращаются в площадки информационных войн между государствами-участниками. Но в то же время у всех упомянутых структур имеется и своя повестка, и логика поведения, не вписывающаяся в систему национальных интересов той или иной страны. Какова Ваша оценка этого феномена?

М.Л.: Перечисленные международные организации разные. Часть из них межправительственные (ООН, ВОЗ, МОТ), другая – профессиональные международные ассоциации (ФИФА, УЕФА, МОК), а ВАДА – агентство, созданное Международным олимпийским комитетом и государствами. Независимо от этих различий в них работают представители разных стран. Действительно, проводилась дискуссия относительно того, являются межправительственные организации государственными или негосударственными акторами. В соответствии с Резолюцией 288 (X) Экономического и социального совета ООН от 27 февраля 1950 г. межправительственные организации, которые образованы государствами на основе международных договоров, не относятся к негосударственным участникам. На этом основании некоторые исследователи относят эти организации к государственным акторам[1]. Однако представляется, что вопрос о том, являются ли межправительственные организации государственными или негосударственными акторами, не принципиален сегодня. Я говорила о «гибридизации» современных акторов и приводила пример НПО, образованных государством – ГОНГО. В современном мире все больше и больше стирается грань между государственными и негосударственными структурами. Это видно на примере не только неправительственных организаций, но и межправительственных организаций, бизнеса, СМИ и т.д.

В межправительственных организациях представители национальных государств отстаивают точки зрения своих стран. Если они этого не будут делать,

1 Kegley, Charles W., and Eugene R. Wittkopf. *World Politics: Trend and Transformation. Ninth Edition.* Belmont: Thomson; Wadworth, 2004. 594 p.

государства их отзовут. Сложнее дела обстоят с международными чиновниками. Они являются гражданами той или иной страны, но представляют уже не государство, а межправительственную организацию. Важную роль играют главы международных организаций, поэтому государства очень внимательно относятся к вопросу их выбора или назначения. В целом в настоящее время фактически формируется новый актор мировой политики – наднациональная бюрократия. Складывается и целое направление по изучению наднациональной бюрократии, а также ее влияния на мировую политику. В частности, отмечается, что секретариаты международных организаций составляют институциональную сеть глобального управления[1].

Представительство в международных ассоциациях и других негосударственных международных структурах осуществляется по-разному. Например, в Международный олимпийский комитет входят не национальные олимпийские организации, а физические лица. В любом случае бюрократия в этих структурах оказывает значительное влияние на приятие решений. Несмотря на то, что решения в таких организациях или ассоциациях ограничиваются определенной сферой, в приведенном примере с МОК их последствия носят политический характер, поскольку Международный олимпийский комитет отстраняет спортсменов от участия в Олимпийских играх по принципу гражданства, а не на основании спортивных достижений.

С.М.: Сегодня много и активно обсуждают вопросы информационной безопасности, когнитивных войн. Каково, на Ваш взгляд, значение этого фактора сегодня? Интернет и социальные сети – это скорее площадка конкуренции государства и негосударственных (сетевых) игроков? У кого больше шансов на успех? Мы увидим кибернационализацию? Или глобализация необратима?

М.Л.: Информационная и коммуникационная сфера, а сегодня можно говорить шире – цифровая сфера – очевидно выходит за пределы национальных границ. Это, с одной стороны, дает импульс развитию многих видов деятельности, в том числе интернет-торговле, онлайн образованию, совместному проведению исследований ученых из разных стран, реализации многосторонних проектов и во многих других сферах, в том числе даже в проведении межгосударственных переговоров[2]. Этот список может быть продолжен.

В то же время открытость информационного пространства порождает множество проблем. Это хакеры, различного рода мошенники, в целом криминальные группы, террористы, которые пользуются возможностями трансграничности Интернета. Кроме негосударственных структур, которые составляют опасность для любого государства, возникают проблемы между государствами, в том числе – проблема внешнего воздействия со стороны других государств на внутригосударственные выборы, возможность формирования условий для «цветных революций», создание фейков, деятельность ботов и т.п. В результате, как пишут

1 Ege, Jörn. "What International Bureaucrats (Really) Want: Administrative Preferences in International Organization Research." *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations* 26, no. 4 (2020): 577–600. http://dx.doi.org/10.1163/19426720-02604003.

2 *Лебедева, М.М., Зиновьева, Е.С.* Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 1. С. 144–156. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156.

А.И. Подберезкин и А.В. Жуков, трансграничная информация дала возможность решать проблемы, которые ранее решались военными и/или экономическими средствами[1]. Очевидно, что государства ищут и апробируют пути защиты. Формы такой защиты различные, начиная от формирования концептуальных и законодательных норм и заканчивая конкретными действиями, направленными на изоляционизм. Так, уже в 2000 г. Россия отреагировала на наличие трансграничной информации, приняв Доктрину информационной безопасности Российской Федерации[2].

Нужны также совместные действия государств и негосударственных акторов на международной арене по регулированию сети Интернет. Примечательно, что сначала регулирование Интернета осуществлялось негосударственными акторами в интересах США, создавших сеть. И лишь позднее, в XXI в. под эгидой ООН был создан Форум, в котором приняли участие государства, бизнес, НПО[3].

В настоящее время проблема регулирования не ограничивается только Интернетом. В целом цифровые технологии трансграничны. Например, криптовалюта децентрализована, в связи с чем обсуждаются вопросы создания автономной финансовой системы, которая бы не зависела от государств и международных организаций. Возникает множество проблем этического характера.

В настоящее время проблема регулирования не ограничивается только Интернетом. В целом цифровые технологии трансграничны. Например, криптовалюта децентрализована, в связи с чем обсуждаются вопросы создания автономной финансовой системы, которая бы не зависела от государств и международных организаций[4]. Возникает множество проблем этического характера.

Робототехника, возможно, высвободит многие рабочие места. Однако данные и многие другие вопросы, обусловленные цифровизацией, требуют международного согласования путем переговоров. Поэтому предположение о «кибернационализации» вряд ли будет осуществлено. Что касается глобализации, то, если ее понимать как транснационализацию, она будет продолжаться. Однако развитие никогда ни в какой области не шло и не идет линейно. Сейчас мы переживаем в значительной степени процессы де-глобализации, хотя в каких-то сферах она активно продолжается (например, в области высшего образования, науки). Важен общий вектор развития, а он направлен в сторону усиления транснациональных процессов.

С.М.: Как дальше могут развиваться отношения между государственными и негосударственными акторами и к каким последствиям это может привести в мировой политике?

1 П*одберезкин, А.И., Жуков, А.В.* Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций // Вестник МГИМО–Университета. 2015. № 6 (45). С. 106–106.

2 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. N Пр-1895) // Гарант.ру. 9 сентября 2000. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/182535/ (дата обращения: 15.09.2024).

3 *Зиновьева, Е.С.* Глобальное управление Интернетом: российский подход и международная практика // Вестник МГИМО–Университета. 2015. № 4(43). С. 111–118.

4 *Звонова, Е.А., Кузнецов, А.В.* Сценарии развития мировой финансовой системы: возможности и риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 2. С. 5–16.

М.Л.: Думаю, что развитие пойдет по пути дальнейшего согласования интересов. Все большее число переговоров будет строиться на основе многосторонности и многоуровневости (участие государственных и негосударственных акторов). В результате можно ожидать некие конгломераты союзов различных акторов, в том числе и «гибридных». Интересы будут переплетаться очень сложным образом. Но сегодня цифровые технологии позволяют их упорядочить. Взаимодействие будет строиться по сетевому принципу, о чем писали многие авторы. В результате произойдет трансформация политической организации мира, построенной по иерархическому принципу, где предполагалось обязательное наличие государств-лидеров, в сложную сетевую структуру.

Цитирование

Лебедева, М.М. «Восстание масс» в мировой политике? // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 11–20. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-11-20

For citation

Lebedeva, Marina M. "'The Revolt of the Masses' in World Politics?" *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 11–20. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-11-20

10.46272/2587-8476-2024-15-3-21-36

Негосударственные акторы в асимметричных конфликтах: что это значит и что из этого следует

Лариса Валериевна Дериглазова, НИИ ТГУ, Томск, Россия
Контактный адрес: dlarisa@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Феномен асимметричного конфликта отражает несколько важных закономерностей вооруженных конфликтов послевоенного периода: преобладание внутренних конфликтов над межгосударственными конфликтами; их интернационализация за счет участия в них других стран, международных организаций или негосударственных акторов; прямое или опосредованное участие великих держав в таких конфликтах; наибольшее число вооруженных конфликтов происходит в странах Азии, Африки и Ближнего Востока. Вооруженные конфликты послевоенного периода нередко называют «прокси-войнами», так как прямым участникам конфликта оказывают поддержку внешние акторы – государства или негосударственные акторы. Предметы конфликтов между государствами и негосударственными акторами часто имеют политическую природу. Произошло преодоление принципиального различия между внутренней и внешней политикой. Послевоенный период показывает постепенное изменение отношения к участию негосударственных акторов в вооруженных конфликтах, что отражается в признании легитимности их как участников конфликта, переговоров и заключения соглашений о прекращении военных действий. Происходит легитимация самих негосударственных акторов вооруженных конфликтов как представителей интересов определенных групп населения. Миротворческая деятельность ООН после окончания холодной войны подтверждает эти изменения. Исследование участия негосударственных акторов в вооруженных конфликтах показывает расширение повестки и методологии изучения вооруженных конфликтов послевоенного времени, что отражает существенные изменения практики международных отношений. Эти изменения касаются того, кто признается легитимным участником международных отношений, какую роль играют негосударственные акторы в вооруженных конфликтах и какое отношение к негосударственным акторам существует у других участников международных отношений – государств, международных правительственных и неправительственных организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

негосударственные акторы, асимметричный конфликт, теория асимметричного конфликта, вооруженные конфликты, базы данных

CC BY

© Лариса Дериглазова, 2024

Введение

Сегодня два больших вооруженных конфликта – между Украиной и Российской Федерацией, Израилем и группировкой ХАМАС в секторе Газа – привлекают напряженное внимание политиков и исследователей. Наибольшую обеспокоенность вызывает возможность их перерастания в большую войну регионального или даже глобального масштаба. При характеристике этих вооруженных конфликтов нередко звучат определения асимметричных военных действий и «прокси-войны»[1]. Официальные лица России и Израиля полагают, что причиной, затрудняющей военный разгром противника и достижение мира, является помощь внешних интересантов, что приводит к затягиванию конфликта. Еще одним общим для этих конфликтов обстоятельством является поляризация международного сообщества по поводу участников военных действий – прямых и опосредованных.

Официальная позиция России заключаются в том, что страны Запада ведут асимметричную войну против России, и Украина не является самостоятельным участником конфликта и действует в интересах Запада, целью которого является стратегическое поражение России[2]. В случае военной операции Израиля в секторе Газа асимметричность конфликта определяется по формальному статусу воюющих сторон – Израиль является международно признанным государством, ХАМАС – политическое движение, которое многие страны считают террористической организацией. В отношении этого конфликта также часто звучит понятие «прокси-войны», где ХАМАС является «прокси» Ирана в его борьбе против существования государства Израиль и присутствия стран Запада в регионе[3]. Другими примерами актуальных вооруженных конфликтов с прямым или опосредованным участием стран региона или внерегиональных держав являются конфликты в Сирии, Судане, Сомали, Ливии, Йемене, Мали, Конго, Нигерии. Все эти конфликты являются затяжными, с большим количеством жертв и плохо поддаются урегулированию. Во всех этих конфликтах принимают участие негосударственные акторы, поддержку которым прямо или опосредованно оказывают разные страны.

Проблема участия негосударственных акторов в вооруженных конфликтах выходит за рамки «кабинетной аналитики», так как имеет прямое отношение к практической деятельности в области внешней политики, военного дела, обеспечения безопасности и международного права. Острота проблемы обусловлена тем, что вовлеченные в такие конфликты страны не всегда способны одержать военно-политическую победу и создать условия для прочного мира[4]. Данная проблема является ключевой для современного мирового порядка, так как государства по-прежнему являются основными акторами мировой политики, обладают монополией на применение насилия, устанавливают формализован-

1 Кикнадзе 2024.
2 Заявление МИД России в связи с высказываниями Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля по итогам визита на Украину // МИД РФ. 12 апреля 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1809070/ (дата обращения: 28.07.2024).
3 Seth G. Jones, "War by Proxy: Iran's Growing Footprint in the Middle East," Center for Strategic and International Studies, March 11, 2019, accessed July 28, 2024, https://www.csis.org/analysis/war-proxy-irans-growing-footprint-middle-east.
4 Дериглазова 2022.

ные и неформальные правила поведения и играют главную роль в определении содержания и способов обеспечения международной безопасности.

В рамках данной статьи обсуждается проблема участия негосударственных акторов в вооруженных конфликтах и ее последствия. Для анализа проблемы используется теория асимметричного конфликта, помогающая структурировать основные гипотезы и интерпретировать накопленный эмпирический материал по теме. Оба понятия – «негосударственные акторы» и «асимметричный конфликт» – часто используют для обозначения политического контекста, но они не всегда являются операционально значимыми, поэтому эти понятия будут уточнены с учетом исследовательской специфики.

В статье понятие асимметричного конфликта используется как пример определенного типа вооруженного конфликта между государством и негосударственным актором, а также как одна из его основных характеристик, что дает основания для комплексного анализа явления с опорой на теорию асимметричного конфликта. Это позволяет предметно рассмотреть дилеммы асимметричных конфликтов и возможные решения для них. В заключении приводятся выводы о направлениях трансформации международной системы и международного регулирования в ответ на дилеммы вооруженных конфликтов послевоенного периода.

Методология: асимметричные конфликты и негосударственные акторы – участники вооруженных конфликтов

С точки зрения прикладной аналитики, важно разделять феномен и теорию асимметричного конфликта. Феномен асимметричного конфликта был обозначен в середине 1970-х гг. на примере политического, но не военного поражения США во Вьетнаме. Это поражение, а также ряд других политических неудач развитых стран на периферии и полупериферии международной системы стали основой для разработки теории асимметричного конфликта[1]. Понятие асимметричного конфликта является популярным у аналитиков, и некоторые элементы теории асимметричного конфликта отражены в военно-политических доктринах США, Израиля и Австралии. Российские военные с 2010-х гг. оперируют понятием «асимметричные военные действия», которое содержит отдельные элементы теории[2].

Многие исследователи используют понятие асимметрии для анализа отдельных несоразмерностей в конфликтах, но не обязательно рассматривают феномен асимметричного конфликта в целом[3]. Некоторые исследователи называют конфликты между государствами и негосударственными акторами асимметричными по статусу сторон конфликта[4]. Асимметричные стратегии и тактики борьбы, как правило, представляют наибольший интерес для военных. Они изучают действия регулярной армии против нерегулярных вооруженных формирований, партизан-

1 Mack 1975.
2 Асимметричные военные (боевые) действия // Справочник по терминологии в оборонной сфере. Министерство Обороны РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.mil.ru/folder/123102/item/129185/ (дата обращения: 01.08.2024).
3 Tsygankov 2019; Kruck, Schneiker 2017.
4 Степанова 2010.

ских и террористических групп; прямые или опосредованные способы борьбы, включая дистанционные и бесконтактные методы[1]. Другим часто обсуждаемым аспектом вооруженных конфликтов является силовая асимметрия противников, которая компенсируется за счет привлечения на сторону слабой стороны более сильного союзника(ов) и намеренного нарушения правил и норм[2]. Проблема жестокости таких конфликтов и сложности ведения военных действий демократическими странами является еще одной темой исследований[3]. Возможности правового регулирования таких вооруженных конфликтов представляют отдельную тему для исследований[4]. Целостная теория асимметричного конфликта учитывает базовые асимметрии и сопутствующие асимметрии. К базовым (основным) асимметриям относят статусы и ресурсы противников, к сопутствующим, которые являются следствием базовых асимметрий, относят стратегии борьбы, способность мобилизации населения к продолжению борьбы, отношение международного сообщества и помощь внешних (непрямых) участников борьбы[5].

При характеристике негосударственного участника вооруженного конфликта важно отметить его существенное отличие от традиционных представлений о негосударственных акторах – участниках международных отношений. С 1970-х гг. исследователи международных отношений под «негосударственными акторами» понимают международные организации, международные неправительственные организации и транснациональные корпорации[6], которые действуют в согласии или в дополнение к государству. Действия негосударственных участников вооруженных конфликтов нередко попадали в категорию «террористических действий» и «уголовного насилия», а внутренние конфликты долгое время не считались собственно международными.

Негосударственный актор в вооруженном конфликте с государством является его антагонистом, но не всегда его противоположностью. Это важная особенность отражена в статье В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова, посвященной типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке[7]. Сегодня негосударственные акторы, использующие насилие, рассматриваются исследователями как участники политического процесса, даже если их действия оцениваются государствами как «антигосударственные» и преступные. Понятия «вооруженного негосударственного актора» (*armed non-state actor*) и «насильственного негосударственного актора» (*violent non-state actor*) стали частью исследовательской терминологии[8].

В статье определение негосударственного актора – участника вооруженного конфликта следует методологии, выработанной исследователями Уппсальского проекта: «любая неправительственная группа людей с заявленным именем (названием) своей группы, которая использует вооруженную силу для того, что-

1 Forrest E. Morgan, Raphael Cohen. "Military Trends and the Future of Warfare: The Changing Global Environment and Its Implications for the U.S. Air Force," Rand Corporation, 2020, accessed August 2, 2024, https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2800/RR2849z3/RAND_RR2849z3.pdf; Тетерюк, Чижевский 2016.
2 Meier et al. 2023.
3 Gross 2009.
4 Zartman 1995; Ryngaert, Noortmann 2010.
5 Deriglazova 2014, 52, 54.
6 Nicholson 2002.
7 Наумкин, Кузнецов 2020.
8 Last 2024.

бы добиться результата в заявленной несовместимости». При этом учитывается только «организованная оппозиция» с «фокусом на вооруженный конфликт, который включает сознательно проводимую и спланированную политическую кампанию, а не проявление спонтанного насилия»[1].

Традиция составления баз данных о войнах с выверенной методологией и параметрами выборки стала основой для становления и развития современной конфликтологии и теорий международных отношений[2]. Одна из самых известных и постоянно обновляемых баз составляется Уппсальским проектом данных о конфликтах, Швеция (УКДП)[3] в сотрудничестве с Международным институтом исследований проблем мира в Осло, Норвегия (ПРИО)[4]. Исследователи, работающие в этой программе, периодически публикуют аналитические материалы в «Ежегоднике СИПРИ» и в ведущих международных академических журналах. В статье также используются данные базы о национальных и международных конфликтах, которая была составлена в рамках проекта КОСИМО в университете Гейдельберга, Германия[5].

Данные о вооруженных конфликтах использованы в статье для обоснования распространенности феномена асимметричного конфликта и его особенностей в послевоенный период. Кроме того, эти данные позволяют зафиксировать изменения, которые произошли в отношении государств и международных организаций к участию негосударственных акторов в вооруженной борьбе. Массив собранной информации о вооруженных конфликтах и их особенностях позволяет обсуждать существенные сдвиги в практике международных отношений, которые происходят в послевоенный период.

Феномен асимметричного вооруженного конфликта, или что это значит?

Многие исследователи отмечали изменение характера вооруженных конфликтов после окончания Второй мировой войны уже в 1950-е гг., и эти изменения, собственно, и сформировали феномен асимметричного конфликта: 1) большая часть конфликтов была внутренней – между государством и негосударственным актором; 2) большая часть вооруженных конфликтов происходила на периферии международных отношений; 3) значительная часть конфликтов была интернационализирована за счет участия других стран на стороне одной из конфликтующих сторон; 4) великие державы принимали активное участие в конфликтах на периферии международной системы; 5) великие державы стремились избегать прямых конфликтов между собой.

Р. Арон сформулировал главный тезис послевоенного состояния, заключающийся в формуле «мир невозможен, война невероятна»[6]. Прогноз Р. Арона о том, что «после пяти десятилетий тотальных войн открывалось пять десяти-

1 S. Högbladh, “UCDP GED Codebook Version 23.1,” Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University, 2023, accessed July 28, 2024, https://ucdp.uu.se/downloads/ged/ged231.pdfUCDP.
2 Классические работы П.А. Сорокина и К. Райта написаны с опорой на базы данных о конфликтах, специально для этих исследований созданных, и интерпретации эмпирического материала. См.: Сорокин 2000; Wright 1964.
3 “UCDP – Uppsala Conflict Data Program,” UCDP, accessed August 2, 2024, https://ucdp.uu.se.
4 “International Peace Research Institute,” PRIO, Norway, accessed August 2, 2024, https://www.prio.org/.
5 “COSIMO 1. Database on National and International Conflicts from 1945 to 1999,” HIIK, accessed August 2, 2024, http://www.hiik.de/en/kosimo/data/codemanual_kosimo1b.pdf.
6 Арон 2002, 338, 316.

летий ограниченных войн»,[1] полностью подтвержден статистикой вооруженных конфликтов, которые были концептуализированы как «малые войны», «ограниченные войны», «локальные войны» или «конфликты низкой интенсивности»[2]. К. Уолтц писал в 1967 г., что «отличительными чертами мировой политики послевоенного периода являются: мир между могущественными; ситуационное использование силы ими против других; периодические войны внутри и между слабыми; неспособность слабых втянуть более сильные страны в полномасштабную войну, как это случалось раньше». Он также отмечал, что «никогда в этом веке не было столь продолжительного периода без большой войны между великими державами»: хотя «малых войн было много, но все-таки насилие удавалось контролировать и ограничивать», и «несмотря на ужасающие угрозы, относительный мир преобладал»[3]. Руководители проекта КОСИМО Ф. Пфетч и К. Роулофф писали, что в послевоенный период «международные войны, инициированные государствами и направленные против другого государства, являются исключительно редким феноменом», и призывали «расширить перспективу изучения конфликтов» за счет включения в исследовательскую повестку «негосударственных акторов и неорганизованные группы»[4]. Ежегодники СИПРИ представляют обзоры вооруженных конфликтов, которые показывают устойчивость этих тенденций[5]. Схожие оценки звучат в публикациях ведущих российских исследователей международных отношений[6].

Уппсальский проект рассматривает динамику и характер вооруженных конфликтов в послевоенный период по четырем типам конфликта: внегосударственные (*extrastate*), межгосударственные (*interstate*), интернационализированные внутригосударственные (*internationalized intrastate*) и внутригосударственные (*intrastate*)[7]. Данные УКДП подтверждают две первые особенности послевоенных конфликтов. Только один из четырех типов конфликтов – *межгосударственный* – представляет классический пример «международного конфликта». Наибольшее количество конфликтов представлено двумя типами – *внутренние* конфликты и *интернационализированные внутренние* конфликты. Тип *внегосударственные* конфликты отнесен к антиколониальным и национально-освободительным войнам, большее количество которых пришлось на три послевоенных десятилетия. Эта динамика внегосударственных конфликтов совпадает с подсчетами по базе данных КОСИМО об участии в вооруженных конфликтах со своими зависимыми территориями двух крупных распадавшихся империй – Франции и Британии[8].

Согласно авторским подсчетам по участию негосударственных акторов и государств в асимметричных конфликтах в 1945–1999 гг.,[9] негосударственные акторы принимали участие в 239 из 304 вооруженных конфликтов, и они были

1 Арон 2002, 322–336.
2 Matsuo 2005, 105–114.
3 Waltz 1967, 199.
4 Pfetsch, Rohloff 2000, 2, 22–23.
5 Gowan 2024.
6 Громыко 2022; Тренин 2022.
7 "UCDP Charts, Graphs and Maps," UCDP, accessed August 2, 2024, https://ucdp.uu.se/downloads/charts/.
8 Deriglazova 2014, 101.
9 Подсчеты произведены автором статьи и представлены в двух монографиях вместе с перечнем конфликтов, которые использовались для этих подсчетов. Обе монографии доступны в электронном виде: Дериглазова 2009; Deriglazova 2014.

прямыми участниками в 232 и непрямыми в 7 конфликтах, что составляет около 80% всех вооруженных конфликтов. Негосударственные акторы были отмечены как «инициаторы и агрессоры» в 202 конфликтах (66%). Десять самых «воюющих» стран, ранжированные по прямому участию в вооруженных конфликтах, были Британия (27), СССР/РФ, Франция, Сирия, Индия и Ирак (17), КНР (16), США, Израиль и Индонезия (11). Если ранжировать страны по непрямому участию в вооруженных конфликтах, то порядок будет другим: США (78), СССР/РФ (55), Иран (22), Франция (20), КНР (19), Британия (16), Сирия (11), Турция (9), Ирак (7), Алжир и Пакистан (6)[1]. В базу Уппсальского проекта внесены данные о 1869 акторах – участниках вооруженных конфликтов, из них собственно правительств, признанных или частично признанных стран, – всего 159[2]. Другие участники вооруженной борьбы представляют политические движения и вооруженные группы, что дает представление о разнообразии и многочисленности негосударственных акторов – участников вооруженных конфликтов.

Приведенные данные подтверждают тезисы об участии великих держав в вооруженных конфликтах. Статистика показывает, что пять стран – постоянные члены Совета Безопасности ООН и обладатели ядерного оружия – были активными участниками вооруженных конфликтов, хотя прямых столкновений им удавалось избегать. Многие исследователи обращали внимание на то, что в биполярной системе международных отношений негосударственные акторы часто получали поддержку от одной из сверхдержав[3]. Данные также показывают, что именно СССР и США отмечены как наиболее частые непрямые участники в вооруженных конфликтах. После окончания холодной войны и временного преодоления противоречия между политическим Западом и Востоком эта тенденция обрела новую актуальность с ростом числа вооруженных конфликтов, формированием новой полярности и разделительных линий в XXI веке.

Недавно опубликованная статья исследователей Уппсальского проекта посвящена проблеме внешней поддержки в вооруженных конфликтах в 1975–2017 годах. В статье отмечается, что внешняя поддержка в вооруженном конфликте является скорее правилом, чем исключением, и что за период 1975–2017 гг. в 150 (80%) внутренних и 18 (72%) межгосударственных вооруженных конфликтах стороны получали внешнюю поддержку[4].Чаще всего такую поддержку оказывали другие государства (89% вооруженных конфликтов всех типов), хотя также отмечены негосударственные акторы, которые оказывают поддержку другим негосударственным акторам. США и СССР/Россия отмечены как государства, а Аль-Каида[5] как негосударственный актор, которые наиболее активно оказывали поддержку сторонам вооруженных конфликтов[6].

Приведенные в статье данные свидетельствуют, что формы поддержки не различаются у государств и негосударственных акторов: предоставление войск, проведение совместных действий, поставки оружия, материальная помощь и

1 Deriglazova 2014, 90–91.
2 Shawn et al. 2024.
3 Lederach 1999.
4 Meier et al. 2023, 549.
5 Признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.
6 Meier et al. 2023, 550.

логистика, подготовка/обучение военных и обмен опытом, финансирование, предоставление разведывательных данных, территория. Исследователи отметили новые тренды в предоставлении внешней поддержки: 1) удвоение числа акторов, оказывающих поддержку; 2) большее количество правительственных интервенций в поддержку других правительств; 3) увеличение числа прямой поддержки по сравнению с периодом холодной войны[1].

Исследования М. Матцуо с опорой на различные базы данных также подтверждают названные особенности вооруженных конфликтов в послевоенный период и после окончания холодной войны[2]. М. Калдор, сравнивая «новые и старые войны», отмечала появление «глобализированной военной экономики»[3], которая отличается от привычной «военной экономики» страны как замкнутой системы, мобилизованной центральным правительством на ведение войны до победы. На экономическую заинтересованность военной промышленности развитых стран в войнах в странах третьего мира указывали и другие исследователи[4]. Данные о странах-лидерах экспорта и трансферов вооружений, которые публикуются в Ежегодниках СИПРИ, могут рассматриваться как подтверждение данного тезиса[5].

Таким образом, агрегированные данные о вооруженных конфликтах подтверждают устойчивость их асимметричного характера и активное вовлечение в эти конфликты на периферии международных отношений развитых стран – через прямое или опосредованное участие.

Обсуждение результатов: негосударственные акторы – участники вооруженных конфликтов, или что из этого следует?

Систематическое изучение конфликтов привело к коррективам определения «международного вооруженного конфликта» с учетом устойчивой тенденции участия в них негосударственных акторов, внутреннего характера конфликтов и их интернационализации. Названные особенности повлияли на методологию изучения конфликтов, поэтому можно констатировать отход от государствоцентричного подхода, согласно которому международный конфликт понимается только как межгосударственный.

В одном из первых систематических исследований причинности войн в конце 1930-х гг. П.А. Сорокин выявлял закономерности «войн между государствами в системе международных отношений» и «внутренних беспорядков в системе межгрупповых отношений». В качестве причин «внутренних беспорядков» П.А. Сорокин выделял следующие пять: 1) «политические, главная цель которых состоит в изменении существующего политического режима; 2) преимущественно социально-экономическое измерение, направленное на изменение существующего социального и экономического строя; 3) национальные и сепаратистские движения, главная цель которых – национальная независимость, получение ав-

1 Meier et al. 2023, 551–552.
2 Matsuo 2005, 105–137.
3 Kaldor 2005, 90–111.
4 Lederach 1999, 6–7.
5 Wezeman et al. 2024.

тономии, отмена ущемлений в области избирательного права, или же получение других привилегий и преимуществ; 4) волнения на религиозной почве; 5) волнения, связанные со стремлением к особым целям, например, к персональным изменениям состава правительства, отмена какого-то закона, налога или другой меры», или волнения «без какой-то одной главной цели, но с двумя или большим числом разновидностей этих целей»[1]. Особенностью современного подхода является совмещение этих двух категорий насильственных политических конфликтов – внутренних и межгосударственных.

Проект КОСИМО предлагал универсальное определение конфликта в международных отношениях, и в базу данных были включены насильственные и ненасильственные, а также «национальные» и «международные» конфликты, то есть внутренние и межгосударственные. Руководители проекта Ф. Пфетч и К. Роулофф предложили следующее определение «конфликта в международных отношениях»: «столкновение противоречащих интересов (позиционные различия) вокруг национальных ценностей или проблем (независимость, самоопределение, границы и территория, доступ или распределение внутренней или внешней силы); конфликт должен быть продолжительным во времени и представлять определенный уровень интенсивности между как минимум двумя сторонами (государствами, группами государств, организациями или организованными группами), которые стремятся реализовать свои интересы и победить в борьбе. Как минимум одна сторона должна быть представлена организованным государством. Возможными инструментами, используемыми в ходе конфликта, могут быть переговоры, авторитетные решения, угрозы, давление, пассивный или активный выход (из конфликта), использование физического насилия и война»[2].

Проект Уппсальского университета дает общее определение вооруженного конфликта с участием государств: «спорная несовместимость по поводу управления и/или территории, где две стороны используют военную силу и где хотя бы одна сторона представлена правительством государства, а в результате военных столкновений гибнет как минимум 25 человек в течение календарного года»[3]. В рамках проекта выделяются прямые/первичные участники конфликта (*primary party*) и второстепенные/вторичные участники (*secondary party*). Отличие между прямыми и второстепенными участниками конфликта заключается в том, кто является основным носителем несовместимой позиции и кто выступает в поддержку одной из сторон конфликта. В проекте определены основные предметы конфликта – управление и территория. Несовместимость по поводу управления «касается типа политической системы, смены центрального правительства или изменения состава правительства». Несовместимость в отношении территории относится к «изменению страны, которая контролирует определенную территорию (межгосударственный конфликт), сецессию или автономию (внутренний конфликт)»[4].

Оба предмета конфликта связаны с политическими аспектами контроля над

1 Сорокин 2000, 669.
2 Pfetsch, Rohloff 2000, 27.
3 S. Högbladh, "UCDP GED Codebook Version 23.1," Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University, 2023, accessed August 2, 2024, https://ucdp.uu.se/downloads/ged/ged231.pdfUCDP.
4 Ibid.

территорией и участием в управлении, и одна из сторон конфликта, не являясь государственным актором, вступает в вооруженную борьбу по поводу этих политических вопросов с государством.

М. Мацуо выделял четыре категории причин внутренних конфликтов: структурные факторы (слабость государства, дилемма внутренней безопасности, этническая разнородность), политические факторы (дискриминирующие политические институты, исключающие национальные идеологии, внутригрупповая борьба за власть, особенности формирования и действия политических элит), экономические и социальные факторы (проблемы экономического и социального положения, дискриминирующие практики, проблемы модернизационного развития) и культурные факторы (дискриминационные практики в отношении культурных групп в образовании, религии и попытки ассимиляции)[1]. М. Мацуо указывал, что все эти проблемы перестали рассматриваться как прерогатива национальных правительств, и отмечал активное участие ООН в урегулировании таких конфликтов после окончания холодной войны[2]. М. Мацуо полагает, что причины конфликтов в развивающихся странах можно концептуализировать как противопоставление государств «Вестфальского типа» государствам «неудавшегося Вестфальского типа» *(Westphal states and Westphal failure states)*[3]. Схожие идеи были высказаны в монографии «Теория международных отношений и Третий мир»[4].

Достаточно долго следуя принципам политического реализма и государствоцентричного подхода, статусная асимметрия в вооруженном конфликте между государством и негосударственным актором определяла отношения к такому конфликту со стороны общества вовлеченных стран и международного сообщества. Согласно этим принципам, государства рассматриваются как легитимные и легальные политические сущности, которые представляют и защищают интересы населения определенной территории, включая вопросы безопасности и право применять насилие для защиты национальных интересов. Легальность и легитимность государств существенна для представительства в международных отношениях, участия в международных организациях, для заключения договоров и выполнения обязательств по этим договорам. Государство рассматривается как устойчивая политическая система, которая сохраняет преемственность по выполнению заключенных договоренностей при смене правительств или лидеров (преемственность и устойчивость политической власти). Государства обладают, как правило, большими ресурсами и возможностями для их мобилизации (ресурсная асимметрия). Это означает, что государства способны на долгое вооруженное противостояние, так как они распоряжаются всеми доступными национальными ресурсами, включая людские, финансовые, производственные, экономические и т.д.

Долгое время негосударственные акторы рассматривались как противоположность государствам в вооруженных конфликтах. Они не имеют права на

1 Matsuo 2005, 125.
2 Ibid., 115.
3 Ibid., 47.
4 Neuman 1998.

применение насилия, и их действия попадают под уголовное преследование по факту вооруженной борьбы против существующей государственной власти и политической системы. Легальный статус и легитимность негосударственного актора, то есть признание за данным актором права представлять интересы какой-то значимой группы или части населения определенной территории, часто требует особой регламентации. Многие негосударственные акторы не представляют собой устойчивой политической силы, которая может сохранять последовательность в выполнении принятых обязательств по договорам и нести ответственность в случае их нарушения (договороспособность)[1]. Негосударственные акторы для компенсации ресурсной и статусной асимметрий обращаются за внешней поддержкой.

При этом практика международных отношений и характер значительной части вооруженных конфликтов в послевоенный период приводит к легализации и легитимации негосударственных акторов – участников вооруженных конфликтов. Это изменение зафиксировано в Международном гуманитарном праве (МГП), которое регулирует правила и обычаи войны. В соответствии с 1 и 2 Дополнительными протоколами к Женевским конвенциям, принятое в 1977 г. понятие комбатанта как законного участника вооруженного конфликта «международного» и «немеждународного характера» было распространено на различные виды вооруженных негосударственных акторов. В соответствии с положениями Дополнительных протоколов представители негосударственных вооруженных групп должны были выполнять несколько важных условий, которые отличали бы их от гражданского населения, в том числе выполнять нормы МГП[2].

Исследователи и практики отмечают, что негосударственные акторы все чаще являются участниками переговоров о прекращении вооруженной борьбы с государством и об условиях мира[3]. В. Зартман писал, что негосударственный актор всегда будет стремиться к повышению своего статуса, а государственный актор не будет соглашаться на такие изменения. Суть вооруженной борьбы между государством и негосударственным актором состоит в признании за последним его легитимности и легальности, и в уменьшении полномочий и представительства государства[4]. Исследования вооруженных конфликтов также регистрируют тот факт, что одной из сторон в прекращении военных действий (*ceasefire*), примирении (*reconciliation*) или других формах завершения конфликта часто является негосударственный актор, нередко при посредничестве международных организаций, отдельных государств, политических движений и представителей диаспор[5]. Уппсальский проект, как и многие другие исследовательские центры изучения конфликтов, ведет статистику таких договоров[6]. Динамика, места размещения и цели миротворческих и политических миссий ООН после 1991 г. под-

1 Spector 1999, 309–334.
2 Гассер 1995; Lieblich, Alterman 2015, 191.
3 Hofmann, Schneckener 2011; Angelika Rettberg, and Federico Dupont. “Peace Agreement Implementation (PAI): What Matters? A Review of the Literature,” Oslo: NORAD, 2022, accessed August 2, 2024, https://www.jus.uio.no/smr/english/research/projects/partnership-for-peace/workin-paper-1%2Bcover.pdf.
4 Zartman 1995,11.
5 Hogbladh 2021.
6 “UCDP Peace Agreement Dataset Version 22.1,” UCDP, accessed August 2, 2024, https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#peaceagreement.

утверждают тенденцию активного участия во внутренних вооруженных конфликтах международных правительственных организаций[1].

Это сближение государств и негосударственных акторов – участников вооруженных конфликтов отражено в типологии негосударственных акторов, которую предложили В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов. В соответствии с предложенной типологией, негосударственные акторы – участники вооруженных конфликтов могут рассматриваться как государствоцентричные акторы с «государствоориентированным поведением» с высокой степенью организации, даже если они находятся в противостоянии с государством и оспаривают «у других акторов (прежде всего государств) их базовые функции, включая монополию на насилие»[2]. Систематизируя негосударственных акторов – участников вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, авторы определяют их как «альтернативные существующим государствам» в трех категориях: 1) «протогосударственные образования, представленные освободительными или сецессионистскими движениями, с той или иной мерой эффективности контролирующие определенные территории»; 2) «революционные организации, стремящиеся к смене политического режима или к принципиальному изменению политической системы того или иного государства»; 3) «антисистемные движения, борющиеся не с системой международных отношений как таковой, но с самой концепцией национального государства»[3]. Главный посыл статьи – это призыв расширить понятия «негосударственного актора» и выйти за государствоцентричное представление о международных отношениях и политике. Эта идея, несомненно, является революционной для российской науки о международных отношениях, в которой доминирующей парадигмой является политический реализм с соответствующим этому подходу видением роли государства во внутренней и внешней политике.

В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов высказали еще один важный тезис, который имеет прямое отношение к обсуждаемой проблеме определения субъектов международных отношений на основе противопоставления внешней и внутренней политики. Исследователи полагают, учитывая «все большее взаимопроникновение внутренней и внешней политики», что было бы логичным допустить, что «отделение внутреннего от внешнего не должно означать исключение внутриполитических процессов из нашего анализа»[4].

Выводы

Проблема участия негосударственных акторов в вооруженных конфликтах отражает расширение повестки и методологии изучения вооруженных конфликтов послевоенного времени, что является следствием существенного изменения практики международных отношений. Это изменение касается того, кто может считаться легитимным участником международных отношений, какую роль играют негосударственные акторы в вооруженных конфликтах и какое отношение

1 "United Nations. Maintain International Peace and Security," UN, accessed August 2, 2024, https://www.un.org/en/our-work/maintain-international-peace-and-security.
2 Наумкин, Кузнецов 2020, 111.
3 Ibid., 106–107.
4 Ibid., 105.

к негосударственным акторам существует у других участников международных отношений – государств, международных правительственных и неправительственных организаций. Кроме того, была преодолена дихотомия внутренней и внешней политики и определения того, что может относиться к международным отношениям. Значительная часть вооруженных конфликтов с участием негосударственных акторов рассматривается международным сообществом как выходящая за рамки внутренней политики, что делает возможным вмешательство внешних акторов в конфликт. Эволюция миротворческой деятельности ООН в пользу политических миссий для урегулирования внутренних конфликтов после 1991 г. свидетельствует об этих изменениях. Важно и то, что реализация таких миссий невозможна без одобрения Совета Безопасности ООН, то есть без одобрения пятью постоянными членами.

Феномен асимметричного конфликта отражает весь комплекс проблем и тенденций, которые после 1945 г. изменили характер вооруженных конфликтов с прямым или опосредованным участием великих держав, которые при этом стремились избегать прямого столкновения, что могло привести к новой мировой войне, теперь уже между ядерными державами. Современный мировой порядок регулирует наиболее опасные проявления «государственного эгоизма» в виде односторонне заявляемых национальных интересов, при этом негосударственные акторы могут действовать в «серой зоне», нарушая нормы национального и международного права и избегая ответственности, пользуясь поддержкой государственных или негосударственных акторов. Использование государствами негосударственных акторов для достижения собственных целей позволяет перенести ответственность, которая существует в рамках международных договоров, на негосударственных акторов, которые не являются подписантами этих договоров. В этом отношении существенным является развитие международного гуманитарного права и уточнение правовых последствий для негосударственных акторов – участников вооруженных конфликтов, а также для государств, которые оказывают поддержку воюющим сторонам – государствам или негосударственным акторам.

Работа с базами данных вооруженных конфликтов позволяет обобщить частные наблюдения на основе накопленного эмпирического материала и получить действительно глобальную перспективу происходящих событий, что не всегда возможно для отдельных исследователей или небольших исследовательских коллективов. Подобно тому как развитие статистики более 100 лет назад позволило Э. Дюркгейму создать метод статистической корреляции для понимания социальных процессов, так и сегодня существующие базы данных о конфликтах позволяют выявлять закономерности функционирования международного сообщества, даже если оно фрагментировано.

Базы данных позволяют верифицировать гипотезы, которые объясняют поражения развитых государств в вооруженной борьбе против негосударственных акторов и более слабых противников. Существенным фактором таких поражений является все более активная внешняя поддержка участников вооруженных конфликтов. Внешняя поддержка влияет на способность слабого участника конфликта продолжать вооруженную борьбу и дает ему возможность быть полноправным участником завершения конфликта. Участие негосударственных

акторов в урегулировании конфликта – прекращении вооруженной борьбы, заключении мирных договоренностей и разрешении противоречий – подразумевает учет интересов всех участников конфликта, включая негосударственных. Другим существенным аспектом внешней поддержки, которая влияет на исход конфликта, является отношение международного сообщества к конфликту, его участникам, причинам конфликта и способам его решения. Международное сообщество может легитимизировать оказание поддержки слабой стороне конфликта (негосударственному актору или государству), обосновывая это нормами и правилами международных отношений и учитывая обоснованность притязаний слабой стороны конфликта.

Существующая международная система при всей критике ее несовершенства представляет единственно действующую на данный момент универсальную и всеобщую систему согласованных принципов и правил, которых придерживается подавляющее число существующих государств. Как и любая система, она подвержена изменениям в соответствии с накапливающимися противоречиями и появлением новых потребностей. Одним из таких фиксируемых изменений является стирание границ между внутренней и внешней политикой и изменение принципов субъектности в международных отношениях. Для обеспечения устойчивости изменяющейся международной системы важно нахождение общих правил и способов их согласования между государствами и негосударственными акторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арон, Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002. 875 с.
Aron, R. *Memuary. 50 let razmyshlenii o politike.* M.: Ladomir, 2002 [In Russian].

Гассер, Х.-П. Международное гуманитарное право. Введение. М.: МККК. 1995. 127 с.
Gasser, Kh.-P. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Vvedenie*. M.: MKKK, 1995 [In Russian].

Громыко, Ал. А. Мировой беспорядок и поиск нового баланса сил. Прокси-войны в ядерный век. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2022. 44 с.
Gromyko, Alexey A. *Mirovoi besporyadok i poisk novogo balansa sil. Proksi-voiny v yadernyi vek*. Sankt-Peterburg: SPbGUP, 2022 [In Russian].

Дериглазова, Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск, 2009. 284 с.
Deriglazova, Larisa V. *Asimmetrichnye konflikty: uravnenie so mnogimi neizvestnymi.* Tomsk, 2009 [In Russian].

Дериглазова, Л.В. Победы и поражения США и РФ в асимметричных конфликтах XXI века // Международная аналитика. 2022. Том 13. № 2. С. 23–42. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-23-42.
Deriglazova, Larisa V. "Victories and Losses of the USA and Russia in Asymmetric Conflicts at 21st Century." *Journal of International Analytics* 13, no. 2 (2022): 23–42 [In Russian].

Наумкин, В.В., Кузнецов, В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6(64). С. 104–113. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113.
Naumkin, Vitaly, and Vasiliy A. Kuznetsov. "On the Issue of Classification of Non-State Actors in the Middle East." *World Economy and International Relations* 64, no. 6 (2020): 104–113 [In Russian].

Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного университета, 2000. 1055 с.
Sorokin, Pitirim A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika.* St. Petersburg: Russian Christian Humanities Institute, 2000 [In Russian].

Степанова, Е.А. Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия // Военная мысль. 2010. № 5. С. 47–54.
Stepanova, Ekaterina A. "Asymmetrical Conflict as Power, Status, Ideological and Structural Asymmetry." *Voennaya Mysl'*, no. 5 (2010): 47–54 [In Russian].

Тетерюк, А.С., Чижевский, Я.А. Беспилотные летательные аппараты в асимметричных конфликтах // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2(45). С. 189–201. https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.2.45/14.
Teteryuk, Alexei, and Yan A. Chizhevskiy. "Air Drones in Asymmetrical Conflicts." *International Trends* 14, no. 2 (2016): 189–201 [In Russian].

Тренин, Д. Гибридность как главная черта современных международных конфликтов // Международная аналитика. 2022. Том 13. № 2. С. 12–22. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-12-22.
Trenin, Dmitri. "Hybridity as a Central Feature of Contemporary International Conflicts." *Journal of International Analytics* 13, no. 2 (2022):12-22 [In Russian].

Shawn, Davies, Garoun Engström, Therese Pettersson, and Magnus Öberg. "Organized

Violence 1989–2023, and the Prevalence of Organized Crime Groups." *Journal of Peace Research* 61, no. 4 (2024): 673–693. https://doi.org/10.1177/00223433241262912.

Deriglazova, Larisa. *Great Powers, Small Wars: Asymmetric Conflict Since 1945*. Washington: Woodrow Wilson Center Press & Johns Hopkins University, 2014.

Zartman, William I., ed. *Elusive Peace: Negotiating an End to Civil Wars.* Wash., DC: The Brookings Institution, 1995.

Gowan, Richard. "Global Trends and Regional Developments in Armed Conflicts." In *SIPRI Yearbook 2024*. Stockholm: SIPRI, 2024.

Gross, Michael L. Moral Dilemmas of Modern War: *Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict.* Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Hofmann, Claudia, and Ulrich Schneckener. "Engaging Non-state Armed Actors in State and Peace-building: Options and Strategies." *International Review of the Red Cross* 93, no. 883 (2011):603–621. https://doi.org/10.1017/S1816383112000148.

Hogbladh, Stina. "Peace Agreements in Armed Conflicts: Focusing on Finding a Solution to the Conflict Incompatibility." *Pathways to Peace and Security,* no. 2 (2021): 11–23. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2021-2-11-23.

Neuman, Stephanie G., ed. *International Relations Theory and the Third World.* St. Martin's press: NY, 1998.

Kaldor, Mary. *New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era.* Cambridge: Polity, 2005.

Kruck, Andreas, and Andrea Schneiker, eds. *Researching Non-state Actors in International Security: Theory and Practice.* London: Routledge, 2017.

Last, Edward D. *Strategic Culture and Violent Non-State Actors. A Comparative Study of Salafi-Jihadist Groups.* London: Routledge, 2021.

Lederach, John P. *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies.* Wash., DC, 1999.

Lieblich, Eliav, and Owen Alterman. *Transnational Asymmetric Armed Conflict under International Humanitarian Law: Key Contemporary Challenges.* Tel Aviv: Institute for National Security Studies, 2015.

Mack, Andrew. "Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict." *World Politics* 2, no. 27 (1975): 175–200.

Matsuo, Masatsugu. *Peace and Conflict Studies. A Theoretical Introduction.* Hiroshima: Keisuisha, 2005.

Meier, Vanessa, Niklas Karlén, Therese Pettersson, and Mihai Croicu. "External Support in Armed Conflicts: Introducing the UCDP External Support Dataset (ESD), 1975–2017." *Journal of Peace Research* 60, no. 3 (2023): 545–554. https://doi.org/10.1177/00223433221079864.

Nicholson, Michael. *International Relations. A Concise Introduction*. Second Edition. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002.

Pfetsch, Frank R., and Christoph Rohloff. *National and International Conflicts,* 1945–1995. L.; N.Y.: Routledge, 2000.

Ryngaert, Cedric, and Marh Noortmann. *Non-State Actor Dynamics in International Law from Law-Takers to Law-Makers*. London: Rounteldge, 2010.

Spector, Bertram I. "Negotiating with Villains." In *International Negotiation: Actors, Structures/Process, Values,* edited by Berton P., Kimura H., and W. Zartman. NY: St. Martin's Press, 1999.

Tsygankov, Andrei. *Russia and America: The Asymmetric Rivalry*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2019.

Waltz, Kenneth N. "The Politics of Peace." *International Studies Quarterly* 11, no. 3 (1967): 199–211.

Wezeman, Siemon T., and Pieter D. Wezeman. "International Arms Transfer." In *SIPRI Yearbook* 2023. Stockholm: SIPRI, 2024.

Wright, Quincy. *A Study of War.* Chicago: Phoenix Books, 1964.

Сведения об авторе

Лариса Валериевна Дериглазова,

д.ист.н., профессор, Кафедра мировой политики факультета исторических и политических наук,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36
e-mail: dlarisa@inbox.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 19 июля 2024.
Переработана: 20 сентября 2024.
Принята к публикации: 25 сентября 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Дериглазова, Л.В. Негосударственные акторы в асимметричных конфликтах: что это значит и что из этого следует // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 21–36.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-21-36

Non-State Actors in Asymmetric Conflicts: What does It Mean and What Follows of It

ABSTRACT

The article examines the problem of the participation of non-state actors in armed conflicts in the post-war period. The study is based on the theory of asymmetric conflict, which offers hypotheses about the reasons for the paradoxical defeat of developed countries against relatively weak opponents, including non-state actors. The empirical basis of the study is armed conflict databases, which allow us to test sole observations and hypotheses about the characteristics of asymmetric armed conflicts. The study uses the databases of the Uppsala Conflict Data Program Project (Sweden) and the COSIMO Project (University of Heidelberg, Germany) as well as publications of the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). The study shows that the phenomenon of asymmetric conflicts reflects several important patterns of armed conflicts in the post-war period: the predominance of intrastate over interstate conflicts; the internationalisation of armed conflicts through the involvement of other countries, international organisations or non-state actors; the direct or indirect involvement of great powers in such conflicts; and the majority of armed conflicts occurring in Asia, Africa and the Middle East. Post-war armed conflicts are often referred to as "proxy wars" because the direct participants in the conflict are supported by external actors – states or non-state actors. The issues in conflicts between states and non-state actors are often political in nature, and the fundamental distinction between domestic and foreign policy has been overcome. The post-war period shows a gradual change of attitude towards the participation of non-state actors in armed conflicts, which reflects the recognition of their legitimacy as participants in the conflict, the negotiation and conclusion of agreements on the cessation of hostilities. Non-state actors in armed conflicts are themselves legitimised as representing the interests of particular groups and the goals of their struggle. UN peacekeeping operations since the end of the Cold War confirm these changes. Research on the participation of non-state actors in armed conflict reveals a broadening of the agenda and methodology for the study of post-war armed conflict, reflecting significant changes in the practice of international relations. These changes concern who is recognised as a legitimate actor in international relations, what role non-state actors play in armed conflict, and how non-state actors are viewed by other actors in international relations – states, international governmental and non-governmental organisations.

KEYWORDS

non-state actors, asymmetric conflict, asymmetric conflict theory, armed conflicts, databases

Author

Larisa V. Deriglazova,
Ph.D. (Hist.), Professor, Department of World Politics, Faculty of Historical and Political sciences, Tomsk State University Research Institute
36, Lenin avenue, Tomsk, Russia, 634050
e-mail: dlarisa@inbox.ru

Additional information

Received: July 19, 2024. Revised: September 20, 2024. Accepted: September 25, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Deriglazova, Larisa V. "Non-State Actors in Asymmetric Conflicts: What does It Mean and What Follows of It." *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 21–36.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-21-36

10.46272/2587-8476-2024-15-3-37-56

Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом

Павел Сергеевич Каневский, МГУ, Москва, Россия
Кирилл Евгеньевич Петров, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: kanevskiy@socio.msu.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу глубинных изменений системы международных отношений, происходящих в условиях усиления роли цифровых акторов и платформ в формировании глобальной повестки. Появление Интернета стало поворотным моментом в процессе развития всей системы международной коммуникации: процессы и способы распространения информации, механизмы формирования общественного мнения видоизменились, а цифровые платформы стали новым фактором ускорения глобализации. Вместе с тем, как показывают авторы, первоначальная природа Интернета, которая рассматривалась США и странами Запада как составная часть и технология на службе либерального порядка, со временем стала отражением усиливающейся конфронтации между государствами, а также пространством распространения политических конфликтов, стереотипов и информационных войн. Кроме этого, новые цифровые олигополии стали формировать цифровое пространство исходя из своих корпоративных интересов, ставя на первое место усиление своего влияния на рынке, а не качество онлайн-дискуссий и укрепление гражданской демократической культуры. Военизация и секьюритизация Интернета является логичным продолжением кризиса мирового либерального порядка. На место комплексной взаимозависимости, в укреплении которой цифровые акторы и платформы сыграли важнейшую роль, все чаще приходит идея цифрового суверенитета, то есть отгораживания от единого коммуникационного пространства, равно как создание норм, защищающих государства и граждан от чрезмерного влияния корпораций. Авторы приходят к выводу, что мы переживаем закат эпохи информационной открытости. Деполитизация Интернета невозможна без снижения градуса международной напряженности и возвращения духа рационализма в мировую политику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Интернет, цифровые акторы, цифровые платформы, международный либеральный порядок, цифровой суверенитет, система международных отношений

CC BY

© Павел Каневский, Кирилл Петров, 2024

Глобальная информационная эпоха и ее смысл для международных отношений

В период ускоренной глобализации цифровизация и децентрализация систем коммуникаций ускорились, начав активно влиять как на внутренние процессы в национальных государствах (особенно на электоральные), так и на отношения между политическими сообществами[1]. Глобальная информационная эпоха, как ее определяет Б. Симмонс, ознаменовалась появлением возможности для каждого создавать, передавать информационные, в т.ч. мультимодальные (текст-видео-звук) сообщения и, что не менее важно, получать доступ к информации глобально[2]. Как один из результатов, легко контролируемые национальными элитами эфирные СМИ (радио и телевидение), которые доминировали в качестве средства распространения массовой общественно значимой информации всю вторую половину XX в., утратили свое влияние на повестку дня. Отлаженные механизмы фабрики «согласия и пропаганды»[3] больше не производили востребованную публикой продукцию и, несмотря на все усилия элит, традиционные СМИ и новостные конгломераты перестали быть ключевым инструментом формирования общественного мнения.

В последнее десятилетие стало очевидно, что тон политической повестки дня задают и формируют цифровые платформы социальных медиа. Особенно ярко данный тренд проявился в 2015–2016 гг. в свете электоральной борьбы между Х. Клинтон, которая опиралась на традиционные для США медиа, и Д. Трампом с его армией поддержки в сфере цифровых социальных медиа. В современном коммуникационном пространстве сталкиваются различные мнения, эмоции и идентичности[4] десятков миллионов пользователей-посетителей[5]. Политическая повестка живет в социальных медиа, цифровых коммуникационных платформах. Она определяется динамически, при помощи алгоритмов, разработанных технологическими корпорациями для привлечения и удержания пользователей, а также мематического[6] потенциала контента, создаваемого и копируемого как рядовыми пользователями, так и знаменитостями с политиками.

С ослаблением роли прежних информационных «гейткиперов»[7] в лице эфирных и высокотиражных СМИ именно НГО одними из первых получили преимущество за счет абсолютно новых инструментов влияния на публичную сферу и сферу принятия решений. Цифровизация, расширение масштабов и удешевление индивидуального доступа к глобальной сети несомненно усилили возможности неправительственных акторов и групп интересов в международном информационном пространстве.

Отмеченное усиление роли и потенциала влияния негосударственных акторов видоизменило механизм принятия решений на транснациональном уровне.

1 Dahlgren 2005; Chadwick et al. 2016; Thompson 2020.
2 Simmons 2011, 595 (“*the ability of individuals to create, transfer, and access information globally*”).
3 Herman, Chomsky 2002.
4 Fukuyama 2018.
5 Подробнее о концепции возникновения феномена Цифровой Агоры см.: Петров 2023.
6 Мем – термин, придуманный Р. Докинзом для объяснения процессов передачи информации в социальной коммуникации по аналогии с геном, передающим информацию в биологической среде.
7 Bro, Wallberg 2015.

Вместе с тем единого подхода к пониманию роли негосударственных акторов до сих пор не сложилось. Дж. Пигман считает, что необходимо изменить исследовательскую оптику. По его мнению, сегодня изучение международных отношений должно быть сосредоточено на «представительстве и коммуникации между глобальными акторами, включая государства, многосторонние институты, организации гражданского общества и крупные компании»[1]. Дж. Уайзманн говорит о «многосторонней дипломатии как отношениях между государственными субъектами (государствами, группами государств или международными организациями) и негосударственными субъектами»[2]. П.А. Цыганков, в свою очередь, справедливо отмечает, что «сегодня государства испытывают давление со стороны негосударственных игроков и их объединений. Символическими образами современного мира стали новые акторы, в числе которых – транснациональный олигархический капитал, политические институты, профессиональные организации, группы интересов, медиа, отдельные биржевые спекулянты, политически мотивированные амбициозные миллиардеры, террористические группировки»[3]. Иными словами, многоуровневая система международных отношений более не строится исключительно на межгосударственных связях, а включает в себя значительное количество негосударственных групповых интересов.

По словам П. Керра, «современная дипломатия является средством защиты интересов»[4]. Между деятельностью различных негосударственных групп и государств на международном уровне обнаруживается много общего – действия и тех и других направлены на продвижение и защиту собственных интересов. Группы интересов встраиваются в механизмы принятия внешнеполитических и межгосударственных решений. Государства, в свою очередь, вполне могут пользоваться сетями влияния, создаваемыми организованными группами в т.ч. с использованием цифровой инфраструктуры, с целью достижения своих внешнеполитических и внешнеэкономических целей. Становление и распространение технологий цифровой коммуникации и децентрализованных сетей потенциального влияния для множества субъектов требуют междисциплинарности в современных подходах к изучению международных отношений (*IR*), в особенности – к факторам влияния со стороны гибридного медиа-ландшафта.

В международной системе возникает новая инфраструктура, посредством которой осуществляется продвижение государственных и негосударственных интересов, происходит информирование официальных лиц и общества по поводу проводимой политики или продвигаемой точки зрения, возникают новые формальные и неформальные каналы коммуникации, посредством которых государства и негосударственные акторы взаимодействуют между собой, формируют повестку по тем или иным вопросам, участвуют в совместном поиске ответов на вызовы и принятии решений. Под воздействием развития информационных технологий и Интернета в корне меняется процесс коммуникации между государствами и негосударственными акторами, появляются новые средства

1 Pigman 2010, 11.
2 Wiseman 1999, 10–11.
3 Состоятельность государства 2017, 92.
4 Kerr 2010, 236.

формирования общественного мнения и мобилизации различных групп граждан, ускоряются процессы международных транзакций.

Наконец, вокруг дерегулированной природы Интернета была создана целая индустрия по сбору и обработке данных, которые используются технологическими гигантами для увеличения прибыли. Компании по агрегированию и анализу данных становятся клиентами как крупных корпораций, так и политических сил по всему миру, получающих в распоряжение эффективные инструменты микротаргетирования своих потребителей или избирателей. Настоящая статья посвящена взаимодействию государственных и негосударственных акторов в контексте тренда цифровизации коммуникаций.

Главная цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, каким образом усиление роли цифрового способа коммуникации, Интернета, цифровых глобальных платформ и возвышение технологических корпораций[1] повлияло на изменение структуры международных отношений, какие субъекты вовлечены в процессы информационного влияния и как государства пытаются выстроить свою регулятивную среду.

Методология исследования построена на комплексном анализе цифровизации и ее роли в формировании пространства взаимодействия между государствами и негосударственными акторами в системе международных отношений. На первом этапе децентрализация общественных коммуникаций изменила прежнюю систему формирования публичной и международной повестки, создав вызов суверенитету государственных акторов. Ее обзор мы приводим через описание влияния эффектов технологических инноваций на общества в исторической перспективе.

На втором этапе сформировались олигополии цифровых коммуникационных платформ (экосистем) под контролем технологических компаний преимущественно американского происхождения. Эти новые акторы стали наращивать влияние, смысл которого хорошо описывается через концепт мягкой силы[2].

Другим результатом этого тренда стало возникновение феномена *fake news*, эхо-камер внутри социальных медиа, радикализация и поляризация общественных настроений, а также расширение понятия иностранного вмешательства и серия ужесточений регулирования на национальном уровне. Последний процесс можно назвать «контртрендом цифровой ресуверенизации», в рамках которого государства пытаются вернуть себе влияние или по крайней мере обеспечить паритет возможностей[3]. Он рассмотрен на примере обзора направлений регулирования цифрового пространства коммуникаций в странах БРИКС.

Выделим отдельные элементы процесса цифровизации коммуникаций в контексте изучения международных отношений:

1) Цифровизация укрепила возможности сетевым образом устроенных организаций. Негосударственные акторы стали более влиятельными субъектами в процессах формирования внешнеполитической и внешнеэкономической стра-

1 Smyrnaios 2023.
2 Хороший обзор современного развития концепции Дж. Ная см.: Паршин 2020.
3 В сравнении с технологическими корпорациями и/или странами Запада, выступающими главными бенефициарами тренда. См., например: Thussu 2020.

тегии отдельных государств и международных организаций. Хотя спор о том, формируют ли новые цифровые медиа новый тип сетевых организаций (например, левопопулистской «Захвати Уолл-Стрит») или являются просто новым способом коммуникации внутри традиционных сетевых структур, остается открытым. Сегодня корпорации, НПО, аналитические центры оказывают порой решающее влияние на органы власти своих стран, которые формируют внешние стратегии государств. Наконец, в мире возникают новые сферы принятия решений, в которых официальные государственные структуры являются лишь одним из субъектов подготовки данных решений, наряду с негосударственными акторами формируя систему многостороннего управления (*governance*).

2) Цифровизация развивалась и продвигалась в рамках ставки западных государств, в особенности США, на либеральный мировой порядок после окончания холодной войны.

3) Цифровизация создала необычно сильные возможности для информационного влияния на личное и общественное мнение. Это дало старт гонке за контроль над Интернетом как новым средством достижения политических изменений. Так, технологические корпорации, создав привлекательные для миллионов пользователей цифровые экосистемы для общения, самоорганизации и экономического обмена, расширили возможности влияния на общества и международные отношения.

4) Создание цифровой общественной инфраструктуры. Наиболее успешными примерами являются порталы Госуслуги в России и *Gov.br* в Бразилии[1]. Эти платформы к концу 2010-х гг. стали ключевым средством взаимодействия граждан с федеральным правительством, обеспечивая доступ к услугам. Госуслуги в России и *Gov.br* в Бразилии играют важнейшую роль в предоставлении различных государственных услуг и информации для общественного доступа, увеличивают скорость и эффективность коммуникации между гражданами и федеральным правительством.

5) Государства и межгосударственные организации все чаще осуществляют аутсорсинг ряда ключевых функций негосударственным акторам: транснациональным корпорациям, некоммерческим и правозащитным организациям, аналитическим центрам, частным армиям и т.д. В цифровом аспекте по этому пути идут, например, Индия, Россия, Бразилия. Эти страны сочетают политику активной роли государства в развитии инфраструктуры цифровых общественных благ и политику делегирования крупному национальному бизнесу решения вопросов развития архитектуры цифровой экономики через систему госконтрактов. При этом одна из сопутствующих задач для государства – превратить крупные корпорации в региональных или глобальных цифровых чемпионов.

6) Наконец, происходит ситуативное сближение интересов отдельных негосударственных групп и органов власти – первые все чаще выступают инструментами в руках национальных правительств, равно как, впрочем, и наоборот. Возникает симбиоз групповых и государственных интересов, что ведет к гибридизации международного пространства.

1 Согласно данным *SimilarWeb* на январь 2024 г., бразильский портал госуслуг является самым посещаемым в мире в своей категории – 176,3 млн ежемесячных посещений.

Технологический прогресс, глобальная сеть и мировой порядок

Описанные выше тенденции являются лишь частным, хотя и крайне важным случаем в долгой истории воздействия новых технологий на структуру международных отношений. Так, технологический прогресс, начиная с эпохи промышленных революций, был одним из ключевых элементов восхождения западных стран не только с экономической, но и с геополитической точки зрения. Сочетание экономической, технологической и военной мощи привело к тому, что уже к началу XIX в. в мире сформировался первый западоцентричный либеральный порядок, который позволил осуществить беспрецедентную по масштабу глобальную экспансию. Вопрос, почему именно Великобритания и последовавшие за ней страны Запада, смогли совершить индустриализацию и технологический скачок и получить огромные выгоды от т.н. великого расхождения[1], до сих пор является предметом обсуждений в среде историков и экономистов. Например, Дж. Голдстоун считает, что восхождению Великобритании в XVIII–XIX вв. способствовало уникальное сочетание «плюрализма, технического образования, экспериментальной науки и инноваций в коммерции, основанных на научном проектировании для экономического прогресса»[2]. Данная комбинация затем стала образцом для подражания в различных частях света от Западной Европы и США до Японии и Российской Империи, показавших возможности успешной догоняющей модернизации.

Технологический прогресс шел рука об руку с усилением роли науки и инноваций в экономической и общественной жизни. Наибольшие успехи достигались там, где для этого создавались благоприятные институциональные условия, где была дана определенная свобода ученым, изобретателям и экономистам. Именно поэтому технологический прогресс напрямую связан с развитием либерализма. Причем либерализм в данном случае рассматривается прежде всего утилитарно, с точки зрения его способности создавать предпосылки для развития человеческого потенциала, креативности и прогресса, которые ведут к экономическому и технологическому развитию, а те в свою очередь становятся основой геополитического влияния в мире.

Ускорение глобализации, новые витки технологического развития, интернационализация промышленных цепочек, усиление координации между ключевыми центрами капиталистического развития во второй половине XX в. привели к новому витку развития либерального порядка. Долгое время конкуренцию либеральной модели развития составляла плановая модель советского типа. В отдельные периоды она демонстрировала способность к генерации прорывных идей и развитию передовых технологий в некоторых отраслях, например в аэрокосмической. Однако в долгосрочной перспективе советская модель проиграла в конкуренции с Западом, так как не смогла создать четкую и долгосрочную связку между наукой, технологическим развитием и экономическим ростом. Отчасти это объяснялось чрезмерной идеологизацией и бюро-

1 Pomeranz 2000.
2 Голдстоун 2014, 292.

кратизацией научно-технических отраслей[1], отчасти тем, что Советский Союз был слишком вовлечен в гонку вооружений, не стремясь вкладывать ресурсы в развитие внутренней экономики и бросать вызов ставшему очевидным доминированию Запада в общей структуре глобальной экономики.

Однако появление Интернета в корне отличалось от предыдущих волн технологических инноваций, которые в разные эпохи видоизменяли геополитическую и геоэкономическую картину мира. Интернет с самого начала своего появления был больше, чем просто технологией. В отличие от изобретений прошлого, которые способствовали преимущественно качественным изменениям в промышленном производстве, Интернет оказался новым словом в формировании информационных потоков.

Он представлял собой важнейшую технологическую инновацию, которая должна была стать новой опорой для быстро глобализирующегося международного пространства конца 1980–1990-х годов. Будучи изначально лишь инструментом обмена информацией между учеными и институтами, Интернет быстро превратился в один из главных движущих элементов усиления либерального порядка после окончания холодной войны.

В эпоху «конца истории» Интернет рассматривался на Западе в качестве ключевого инструмента либерализации и демократизации. Можно согласиться с мнением Г. Фаррелла и А. Ньюмана, что благодаря Интернету США смогли перенастроить возглавляемый ими либеральный порядок, веря в силу открытой коммуникации, которая со временем будет приводить к усилению демократии, а также распространению либеральных и демократических идей по всему миру[2].

Успех быстрого развития либерального порядка в 1990-е гг. был связан с тем, что в его основе лежало уникальное сочетание факторов: военной мощи США и их союзников, оказавшихся *де факто* победителями в холодной войне, экономического и технологического превосходства Запада. Западные стратеги делали ставку на дальнейшее распространение данной модели, а Интернет предоставлял для реализации этой стратегии абсолютно новые возможности. По словам Л. Даймонда, Интернет должен был стать «технологией освобождения»[3], которая приведет мир к свободе и процветанию.

Построенный по принципам открытости, беспрепятственного обмена информацией и отсутствия внешнего контроля, Интернет стал новой платформой для усиления роли транснациональных сетей влияния, в которые входили и отдельные государства, и группы гражданского общества, и экономические акторы. Интернет стал новой движущей силой того, что Р. Кохейн и Дж. Най за два десятилетия до появления Интернета назвали «комплексной взаимозависимостью». Комплексная взаимозависимость приводит к плюрализации международного политического пространства, изменению соотношения между «политикой низкого уровня» и «высокой политикой», которые больше не рассматриваются в иерархическом порядке, а негосударственные акторы получают больше возможностей быть полноценными участниками формирования глобальной по-

1 Chan 2015.
2 Farrell, Newman 2021, 337.
3 Diamond 2010.

вестки и принятия решений[1]. Как тогда казалось, глобализация сетей влияния должна была привести к еще более ускоренной демократизации управления и либерализации экономики, усилению роли групп гражданского общества, большей свободе в процессах обмена информацией.

Иными словами, создавались все предпосылки для становления цифрового либерализма и цифрового либерального порядка. Это не означает, что Интернет в корне изменил структуру международной системы: скорее он стал дополнительным слоем комплексной взаимозависимости, значительно упростил коммуникацию и обмен информацией, усилил роль негосударственных акторов, однако он не освободился от политического влияния. Напротив, в самой природе Интернета была заложена амбивалентность, ведь он мог быть технологией освобождения в той же степени, в какой и технологией контроля.

Интернет был прежде всего американской и западной технологией, поэтому американские стратеги и политики с самого начала были нацелены на то, чтобы данная технология продолжала работать в интересах Запада. Это предпочтительное для США развитие цифровых коммуникаций может и должно приниматься во внимание при осмыслении роли новых медиа в исследованиях МО. В этом отношении изобретение сети Интернет и связанные с ним технологии информационных рынков как новая форма социальной власти могут быть рассмотрены как еще одно измерение для продвижения целей внешней политики США.

Данный подход предопределил отношение американцев к регулированию Интернета. Консенсус заключался в том, что его нужно оставить технологией максимально дерегулированной и в то же время находящейся под присмотром США, чтобы Интернет мог естественно поддерживать цифровой либерализм, будучи своего рода невидимой рукой либерализации и демократизации. В 1998 г. администрация президента США Б. Клинтона приняла решение передать контроль за Интернетом от Международного союза электросвязи (агентства ООН) частной калифорнийской компании *ICANN* (корпорация по управлению доменными именами и *IP*-адресами). *ICANN* отвечает за структуру Интернета и влияет на то, как развиваются связанные с ним технологии, включая протоколы именования, нормы обмена информацией и общие операционные стандарты. Среди ее задач – следить за сохранением саморегулируемости.

Интернет как фактор международной напряженности: случаи регулирования в странах Запада и БРИКС

США, будучи главным игроком в мире Интернета, создавая силами своих частных корпораций наиболее передовые и популярные онлайн-платформы и сервисы, получили в свои руки наиважнейший инструмент для усиления своего информационного, технологического и экономического влияния в мире. Дерегулированная природа цифрового либерализма создала парадокс – с одной стороны, Интернет стал важным двигателем демократизации и либерализации

1 Най 1989, 73.

по американскому сценарию, с другой стороны, это создало предпосылки его анархизации, что в итоге бумерангом ударило как по Соединенным Штатам, так и по международному либеральному порядку.

Структурные проблемы, заложенные в однополярной международной системе, дилеммы демократических интервенций, экономический кризис 2008 г. и последовавшие за ним социальные последствия, рост правого и левого популизмов, антиглобализм и нативизм спровоцировали глубокий кризис международного либерального порядка и его ключевых элементов.

К концу 2000-х гг. многие государства начали осознавать, что Интернет-технологии могут стать мощным информационным оружием, способным менять политические режимы. По словам Ф. Говарда, Интернет играл ключевую роль во всех демократических транзитах на рубеже XX–XXI вв. – от оранжевых революций на постсоветском пространстве до «арабской весны»[1]. На фоне роста геополитической напряженности между государствами, Интернет оказался в центре борьбы за умы граждан, так как многие государства видели в его либеральной и дерегулированной природе инструмент мягкой силы США и Запада, который начал угрожать стабильности и существованию нелиберальных режимов.

При этом многие государства начали экспериментировать с технологиями по регулированию контента, создаваемого пользователями, и «приземлению» компаний, предлагающих доступ к цифровым платформам социальных медиа. Один из важнейших мотивов таких действий – максимально оградить себя от информационного влияния стран Запада. Другой мотив – остановить бесконтрольное манипулирование рынками и ущемление индивидуальных прав, в том числе – права на защиту личной информации, со стороны олигополии или монополии технокорпораций[2]. Персональные данные в условиях развития платформенной экономики превращаются в ценный ресурс, способный оказывать существенное влияние на конкурентную динамику рынка. Так, заметные шаги, нацеленные на защиту персональных данных и усиление антимонопольного контроля и борьбы с нечестными конкурентными практиками, предпринял Евросоюз, где достаточно рано почувствовали недоброжелательную конкуренцию со стороны американских технологических гигантов. В ЕС к 2016 г. был разработан рестриктивный по отношению к бизнесу цифровых гигантов регламент защиты данных (далее – *GDPR*)[3].

Интернет из платформы для сотрудничества начал становиться ареной информационных войн и секьюритизации. В настоящее время именно страны объединения БРИКС являют собой лучший пример перехода к стратегии суверенизации цифрового пространства[4]. Однако часто за основу национального подхода берется именно регулирование ЕС. Здесь первопроходцем и наиболее жестким сторонником суверенизации и сверхрегулирования цифрового пространства, безусловно, является КНР[5].

1 Howard 2010, 3–4.
2 Данилин 2022.
3 Европейский парламент и Совет Европейского союза приняли *General Data Protection Regulation* в апреле 2016 года. Он вступил в силу 25 мая 2018 г. как регламент ЕС, поэтому *GDPR* применяется напрямую и имеет силу закона, который отдельные государства-члены могут видоизменить лишь в ряде положений.
4 Thussu 2020.
5 Kokas 2023.

В Китае управлением цифровой сферой занимаются как партийные, так и государственные органы, что отражает специфику китайской партийно-государственной системы. Усиливающаяся внешнеполитическая конфронтация с США требует от правительства ответных действий, в т.ч. в области ограничения доступа к своим передовым технологиям. Как считает И. Денисов, фундаментальный подход нынешнего китайского руководства ставит на первое место безопасность, предпочитая ее развитию. С подачи Си Цзиньпина в рассуждениях о стратегии развития страны теперь широко распространено понятие «мышление, исходящее из нижней границы», что предполагает рассмотрение и учет наихудших вариантов развития ситуации[1].

Основу политики КНР в области регулирования Интернета, создания безопасной и контролируемой среды для цифровой экономики и защиты персональных данных составляют три закона.

Во-первых, это принятый в 2016 г. Закон о кибербезопасности, устанавливающий жесткие требования к обработке персональных данных, защите критической инфраструктуры, а также мерам реагирования на кибератаки. Закон определяет персональную информацию как информацию любого вида, в частности зафиксированную в электронном виде, которая достаточна для идентификации личности физического лица. Сбор такой информации и ее использование операторами должны быть прямо разрешены лицом, чья личная информация собирается.

Во-вторых, это закон о защите персональной информации, вступивший в силу 1 ноября 2021 года. Данный акт дополнительно регулирует сбор, обработку и использование персональных данных граждан КНР. Документ устанавливает строгие требования к получению согласия пользователя на обработку данных, обеспечению конфиденциальности, а также к способам хранения и передачи персональных данных. Закон также устанавливает механизмы наказания за нарушения конфиденциальности данных, что делает его эффективным инструментом защиты персональной информации граждан.

В-третьих, это закон о безопасности данных, вступивший в силу 1 сентября 2021 года. Он вводит систему классификации и уровней защиты данных, в зависимости от важности данных в экономическом и социальном развитии, а также от степени угрозы национальной безопасности, общественным интересам или законным правам и интересам физических лиц и организаций в случае их изменения, уничтожения, утечки или незаконного получения и использования. В законе отдельно сформулировано понятие «ключевых национальных данных», которые относятся к национальной безопасности, например, жизненно важных интересов национальной экономики, важных аспектов жизни населения и значимых общественных интересов, и подлежат особо строгой защите.

Другим случаем, заслуживающим внимания, является Бразилия. В отличие от Китая, в Бразилии в настоящее время нет попыток создания «суверенного Интернета», там отдается приоритет национальным платформам или целенаправленно происходит укрупнение игроков ИТ-рынка для облегчения контроля

1 Денисов 2023.

над ними через слияния и поглощения. С другой стороны, Бразилия ввела и совершенствует сильные протекционистские меры, а система приземления заставляет иностранные компании фактически становиться «бразильскими» за счет регистрации местных подразделений как отдельных юридических лиц. Лейтмотив сохранения политической стабильности состоит в том, как в Бразилии происходит опережающее развитие регулирования в области сбора и хранения персональных данных, а также идентификации. Общий закон о защите персональных данных (*LGPD*) Бразилии был во многом вдохновлен *GDPR* Евросоюза. С сентября 2020 г. он устанавливает правила сбора, обработки и хранения персональных данных[1]. Закон касается всех компаний, осуществляющих свою деятельность в Бразилии вне зависимости от того, находится ее штаб-квартира или центр обработки данных в стране или за ее пределами.

Интересно отметить, что бразильский закон о защите данных дает определение конфиденциальных персональных данных, к которым относятся расовое или этническое происхождение, религиозные и политические убеждения, членство в профсоюзе и религиозной, философской или политической организации, данные, касающиеся здоровья и сексуальной жизни, а также генетические и биометрические данные. *LGPD* также делает акцент на несовершеннолетних: в их случае компании должны получить согласие родителей и собирать минимально возможный перечень данных, за исключением чрезвычайных ситуаций.

Можно сказать, что Бразилия отдает приоритет созданию широких возможностей как для донесения важной для государства информации до ключевых социальных страт посредством наиболее эффективных цифровых платформ, так и для конструирования ограничений по созданию и трансляции такого сигнала через механизмы экономического принуждения.

Отдельно стоит упомянуть об опыте федеративной Индии, в которой многоаспектность задач (в т.ч. социальных) правительства определила особенности регулирования цифровизации. Можно говорить о крайне активной роли государства в проектировании базовой цифровизации через развитие цифровых общественных благ с элементами высокой инклюзивности и фокусом на приоритетное развитие национального сектора цифровых сервисов.

При этом одна из задач государства – усиление потенциала крупных корпораций, их трансформация в национальных, а в перспективе и глобальных цифровых чемпионов. Крупный индийский бизнес уже традиционно является исполнителем многих ключевых госконтрактов.

Одновременно Индия не разрывает диалог с крупными иностранными корпорациями. Отличаются жесткостью лишь отношения с китайскими технокорпорациями и цифровыми сервисами, которых по сути выдавили с индийского рынка после обострения двусторонних отношений в 2020 году[2]. В отношении западных корпораций есть тенденция к росту давления на зарубежные компании с целью повышения локализации их деятельности.

1 Персональные данные включают: имя, фамилию, номера документов, пол, дату и место рождения, номер телефона, домашний адрес, местоположение по *GPS*, фотографию, медицинскую карту, банковские карты, доход, потребительские привычки, *IP*-адрес, файлы *cookie* и другие сведения.

2 Kumar 2021, 169–205.

Цифровая ресуверенизация, с индийской точки зрения, включает в себя следующие составляющие: совершенствование общественных сервисов и инфраструктуры и сетевых сервисов крупных компаний, рост локализации западных корпораций, создание условий для роста рыночной взаимозависимости, усиливающей переговорные позиции страны.

Регулирование в сфере персональных данных определяется накопленным с 2000 г. пакетом норм, регуляторных и судебных практик. В 2023 г. утвержден проект рамочного Закона о защите цифровых личных данных. В целом Индия систематизирует свою политику и требования с акцентом на регламентацию управления данными, а не создание «идеальной» системы их защиты, а также локализацию их хранения.

Еще одним государством, в котором введено специальное законодательство для защиты персональных данных от злоупотреблений, является Южно-Африканская Республика. Южноафриканский закон *POPIA* по своим ключевым положениям похож на европейский аналог *GDPR*. Однако законодательство в ЮАР, например, не подразумевает экстерриториальное применение в случае предложения товаров или услуг, как это делает *GDPR* в отношении граждан ЕС. В законе также содержатся исключения, разрешающие использование персональных данных для журналистской, литературной деятельности и деятельности в сфере искусств, а также при работе с анонимизированными данными. Требования *POPIA* о назначении ответственного лица менее жесткие, чем требования в рамках европейского *GDPR:* ответственным лицом (*Information Regulator*) может стать руководитель организации, при этом не обязательно имеющий экспертизу в сфере обработки и защиты данных. В *GDPR* существует требование хранения записей об обработке персональной информации, в *POPIA* эксплицитного требования нет, нет также и списка конкретных сведений, которые должны быть сохранены. *POPIA* менее рестриктивен в отношении санкций за нарушения: в то время как в рамках *GDPR* предусмотрены крайне высокие штрафы, вплоть до 4% годового глобального оборота компании, в *POPIA* потолок штрафа определен в 10 млн рандов (около 500 тыс. долл.). Вместе с тем *POPIA* предусматривает в качестве меры ответственности тюремное заключение (до 10 лет), чего нет в *GDPR*.

Завершая обзор мер, предпринимаемых странами БРИКС для снижения своей зависимости от эффектов глобальной цифровизации, отметим, что взаимодействие в рамках цифровой инфраструктуры влияния складывается вокруг желания национальных государств ограничивать и контролировать распространяемый в Интернете контент и их возможности заместить цифровую среду, созданную техногигантами. Мы не разбирали случаи прямых блокировок инфраструктуры социальных медиа, как, например, решение в конце августа 2024 г. Верховного Суда Бразилии в отношении запрета *X* И. Маска. Однако стоит подчеркнуть, что несмотря на практику избирательных блокировок, технокорпорации и влиятельные цифровые сервисы, как например *Telegram*, могут выступать как соперниками, так и ситуативными союзниками национальных государств.

Как мы видим, цифровизация оборачивается не столько усилением взаимозависимости, сколько попыткой государств отгородиться от информационного влияния друг друга. Сегодня тренд на интернационализацию коммуникативного пространства заменяется трендом на суверенизацию.

Деструктивные эффекты роста влияния цифровой среды

Цифровизация размывает традиционные способы политической борьбы и политической коммуникации, усиливая конфликтность как на национальном, так и на международном уровнях. Интернет оказывается пространством, заполненным не только демократическими и либеральными ценностями, но также экстремизмом, популизмом, бесконечными проявлениями *hate speech* и фейками. В частности, пока цифровые корпорации придавали цифровой инфраструктуре современные черты, террористические и деструктивные сети уже использовали ее по своему усмотрению для вербовки сторонников и распространения радикальных и конспирологических нарративов. Тревожной тенденцией стали также изменения в США и в мире, последовавшие за терактами 11 сентября 2001 года. Данная атака привела к первой волне защитных реакций со стороны государств, что ознаменовало начало эпохи онлайн контроля и слежки за виртуальной активностью граждан. Не случайно именно в США был введен в действие «Патриотический Акт»[1], содержащий беспрецедентные полномочия по вмешательству в личную цифровую переписку граждан (и не только) для Агентства Национальной Безопасности (АНБ)[2].

Одновременно на начало XXI в. пришлось кардинальное усиление влияния крупных, преимущественно американских технологических корпораций[3], которые освоили технологии сбора и анализа данных, что вкупе с развитием технологий больших данных и машинного обучения привело к эволюции «надзорного капитализма»[4]. АНБ на основе популярной инфраструктуры доступа к клиентским сервисам крупнейших американских ИТ-корпораций, включая *Yahoo, Microsoft, Apple* и *Google*, создало систему глубокого контроля ПРИЗМ, которая позволяла просматривать фактически весь пользовательский трафик. Публичный скандал, начавшийся после откровений Э. Сноудена о бесконтрольных правительственных системах цифровой слежки, усилил сохраняющееся давление общественности на законодательство 2001 года. Наиболее жесткие положения «Патриотического Акта» при администрации Б. Обамы потеряли свою силу после принятия в 2015 г. т.н. *USA FREEDOM Act*[5].

Постепенно цифровые корпорации обеспечили удобное посредничество в создании пользовательского контента, возможность быстрой интерактивности между пользователями. Новые медиатехнологии усилили способность отдельного человека устанавливать сетевые связи с другими пользователями. За последние примерно 16 лет в конкуренции за мировой рынок были успешно внедрены, как минимум, две прорывные инновации, серьезно изменившие социальные отношения и сдвинувшие баланс интересов в политике. Первая технология – это алго-

1 Официальное полное название законодательного акта: "*Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001*".

2 АНБ – структура, формально подчиненная Министерству Обороны США.

3 Уже к 2014 г. *Google* встал в ряду крупнейших корпоративных лоббистов и мог позволить себе тратить миллионы долларов на лоббирование в правительстве США вопросов занятости, политики на рабочих местах, регулирования конкуренции и налоговой политики, чтобы защитить свой статус. См.: Tom Hamburger and Matea Gold, "Google, Once Disdainful of Lobbying, Now a Master of Washington Influence," The Washington Post, April 12, 2014, accessed July 15, 2024, https://www.washingtonpost.com/politics/how-google-is-transforming-power-and-politicsgoogle-once-disdainful-of-lobbying-now-a-master-of-washington-influence/2014/04/12/51648b92-b4d3-11e3-8cb6-284052554d74_story.html.

4 Зубофф 2022.

5 Официальное полное название законодательного акта: "*Uniting and Strengthening America by Fulfilling Rights and Ensuring Effective Discipline Over Monitoring Act.*"

ритмизация доступа пользователей к индивидуальной ленте информационных и рекламных сообщений. Бесконечно масштабируемые алгоритмы постоянно готовы выдавать пользователям медиаплатформ информацию по принципу положительной обратной связи и технологий *look alike* («наподобие»)[1]. Вторая – это активно развивающиеся в настоящее время генеративные нейросети и сверхбольшие лингвостатистические модели, чаще всего называемые ИИ. Возможность коммерциализации технологий многоцелевого ИИ исключительно важна для захвата нового глобального рынка. Американские корпорации Алфабет, контролирующая большую часть глобального рынка интернет-поиска, и Майкрософт после покупки стартапа *Open-AI* находятся во главе гонки. Другие американские и ряд китайских и российских компаний стараются не допустить критического отставания от первопроходцев в области ИИ.

Несмотря на весь технологический прогресс из цифрового пространства для свободного обмена мнениями и дискуссий Интернет все чаще превращается в поле бесплодных и ожесточенных информационных баталий. Интернет-коммуникации способны усиливать поляризацию, превращаясь в пространство эхо-камер, в которых люди объединяются по идеологическим и ценностным пристрастиям, предпочитая слышать и доверять только единомышленникам, тем самым существенно усиливая социально-политические расколы. Например, в США политико-идеологическая поляризация американских избирателей бьет исторические рекорды. Сторонники республиканцев и демократов имеют разные ценности и по-разному выстраивают приоритеты в развитии страны[2]. В Европе успехи антиэлитарных партий на выборах, например, «Альтернативы для Германии», «Пяти звезд» в Италии или "V*ox*" в Испании, часто прямо основаны на игнорировании традиционных медиа и фокусировке на интернет-кампаниях[3].

Современный Интернет, стоящий на службе корпораций и государства, – это гигантская машина по сбору и анализу данных, которая создает предпосылки для упрощения и алогоритмизации политики. Всеобщая зависимость от цифровых коммуникаций сделала западные сообщества крайне чувствительными к экологическому состоянию информационной среды. Дж. Де Риддер считает, что дезинформация в буквальном смысле загрязняет нашу информационную среду. В результате людям приходится прикладывать гораздо больше усилий для фильтрации эпистемически достоверных ответов от недостоверных. Дж. Де Риддер уверен, что дезинформация имеет системные последствия для нашей информационной среды, делая нас всех уязвимыми[4]. Даже Ю. Хабермас, один из главных сторонников идеи делиберативной демократии, в своей последней крупной работе признал, что Интернет не стал новым словом в развитии демократии[5]. Ю. Хабермас считает, что публичное пространство эпохи цифровизации обладает рядом дисфункций, качество публичной коммуникации и публичных деба-

1 Popov, Iakovleva 2018.
2 "As Partisan Hostility Grows, Signs of Frustration with the Two-Party System," Pew Research Center, August 9, 2022, accessed August 5, 2024, https://www.pewresearch.org/politics/2022/08/09/as-partisan-hostility-grows-signs-of-frustration-with-the-two-party-system/.
3 Сергеев et al. 2018.
4 De Ridder 2021.
5 Habermas 2023.

тов снижается, публика становится более конфликтной, что в итоге приводит к многочисленным сбоям в демократическом управлении[1].

Вместе с тем проблема цифрового антилиберализма не в злонамеренном поведении технологических корпораций, отдельных государствах или социально-политической поляризации как таковых. В цифровую эпоху меняется природа демократии и процессов подготовки и принятия решений. Если в традиционных представительных демократиях на первое место выходили культура дискуссии и компромисса, политика цифровой эпохи построена на сиюминутных устремлениях, страхах и предвзятостях электората. Как показала Э. Эпплбаум, либеральная демократия хрупка, и при соблюдении ряда условий любое общество может отвернуться от демократии[2]. Чем дальше развивается цифровая коммуникация, тем очевиднее, что характерные для второй половины XX в. формы демократического управления ее не переживут. Прежние формы контроля популистских настроений не работают, а бывшие либералы отказываются от своего политического кредо, чтобы сохраниться.

Заключение

Изобретение Интернета оказало по-настоящему революционной эффект на развитие глобальной коммуникации и всей системы международных отношений. Пройдя путь от малозаметной технологии для нужд армии и ученых до обволакивающей всю землю коммуникационной сети, Интернет осуществил глубинную трансформацию в процессах получения и обработки информации, формирования повесток дня. В настоящее время цифровая инфраструктура системно влияет на то, как принимают решения все люди на планете, от обычного гражданина до президента страны.

Интернет, будучи американской технологией, открыл новый и важнейший этап на пути технологического прогресса Запада. Быстро поняв его невероятный потенциал, США попытались сделать все для того, чтобы Интернет стал спутником глобальной демократизации и либерализации, развития рынков и свобод граждан. Этим объясняется децентрализованная природа Интернета, поддержаная США и международным сообществом в 1990-е гг. на волне усиления глобального сотрудничества и взаимозависимости.

Однако по мере изменения структуры международных отношений, постепенного роста напряженности между государствами, усиления роли транснациональных корпоративных гигантов вплоть до формирования олигополий, намеренно создающих критическую зависимость от своих сервисов, сбоях в процессах демократизации и рационализации политики по всему миру, Интернет раскрыл свою оборотную сторону. Это ведет к хаотизации международного информационного пространства, отгораживанию государств от глобальной информационной инфраструктуры, формированию бесконечных эхо-камер и усилению цифрового популизма, ставшего спутником популизма политического. Более того, произошла очевидная военизация и секьюритизация Интернета, который стал

1 Ibid.
2 Applebaum 2020.

рассматриваться разными государствами скорее как орудие противостояния и пропаганды, нежели чем инструмент сотрудничества и свободного распространения информации. Разворачивается очевидный конфликт между суверенизацией цифрового контроля и битвой за глобальные рынки со стороны государств и технокорпораций, за обладание явным технологическим преимуществом по администрированию критически важных для экономик и обществ сервисов. В настоящее время государства и корпорации одновременно поддерживают и бросают вызов друг другу в качестве новых «гейткиперов» в гибридной цифровой медиасреде, например, в вопросах доступа пользователей, конфиденциальности данных и шифрования каналов передачи информации.

В то же время в этой роли им бросают вызов и негосударственные субъекты, например, группы, которые пытаются разработать собственные архитектуры шифрования, электронные нефиатные валюты или децентрализованные платежные системы.

Вероятно, мы наблюдаем закат эпохи информационной открытости, что является одним из симптомов глубокого кризиса международного либерального порядка с его идеями универсализма и рационального поведения акторов в условиях взаимовыгодной взаимозависимости.

Возможно ли изменение природы Интернета вслед за изменением динамики международных отношений? Будет ли возвращение к отдельным элементам первоначальной природы децентрализованного онлайн пространства следствием очередного витка глобальной децентрализации? На сегодняшний день это скорее гипотетические вопросы, однако Интернет не более чем инструмент в руках людей. Очевидно, что деполитизация Интернета крайне затруднительна без снижения градуса международной напряженности, а возможность установления международного режима вокруг цифрового пространства эфемерна из-за слишком разнонаправленных усилий национальных государств в области регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Голдстоун, Джек. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.

Goldstone, Jack. *Why Europe? The Rise of the West in World History*, 1500–1850. Moscow: Gaidar Institute Press, 2014 [In Russian].

Данилин, И.В. Борьба с интернет-монополиями в Китае и США // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Том 66. № 10. 73–80.

Danilin, Ivan V. "Fighting Internet Monopolies in China and the U.S." *World Economy and International Relations* 66, no. 10 (2022): 73–80 [In Russian].

Денисов, И.Е. Китайская стратегия «больших данных»: реформа управления, инновации и глобальная конкуренция. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2023.

Denisov, Igor Y. *Kitajskaja Strategija "Bol'shih Dannuh": Reforma Upravlenija, Innovacii i Global'naja Konkurencija.* Moscow: MGIMO-University Press, 2023 [In Russian].

Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.

Zuboff, Shoshana. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2022 [In Russian].

Най, Дж. С. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.

Nye, Joseph S. "Vzaimozavisimost' i Izmenjayuschajasja Mezhdunarodnaja Politika." *World Economy and International* Relations, no. 12 (1989) [In Russian].

Паршин, П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2020.

Parshin, Pavel B. *Soft Power in the Labyrinth of Discussions*. Moscow: MGIMO-University Press, 2020 [In Russian].

Петров, К.Е. Вызовы агоры цифрового общества // Полития. 2023. № 4. С. 7–30.

Petrov, Kirill Y. "Vyzovy Agori Cifrovogo Obschestva." *Politiya* 4 (2023): 7–30 [In Russian].

Сергеев, В.М., Казанцев, А.А., Петров, К.Е., Медведева, С.М. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 130–149.

Sergeev, Victor M., Kazantsev, Andrey A., Petrov, Kirill Y., and Svetlana M. Medvedeva. "Krisis Partijno-Politicheskoj Sistemi v SShA i Stranah ES: Prichini i Harakteristiki." *Polis. Political Studies* 2 (2018): 130–149 [In Russian].

Состоятельность государства и национальные интересы России в глобальном мире: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 3. С. 90–136.
"The Viability of the State and the National Interests of Russia in the Global World: A Moscow University Political Science Round Table." *Moscow University Journal. Political Sciences* 3 (2017): 90–136 [In Russian].

Applebaum, Anne. *Twilight of Democracy: The Seductive Lure of Authoritarianism*. Anchor, 2020.

Bro, Peter, and Filip Wallberg. "Digital Gatekeeping: News Media versus Social Media." In *The Future of Journalism: In an Age of Digital Media and Economic Uncertainty*, edited by B. Franklin. Routledge, 2015.

Chadwick, Andrew, Dennis, James, and Amy P. Smith. "Politics in the Age of Hybrid Media: Power, Systems, and Media Logics." In *The Routledge Companion to Social Media and Politics*, edited by Axel Bruns, Gunn Enli, Eli Skogerbo, Anders Olof Larsson, and Christian Christensen. Oxon: Routledge, 2016: 7–22.

Chi Ling Chan. "Fallen Behind: Science, Technology, and Soviet Statism." *Intersect* 8, no. 3 (2015): 1–11.

Dahlgren, Peter. "The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Deliberation." *Political Communication* 22, no. 2 (2005): 147–162.

De Ridder, Jeroen. "What's so Bad about Misinformation?" *Inquiry* (2021): 1–23. https://doi.org/10.1080/0020174X.2021.2002187.

Diamond, Larry. "Liberation Technology." *Journal of Democracy* 21, no. 3 (2010): 69–83.

Farrell, Henry, and Abraham L. Newman. "The Janus Face of the Liberal International Information Order: When Global Institutions Are Self-Undermining?" *International Organization* 75 (2021): 333–358.

Fukuyama, Francis. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment.* Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Habermas, Jürgen. *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics.* New York: John Wiley & Sons, 2023.

Herman, Edward S., and Noam Chomsky. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 1988.

Howard, Philip N. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam.* Oxford University Press, 2010.

Kerr, Pauline. "Diplomatic Persuasion: An Under-Investigated Process." *The Hague Journal of Diplomacy* 5, no. 3 (2010): 235–261. https://dx.doi.org/10.1163/187119110X508512.

Kokas, Aynne. *Trafficking Data: How China is Winning the Battle for Digital Sovereignty.* Oxford University Press, 2023.

Kumar, Sangeet. *The Digital Frontier: Infrastructures of Control on the Global Web.* Indiana University Press, 2021.

Pigman, Geoffrey A. *Contemporary Diplomacy*. Maiden, MA: Polity, 2010.

Pomeranz, Kenneth. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy.* Princeton University Press, 2000.

Popov, Artem, and Daria Iakovleva. "Adaptive Look-Alike Targeting in Social Networks Advertising." *Procedia Computer Science* 136 (2018): 255–264.

Simmons, Beth. "International Studies in the Global Information Age." *International Studies Quarterly* 55, no. 3 (2011): 589–599.

Smyrnaios, Nikos. "The GAFAM, between Structural Influence and Hegemonic Crisis." *Pouvoirs* 185, no. 2 (2023): 19–30.

Thompson, John B. "Mediated Interaction in the Digital Age." *Theory, Culture & Society* 37, no. 1 (2020): 3–28.

Thussu, Daya K. "BRICS De-Americanizing the Internet?" In *BRICS Media,* edited by Daya K. Thissu, and Kaarle Nordenstreng. Routledge, 2020: 280–301. https://dx.doi.org/10.4324/9780429468759-21.

Wiseman, Geoffrey. "'Polylateralism' and New Modes of Global Dialogue." *Center for the Study of Diplomacy. Discussion Papers* 59 (1999).

Сведения об авторах

Павел Сергеевич Каневский,
к.полит.н., доцент Кафедры современной социологии социологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
119234, Россия, Москва, ул. Колмогорова, 1с33
e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Кирилл Евгеньевич Петров,
к.полит.н., старший научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ, МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
e-mail: originalkir@gmail.com

Дополнительная информация
Поступила в редакцию: 30 июля 2024.
Переработана: 14 сентября 2024.
Принята к публикации: 29 сентября 2024.

Конфликт интересов
Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование
Каневский, П.С., Петров, К.Е. Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 37–56.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-37-56

Digital Actors and Digital Platforms in the System of International Relations: Between Complex Interdependence and Online Sovereignty

ABSTRACT

The article analyzes deep changes in international relations that are taking place in the context of the increasing role of digital actors and platforms in shaping the global agenda. The emergence of the Internet was a turning point in the development of the entire system of global communications. The Internet changed the way information is spread and public opinion is shaped, while digital platforms became a new factor of globalization. At the same time, as the authors demonstrate, the original nature of the Internet, which was viewed by the United States and the West as an integral part and technology of the liberal order, in the end started to reflect the increasing confrontation between states, and became a space for the spread of political conflicts, stereotypes and information wars. In addition, new digital oligopolies began to shape the digital space based on their corporate interests, prioritizing their market share rather than the quality of online discussions and the strengthening of the civic democratic culture. The weaponization and securitization of the Internet is a logical continuation of the crisis of the global liberal order. The complex interdependence, which was strengthened by digital actors and digital platforms, is increasingly being replaced by the idea of digital sovereignty. States aim to decouple from a single communicative space and to create norms protecting them and their citizens from the excessive influence of the Big Tech. The authors conclude that we are experiencing the sunset of the era of information openness. Depoliticization of the Internet is impossible without reducing international tension and reviving the spirit of rationalism in world politics. Only through getting back to reason can we return to the Internet the role of a creative, rather than destructive technology.

KEYWORDS

Internet, digital actors, digital platforms, international liberal order, digital sovereignty, system of international relations

Authors

Pavel S. Kanevskiy,
PhD (Polit. Sci.), Associate professor, Department of Sociology Moscow State University,
1/33, Kolmogorova Steet, Moscow, Russia, 119234
e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Kirill Y. Petrov,
PhD (Polit. Sci.), Senior Researcher, Center for Political Elites Studies,
Institute for International Stusies, MGIMO University,
76, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: originalkir@gmail.com

Additional information

Received: July 30, 2024. Revised: September 14, 2024. Accepted: September 29, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kanevskiy, Pavel S., and Kirill Y. Petrov. "Digital Actors and Digital Platforms in the System of International Relations: Between Complex Interdependence and Online Sovereignty." *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 37–56.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-37-56

10.46272/2587-8476-2024-15-3-57-69

«Новый космос» двойного назначения: опыт США

Дмитрий Викторович Стефанович, ИМЭМО РАН, Москва, Россия
Александр Сергеевич Ермаков, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: stefanovich@imemo.ru

АННОТАЦИЯ

В работе исследуется проблематика «Нового космоса» и все большего вовлечения частных космических компаний в военную деятельность государств мира на примере США. Рассматриваются конкретные направления работы частных космических компаний, анализируются интересы государственных ведомств в части подключения негосударственных акторов к реализации задач обороны. Оцениваются возможные последствия таких тенденций для международной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новый космос, милитаризация космического пространства, пусковые услуги, дистанционное зондирование Земли, космическая связь, космическая ситуационная осведомленность, орбитальное обслуживание, международная безопасность

CC BY

© Дмитрий Стефанович, Александр Ермаков, 2024

Вступление и постановка проблемы

Одной из ключевых особенностей текущего этапа освоения космического пространства в военных целях является все более активное вовлечение частных компаний в решение задач военных ведомств различных стран. Стремительно растут количество и возможности крупных группировок космических аппаратов («мегасозвездий») различного назначения (в первую очередь выполняющих задачи связи и разведки). Повышаются доступность и оперативность услуг по выводу полезной нагрузки в космос.

Космическая инфраструктура уже является одним из ключевых обеспечивающих элементов военной мощи ведущих военных держав, а в перспективе – может приобрести и ударный функционал, в первую очередь в интересах противоракетной обороны. Соответственно, снижение потенциала такой инфраструктуры становится важнейшей задачей любого вероятного противника. В условиях «мегасозвездий» функциональное и огневое поражение соответствующих систем является невероятно сложной операцией. С учетом конфликтов различной степени интенсивности и ожесточенности между рядом ключевых государств мира, такая ситуация ведет к возможным новым угрозам как со стороны коммерческих акторов, так и в их адрес.

На сегодняшний день нет согласованного определения «Нового космоса» (*New Space*), существующие попытки найти консенсус в этой области обычно сводятся к трем основным факторам: ускорение и удешевление процессов, большая свобода частного капитала, коммерческие принципы ведения деятельности и готовность к рискам. Соответствующие материалы опубликованы учеными в различных странах, в частности, К. Буседрой, А. Голкаром, В. Петерсом, А. Соладо, Р. Пиллаж, Л.В. Панковой, О.В. Гусаровой, В.А. Веселовым и др. При этом сохраняются различия в восприятии «Коммерческого космоса» и «Нового космоса» – исходя из цепочек формирования стоимостных и ценностных показателей тех или иных процессов[1].

Вместе с тем проблематика влияния «Нового космоса» на международную и национальную безопасность, в первую очередь военную безопасность, до настоящего времени представляется недостаточно исследованной, хотя размывание границ между гражданскими и военными космическими аппаратами (КА) отмечается в отдельных работах[2]. При этом отчасти продолжается и обратный процесс – применение военных КА для гражданских нужд[3]. Кроме того, анализируются разнонаправленные последствия развития «Нового космоса» для вооруженных сил[4].

Связь «Нового космоса» и режимов нераспространения, в частности Режима контроля за ракетной технологией, также является предметом исследования ряда специалистов[5], однако данная статья эту тему затрагивает лишь по касательной.

В Пентагоне прямо заявляют[6] о необходимости подключения коммерческих технологий и частных компаний к решению задач обеспечения национальной безопас-

1 Ronci et al. 2020.
2 Веселов 2017.
3 Лысенко 2019.
4 Grest 2020.
5 Héau and Brockman 2024.
6 Sandra Erwin, "Pentagon Unveils Strategy to Harness Commercial Space Tech for National Security," Space News, April 2, 2024, accessed August 29, 2024, https://spacenews.com/pentagon-unveils-strategy-to-harness-commercial-space-tech-for-national-security/.

ности. Весной 2024 г. опубликована соответствующая стратегия американского военного ведомства[1]. В ближайших планах формирование из доверенных подрядчиков (предоставляющих как пусковые услуги, так и услуги космических группировок – связные, дистанционного зондирования Земли и пр.) «Коммерческого космического резерва» (*Commercial Augmentation Space Reserve, CASR*) по образцу резервных воздушного и морского флотов, который в случае нужды фрахтует средства перевозок[2]. Первые контракты планируется выдать в 2025 году.[3] В итоге, в случае необходимости, часть коммерческой и союзной космической инфраструктуры, изначально построенной с учетом требований Пентагона (например, в части кибербезопасности), сможет быстро образовывать вместе с американской военной общую «гибридную космическую инфраструктуру»[4]. При этом именно в сфере исследования кибербезопасности и соответствующих уязвимостей инфраструктуры «Нового космоса» на сегодняшний день наблюдается достаточно серьезная академическая активность[5].

Насколько можно судить, последствия для коммерческих предприятий в связи с возможным противодействием со стороны тех государств, которые полагают США угрозой уже своей национальной безопасности, на сегодняшний день не в полной мере учитываются при принятии соответствующих решений, хотя в упомянутой выше стратегии и существует предложение о финансовой защите в случае рисков. Вместе с тем это не означает невозможности снижения рисков в данной сфере, в том числе путем каких-то инициативных норм ответственного поведения, демонстрируемых частными космическими компаниями для минимизации ложного восприятия их деятельности.

К областям «Нового космоса», уже сегодня (в крайнем случае – завтра) активно вовлеченным в военно-космическую деятельность, в рамках настоящего исследования предлагается отнести следующие: пусковые услуги, связь, дистанционное зондирование Земли, космическую ситуационную осведомленность, орбитальное обслуживание. Именно своего рода революция в пусковых услугах является основой всех прочих изменений, на чем мы остановимся подробнее.

Пусковые услуги

В последние годы имело место радикальное изменение облика космических пусковых услуг. В первую очередь внимание привлекают усилия *SpaceX* по снижению стоимости запуска средних и тяжелых ракет-носителей за счет использования частично многоразовых систем. Они вместе с развитием электроники открывают путь к построению принципиально новых спутниковых группировок из сотен и даже тысяч небольших спутников. Наиболее известное из таких «мегасозвездий» – *Starlink*, но Военно-космические силы США строят свое – *PWSA (Proliferated*

1 "DoD Commercial Space Integrations Strategy," April 2024, accessed August 29, 2024, https://media.defense.gov/2024/Apr/02/2003427610/-1/-1/1/2024-DOD-COMMERCIAL-SPACE-INTEGRATION-STRATEGY.PDF.

2 Courtney Albon, "US has Planes, Boats on Call for Emergencies, Why not Satellites?," C4ISRNET, April 11, 2023, accessed August 29, 2024, https://www.c4isrnet.com/battlefield-tech/space/2023/04/11/us-has-planes-boats-on-call-for-emergencies-why-not-satellites/.

3 Courtney Albon, "Space Force to Put Firms Under Contract for Commercial Reserve by 2025," C4ISRNET, April 11, 2023, accessed August 29, 2024, https://www.c4isrnet.com/battlefield-tech/space/2024/02/02/space-force-to-put-firms-under-contract-for-commercial-reserve-by-2025/.

4 "Initial contracts for Hybrid Space Architecture Program," Defense Innovation Unit, July 7, 2022, accessed August 29, 2024, https://www.diu.mil/latest/developing-the-internet-of-space.

5 Manulis et al. 2020; Ромашкина 2022.

Warfighter Space Architecture, «Расширенная космическая инфраструктура для боевых действий»), которое будет предназначено для связи, разведки, предупреждения о ракетных пусках, выдачи целеуказания ПРО по баллистическим целям и гиперзвуковым глайдерам.

Новый этап милитаризации космоса ставит не только задачу снижения цены вывода полезной нагрузки. Растет заинтересованность в оперативном выводе небольших спутников через минимальное время после приказа. Традиционные поставщики пусковых услуг для этого не подходят. Их работа расписана по графику на месяцы и даже годы вперед, логистика и инфраструктура рассчитаны на длительную подготовку. Даже свободный стартовый стол для «взрослых» ракет по запросу найти трудно, особенно в США, где имеющаяся космическая инфраструктура сейчас предельно перенапряжена растущим количеством пусков.

На решение этой задачи направлены усилия по расширению применения легких ракет-носителей, которые используют свободную от более тяжелых ракет пусковую инфраструктуру (зачастую относительно недорого построенную), или альтернативных способов запуска – с мобильных сухопутных пусковых установок, морского или воздушного старта.

В первую очередь необходимо выделить программу Военно-космических сил США *Tactically Responsive Space* (*TacRS,* «Тактически адаптирующийся космос»), в рамках которой в 2023 г. был проведен третий пуск. Для запуска использовалась ракета *Alpha* компании *Firefly Aerospace*. Второй пуск в рамках программы, которая тогда называлась *Tactically Responsive Launch* (*TacRL*, «Тактически адаптирующийся пуск»), был выполнен в 2021 г. с использованием ракеты-носителя воздушного старта *Northrop Grumman Pegasus XL1* с доработанного лайнера *L-1011 TriStar* с именем собственным *Stargazer.* Тогда достижением назвали то, что уложились в 21 день от получения команды до доставки спутника, интеграции с ракетой-носителем, тестирования и запуска.

Первым пуском в рамках *TacRL* задним числом назвали попытку запуска спутника-демонстратора *Trailblazer* в августе 2008 г., которая завершилась неудачей из-за аварии ракеты-носителя. К слову, этой ракетой была *Falcon-1* молодого тогда стартапа *SpaceX*[2].

Миссия *TacRS-3* с именем собственным *Victus Nox* (также используется как имя спутника), выполненная 14 сентября 2023 г., успешно вывела на орбиту спутник производства компании *Millennium Space*. Важнее всего то, что сделано это было с соблюдением требований по времени на всех этапах, о которых рассказали достаточно подробно[3].

Из всего этого складывается вполне понятный облик задач *TacRS*: Военно-космические силы хотят иметь возможность после получения информации о готовящемся запуске спутника оппонентов быстро подготовить свой спутник-

1 "U.S. Space Force Successfully Launches First Tactically Responsive Launch Mission," US Space Force, June 13, 2021, accessed August 29, 2024, https://www.spaceforce.mil/News/Article/2656082/us-space-force-successfully-launches-first-tactically-responsive-launch-mission/.

2 Gunter D. Krebs, "Trailblazer," Gunter's Space Page, n.d., accessed August 29, 2024, https://space.skyrocket.de/doc_sdat/trailblazer.htm.

3 "USSF Successfully Concludes VICTUS NOX Tactically Responsive Space Mission," US Space Force, February 20, 2024, accessed August 29, 2024, https://www.spaceforce.mil/News/Article-Display/Article/3680689/ussf-successfully-concludes-victus-nox-tactically-responsive-space-mission/.

инспектор к старту, затем, после запуска цели и определения ее орбитальных параметров, отправить на перехват свой аппарат. Если раньше об этом говорилось иносказательно, то теперь о целях говорят вполне открыто. Яркой иллюстрацией является и то, что занимается подобными миссиями отдельное подразделение с говорящим названием – «Программный офис космического сафари» (*Space Safari Program Office)*.

Следующая миссия в рамках *TacRS*, планируемая на конец 2025 г., получила название *Victus Haze*. В ее рамках контракты были выданы компаниям *Rocket Lab* и *True Anomaly*[1]. Первая должна будет разработать, построить и вывести на орбиту с помощью своей ракеты-носителя *Electron* космический аппарат-инспектор. *True Anomaly* построит на своей платформе *Jackal* собственный демонстратор спутника-инспектора и запустит его попутным грузом в ходе какого-либо чужого пуска, а аппарат *Rocket Lab* будет отправлен на «перехват». В дальнейшем оба аппарата поочередно будут исполнять роли инспектора и цели. Интересно, что в числе прочего Пентагон указал в контракте и разработку компактных командных центров для управления аппаратами.

Следующая, пятая миссия в рамках *TacRS Victus Sol* планируется как первая штатная. Возможно, это означает, что она будет направлена на перехват реального китайского или российского спутника. Ее пуск планируется в конце 2025 – начале 2026 г., и с ней Военно-космические силы планируют продемонстрировать начальную операционную готовность «Тактически адаптирующегося космоса».

Возможные коммерческие ракеты-носители в рамках программы *TacRS* представлены в *Таблице 1*.

Вышеуказанные ракеты предназначены для традиционного запуска с земли, хотя используют и отдельные от «больших» ракет стартовые столы – либо специально построенные компаниями, либо мобильные, либо модернизированные ранее заброшенные государственные. Более радикальным способом обеспечить оперативный запуск без использования обычной инфраструктуры является запуск ракеты с морской или воздушной платформы. Такие способы, хоть и оставались всегда экзотичными, применялись в истории космонавтики и ранее, но их распространению мешало то, что с их помощью пытались добиться в первую очередь экономического преимущества перед обычными ракетами, что не раз заканчивалось неудачей – наиболее масштабным примером был российско-украинско-американский «Морской старт».

1 Meridith Garafalo, “US Space Force Picks Rocket Lab for 2025 Victus Haze Space Domain Awareness Mission,” Space.Com, April 26, 2024, accessed August 29, 2024, https://www.space.com/space-exploration/satellites/us-space-force-picks-rocket-lab-for-2025-victus-haze-space-domain-awareness-mission.

Таблица 1.

РАКЕТЫ-НОСИТЕЛИ *TACRS*
LAUNCH VEHICLES TACRS

Производитель	Изделие	Характеристики	Космодромы	Примечание
Firefly	*Alpha*	Нагрузка на низкую околоземную орбиту (*LEO*, 300 км) – 1,030 кг. Солнечно-синхронную (*SSO*, 500 км) – 630 кг.	Ванденберг, возможно, Кейп Канаверал (оба – США).	Использовалась в ходе миссии *Victus Nox*. Из пяти пусков два полностью успешных. Несмотря на такую статистику ракета имеет значительный портфель заказов – на 2024 год запланировано 6 пусков, а на период до 2029 года лидер американского ВПК корпорация *Lockheed Martin* законтрактовала 15 пусков с опционом на еще 10 для неназванной полезной нагрузки.
ABL Space Systems	*RS1*	Нагрузка на низкую околоземную орбиту (*LEO*, 300 км) – 1,300 кг. Солнечно-синхронную *(SSO*, 500 км) – 960 кг.	Быстроразвертываемая мобильная инфраструктура, планируется использовать острова у побережий Аляски и Шотландии.	Неудачный пуск в январе 2023. В 2024 планируется возобновить испытания.
Rocket Lab	*Electron*	Нагрузка на низкую околоземную орбиту (*LEO*, 300 км) – 280 кг. Солнечно-синхронную (*SSO*, 500 км) – 200 кг.	Махия (Новая Зеландия), *MARS* (Вирджиния, США).	Самая популярная из эксплуатируемых сегодня легких ракет-носителей. На конец августа 2024 года выполнен 51 пуск, большая часть успешная. Многие в интересах государственных заказчиков США. На базе *Electron* создана ракета *HASTE* для испытания гиперзвуковых глайдеров.
Astra	*Rocket 4*	Нагрузка на низкую околоземную орбиту *(LEO*, 300 км) – 550 кг. Солнечно-синхронную (*SSO*, 500 км) – 350 кг.	Тихоокеанский космический комплекс (Аляска) и Кейп Канаверал (оба – США), также предлагается быстро развертываемая мобильная инфраструктура.	Компания провела девять попыток пусков своего семейства ракет носителей под «креативным» именем *Rocket*. Продвигаемая сейчас версия несет имя *Rocket 4*. Из попыток успешными были только два пуска, что поставило компанию на грань банкротства. Ее перспективы до сих пор не ясны несмотря на меры по реструктуризации, однако она пользуется поддержкой государственных заказчиков США, включая Военно-космические силы и *DIU*.

Источник: Подготовлено авторами на основе информации с официальных сайтов указанных предприятий.

Однако сейчас морской и воздушный старты переживают ренессанс именно в качестве средства снижения нагрузки на обычную космическую инфраструктуру и обеспечения пуска легкой ракеты-носителя в удобное время, в том числе в интересах военных. Кроме того, морской старт позволяет использовать свободное от гражданского трафика воздушное пространство и меньше беспокоиться о районах падения ступеней ракеты-носителя, а воздушный вдобавок к этому – еще и практически полностью игнорировать погодные условия (конечно, по меркам наземных пусков, постоянно отменяемых, например, из-за ветра). Из американских компаний, занимающихся морским стартом, сегодня стоит выделить *TSC*, которая приобрела списанный торпедолов и планирует в ближайшее время

начать с него суборбитальные пуски в интересах военных заказчиков США[1], а позднее перейти к орбитальным пускам с морских платформ.

В отношении воздушного старта наиболее яркой в последние годы была деятельность *Virgin Orbit,* которая провела ряд успешных пусков ракеты-носителя *LauncherOne* с переоборудованного *Boeing 747-400,* получившего имя собственное *Cosmic Girl*. Планировалась активная работа с Военно-космическими силами США, в качестве одного из космодромов-аэродромов хотели использовать тихоокеанскую базу ВВС на острове Гуам, была начата работа по налаживанию сотрудничества со странами НАТО, подписаны соглашения о сотрудничестве (в частности, последний пуск был произведен со взлетом из Великобритании), но из-за предельно рисковой бизнес-модели компания обанкротилась в 2023 году. Однако нельзя исключать, что конкуренты «подхватят ее знамя»: имущество компании было выкуплено другими представителями New Space, в частности *Cosmic Girl* была куплена фирмой *Stratolaunch Systems,* которая обладает собственным огромным самолетом-носителем *Roc* (создавался как платформа воздушного старта, на данный момент используется для запуска гиперзвуковых летающих лабораторий).

Отметим, что и в Китае, вероятно, разрабатываются аналоги *Tactically Responsive Space*. Это является наиболее простым объяснением его развитию семейства легких ракет носителей на базе ПГРК (напр., *Kuaizhou-1*) и морских стартов с целым рядом ракет (*Long March-11, Jielong-3, Ceres-1, Gravity-1*).

Связь, разведка и обслуживание

Связь. Космическая связь плотно вошла в повседневную жизнь, и здесь частные подрядчики во многом опередили то, что могут предложить государственные и военные структуры. Ярчайшей иллюстрацией этого обстоятельства является плотное взаимодействие между *SpaceX* и американскими военными в рамках проекта *Starshield.* При этом в будущем возможно сотрудничество и с другими провайдерами спутниковой связи: так, в Армии США акцентируют необходимость обеспечения возможности подключения и к другим операторам спутниковых услуг через перспективные средства тактической связи[2].

Связь является первейшей и, вероятно, важнейшей задачей перспективного военного созвездия *PWSA.* То, что *Starlink* использует глобальную сеть Интернет, является уязвимостью с точки зрения американских военных, и они работают над глобально доступной связью по своему защищенному протоколу *Link 16,* пусть и с меньшей пропускной способностью. Развертывание «мегасозвездия» (а иным низкоорбитальное связное быть не может – нужны сотни и тысячи аппаратов) без революции в пусковых услугах, которую, как упомянуто выше, американским военным обеспечил *New Space,* было бы очень затратно, и неудивительно, что Пентагон начал вкладываться в обещавшие снижение стоимости пусков стартапы много лет назад.

1 "The Spaceport Company Wins U.S. Air Force R&D Contract," The Spaceport Company, July 3, 2024, accessed August 29, 2024, https://thespaceportcompany.com/the-spaceport-company-wins-u-s-air-force-rd-contract/.
2 Sandra Erwin, "SpaceX Providing Starlink Services to DoD Under 'Unique Terms and Conditions'," Space News, October 3, 2023, accessed August 29, 2024, https://spacenews.com/spacex-providing-starlink-services-to-dod-under-unique-terms-and-conditions/.

Дистанционное зондирование Земли. Традиционным и крайне важным направлением космической деятельности и едва ли не самым наглядным ее результатом является дистанционное зондирование Земли. Получение изображений земной поверхности как оптическими, так и радиолокационными средствами стало значимой и доступной отраслью. При этом, по имеющимся оценкам, ключевым заказчиком остаются государственные органы, и из них около половины приходится на заказы военных ведомств[1].

Неудивительно, что многие частные космические компании считают для себя приоритетом взаимодействие именно с военными заказчиками. Так, один из «передовиков» коммерческой радиолокационной спутниковой съемки *Umbra Space* прямо заявляет о готовности не только снабжать военных дополнительной информацией, но и прямо участвовать в создании «космической» замены для разведывательных самолетов *JSTARS*[2]. Известный оператор ДЗЗ *Maxar* является привилегированным партнером *NRO* и, вероятно, в первую очередь в военных целях развертывает новую спутниковую группировку *Legion*, которая должна обеспечить высококачественные съемки одной и той же точки земной поверхности с интервалом вплоть до получаса.

Сохранившее основной контроль над разведывательной военной космической деятельностью Национальное управление военно-космической разведки США (*National Reconnaissance Office, NRO*) начало развертывание крупного разведывательного созвездия, о котором мало известно в открытых источниках, но, судя по имеющейся информации[3], его спутники используют платформу, основанную на спутниках *Starlink.* Любопытно, что планы этого ведомства по расходованию до 4 млрд долл. на снимки с коммерческих оптико-электронных спутников некоторые специалисты считают крайне недостаточными и указывают на необходимость как минимум десятикратного увеличения для «адекватной поддержки отрасли и ее интеграции в военные операции»[4].

Космическая ситуационная осведомленность и орбитальное обслуживание. В связи с поступательным насыщением космического пространства, в первую очередь околоземного, все большим числом КА различных операторов, а также все еще не решенной проблемой космического мусора актуальной задачей остается т.н. космическая ситуационная осведомленность (*Space Situational Awareness,* в отечественной традиции соответствующие задачи решает Система контроля космического пространства, СККП).

На сегодняшний день и в этой области появляются коммерческие игроки, например компания *LeoLabs,* видящая в текущей ситуации огромный потен-

1 Исследование рынка ДЗЗ в мире // SR Space. Август 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://srspace.ru/news#research (дата обращения: 29.08.2024).
2 Sandra Erwin, “Private Satellite Operators Make Case for Helping Military Track Ground Targets,” Space News, March 23, 2024, accessed August 29, 2024, https://spacenews.com/satellite-operators-make-case-for-helping-military-track-ground-targets/.
3 Joey Roulette, and Marisa Taylor, “Exclusive: Musk’s SpaceX is Building Spy Satellite Network for US Intelligence Agency, Sources Say,” Reuters, March 16, 2024, accessed August 29, 2024, https://www.reuters.com/technology/space/musks-spacex-is-building-spy-satellite-network-us-intelligence-agency-sources-2024-03-16/.
4 Sandra Erwin, “Experts Warn U.S. Falling Behind in Satellite Imaging Race: ‘We’ve Gone Backwards’,” Space News, August 27, 2024, accessed August 29, 2024, https://spacenews.com/experts-warn-u-s-falling-behind-in-satellite-imaging-race-weve-gone-backwards/.

циал[1]. У этого частного предприятия развернута глобальная сеть РЛС[2], включающая в себя объекты в Австралии, Новой Зеландии, Коста-Рике, Техасе, на Аляске и на Азорских островах. *LeoLabs* совершенно не стесняется косвенного участия и в противоборстве великих держав, публично комментируя, например, деятельность российских спутников военного и двойного назначения[3]. Более того, в перспективе открыто декларируется интерес к прямому участию в оборонных проектах США, а также Японии и других американских союзников и партнеров[4].

Относительно новой сферой является съемка космических аппаратов на орбите с использованием спутников ДЗЗ (активно продвигает ее, в частности, вышеупомянутая *Maxar*[5]).

Частным случаем космической ситуационной осведомленности является деятельность спутников-инспекторов. Пожалуй, наиболее новым направлением деятельности коммерческих игроков можно назвать т.н. коммерческие спутники-инспекторы, такие как, например, *KA ADRAS-J* компании *Astroscale*[6]. Конечно, в первую очередь заявляется задача по обнаружению и исследованию космического мусора, однако уже ставшие традиционными соображения относительно взаимосвязи технологий «спутников-инспекторов» и «космического оружия»[7] здесь также в полной мере применимы.

Компания *Astroscale* – изначально японского происхождения, но уже создавшая подразделения в США, Великобритании и Франции – в настоящее время реализует проекты (разной степени готовности) не только по обнаружению, но и по обслуживанию КА[8], а также по «активной» уборке космического мусора[9]. В этом контексте нельзя не упомянуть идеологическую близость задач уборки космического мусора и создания такового путем применения систем противокосмического оружия, а также интересный американский термин «несотрудничающих космических объектов» (*uncooperative space objects*), упомянутый в сообщении о контракте со стартапом *Turion Space* на разработку технологий взаимодействия с таковыми[10].

Продолжается и вовлечение коммерческих подрядчиков в орбитальное обслуживание, в том числе и КА военного назначения. Так, в мае 2024 г. компания

1 Mike Gruss, "More Launches, More Satellites and a Busier Low-Earth Orbit Equals More Business for LeoLabs," Govexec Space Project, August 26, 2024, accessed August 29, 2024, https://spaceproject.govexec.com/science-tech/2024/08/more-launches-more-satellites-and-busier-low-earth-orbit-equals-more-business-leolabs/399060/.
2 "Phased Array Radars," LeoLabs, accessed August 29, 2024, https://leolabs.space/radars/.
3 Sandra Erwin, "LeoLabs Data Shows On-Orbit Maneuvers by Russian Satellites," Space News, November 6, 2023, accessed August 29, 2024, https://spacenews.com/leolabs-data-shows-on-orbit-maneuvers-by-russian-satellites/.
4 Courtney Albon, "LeoLabs Sees Defense Business Grow as Space-Tracking Needs Multiply," Defence News, August 26, 2024, accessed August 29, 2024, https://www.defensenews.com/space/2024/08/26/leolabs-sees-defense-business-grow-as-space-tracking-needs-multiply/.
5 Mykyta Lytvynov, "Unprecedented Resolution: Maxar Satellite Photographs ISS and Starliner," Universe Magazine, June 13, 2024, accessed August 29, 2024, https://universemagazine.com/en/unprecedented-resolution-maxar-satellite-photographs-iss-and-starliner/.
6 "Astroscale's ADRAS-J Continues to Make History: Successfully Demonstrates Fly-Around Observations of Space Debris," Astroscale, July 30, 2024, accessed August 29, 2024, https://astroscale.com/astroscales-adras-j-continues-to-make-history-successfully-demonstrates-fly-around-observations-of-space-debris/.
7 Стефанович и Поррас 2022.
8 "Astroscale UK Secures Contract for Final Phase of ELSA-M In-Orbit Demonstration," Astroscale, July 22, 2024, accessed August 29, 2024, https://astroscale.com/astroscale-uk-secures-contract-for-final-phase-of-elsa-m-in-orbit-demonstration/.
9 "Astroscale Japan Secures Contract for Phase II of JAXA's Commercial Removal of Debris Demonstration Program," Astroscale, August 20, 2024, accessed August 29, 2024, https://astroscale.com/astroscale-japan-secures-contract-for-phase-ii-of-jaxas-commercial-removal-of-debris-demonstration-program/.
10 Sandra Erwin, "Turion Wins Space Force Contract for Debris-Capture Technology," Space News, July 1, 2024, accessed August 29, 2024, https://spacenews.com/turion-wins-space-force-contract-for-debris-capture-technology/.

Starfish Space получила от Военно-космических сил США контракт на разработку обслуживающего КА, способного повышать мобильность военных спутников непосредственно на орбите[1]. Подобная же задача может выполняться с помощью спутников-заправщиков. В целом в США, в том числе и по европейским оценкам[2], наблюдается наиболее комплексный подход к задачам орбитального обслуживания. В ближайшем будущем оснащение космических аппаратов, в требования к которым входит мобильность, узлами для стыковки и дозаправки, вероятно, станет нормой. Выработка стандартов подобных узлов уже ведется. Государственные заказчики, скорее всего, будут из экономических соображений полагаться на частные танкеры.

Противодействие «коммерческим» угрозам и будущее «Нового космоса»

В контексте актуальных вооруженных конфликтов нельзя не упомянуть Специальную военную операцию на территории Украины. Активнейшее использование коммерческой космической инфраструктуры (как разведывательной, так и коммуникационной) с помощью «группы поддержки» Украины является одним из важных факторов боевой устойчивости Киева. Вместе с тем коммерческие услуги уже сегодня используются и в других конфликтах. Так, США при эвакуации своих военнослужащих из Нигера в августе 2024 г. использовали услуги коммерческих поставщиков снимков для мониторинга ситуации вокруг т.н. Авиабазы 201, причем за время операции скорость передачи информации до конечного потребителя была сокращена с 3,5 часов до 1,5 часов[3].

То обстоятельство, что коммерческие космические предприятия оказывают поддержку в ходе боевых действий одной из воюющих сторон, трактуется как серьезная проблема на самых разных площадках[4]. В какой-то момент грань может быть пройдена, после чего начнется воздействие непосредственно на собственность этих коммерческих акторов. «В пределе» необходимость противодействия коммерческим «мегасозвездиям» может вернуть на сцену в том числе ядерное оружие как средство противоспутниковой борьбы. Поражение спутников радиацией и электромагнитным излучением будет совершенно неизбирательным – пострадают аппараты на близкой к взрыву орбите и без дорогой высокоустойчивой электроники, то есть в первую очередь именно частные. При этом и спутники *PWSA,* вероятно, не будут производиться в «защищенном» исполнении в целях экономии в масштабах крупной серии.

Однако и до этого момента, с учетом поступательного насыщения всех удобных орбит различными КА, могут сложиться условия для т.н. синдрома Кесслера[5],

1 Sandra Erwin, “Starfish Space Lands $37.5 Million Space Force Contract for On-Orbit Servicing Vehicle,” Space News, May 20, 2024, accessed August 29, 2024, https://spacenews.com/starfish-space-lands-37-5-million-space-force-contract-for-on-orbit-servicing-vehicle/.

2 “On-orbit Servicing, Assembly, and Manufacturing: State of Play and Perspectives on Future Evolutions,” ESPI, October 2023, accessed August 29, 2024, https://www.espi.or.at/wp-content/uploads/2023/10/Final-Report-OSAM-1.pdf.

3 Greg Hadley, “How Commercial Space Services Kept US Troops Safe While Leaving Niger,” Air & Space Forces Magazine, September 17, 2024, accessed September 18, 2024, https://www.airandspaceforces.com/saltzman-commercial-space-tactical-surveillance-niger/.

4 Выступление заместителя руководителя российской делегации К.В. Воронцова в ходе тематической дискуссии по разделу «Космос (разоруженческие аспекты)» в Первом комитете 77-й сессии ГА ООН // Постоянное Представительство Российской Федерации при ГА ООН. 26 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://russiaun.ru/ru/news/261022_v (дата обращения: 29.08.2024).

5 Kessler et al. 2010.

при котором вывод из строя одного или нескольких КА приводит к созданию достаточного количества (и качества) космического мусора для своего рода «цепной реакции», уничтожающей множество других КА.

Здесь есть и другой интересный сюжет: по сообщению американских источников, Иран в 2020 г. использовал коммерческие спутниковые снимки для нанесения удара по базе Айн аль-Асад на территории Ирака (на которой располагались американские военные)[1].

Актуальным остается вопрос: возможно ли финансирование коммерческих космических проектов в должном объеме из источников, альтернативных военным бюджетам? Судя по наблюдаемой ситуации в США, на едва ли не самом большом космическом рынке, ответ на него отрицательный.

Проблема космической безопасности в целом и, в частности, предотвращения гонки вооружений в космосе (ПГВК) будет оставаться одной из ключевых в обозримом будущем. К сожалению, на сегодняшний день международные усилия в изрядной мере подорваны противоборством великих держав. Вместе с тем есть и положительные элементы, пусть напрямую и не связанные с рассматриваемой проблемой. Так, в августе 2024 г. принят консенсусный доклад Группы правительственных экспертов ООН по ПГВК[2], затрагивающий практически все области. Кроме того, полезным инструментом для соответствующих консультаций является Лексикон по космической безопасности, подготовленный Институтом ООН по исследованию проблем разоружения[3].

Роль частных космических компаний в обеспечении военной безопасности государств с течением времени будет только расти. Целесообразны дополнительные исследования отдельных направлений деятельности таких компаний, последствий такой деятельности, а также, в перспективе, ее международно-правовое регулирование с акцентом на снижение военной угрозы. Одной из областей могло бы стать укрепление экспортного контроля, однако на сегодняшний день мы скорее наблюдаем ситуацию формирования разделительных линий между условными «лагерями», внутри которых, напротив, снимаются всяческие ограничения[4].

1 Nathan Strout, “Report: Iran Used Commercial Satellite Images to Monitor US Forces Before Attack,” C4ISRNET, March 2, 2021, accessed August 29, 2024, https://www.c4isrnet.com/intel-geoint/2021/03/01/report-iran-used-commercial-satellite-images-to-monitor-us-forces-before-attack/.

2 “Report of the Group of Governmental Experts on Further Practical Measures for the Prevention of an Arms Race in Outer Space,” August 23, 2024, accessed August 29, 2024, https://docs-library.unoda.org/Group_of_governmental_experts_on_further_practical_measures_for_the_prevention_of_an_arms_race_in_outer_space_-_(2023)/GE-PAROS-2024-CRP.4.pdf.

3 “A Lexicon for Outer Space Security,” UNIDIR, August 13, 2023, accessed August 29, 2024, https://unidir.org/publication/a-lexicon-for-outer-space-security/.

4 “Historic Breakthrough in Defence Trade between AUKUS Partners,” Ministry of Defence, August 15, 2024, accessed August 29, 2024, https://www.gov.uk/government/news/historic-breakthrough-in-defence-trade-between-aukus-partners.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Веселов, В.А. Космические технологии и стратегическая стабильность: новые вызовы и возможные ответы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2017. Том. 9. № 2. С. 65–104.

Veselov, Vasilii A. "Kosmicheskie tekhnologii i strategicheskaya stabil'nost': novye vyzovy i vozmozhnye otvety," *Vestnik Moskovskogo universiteta* 9, no. 2 (2017): 65–104 [In Russian].

Лысенко, М. Н. Правовые проблемы и перспективы неразмещения оружия в космосе. Право и управление. XXI век. 2019. Том 15. № 2. С. 29–37. https://doi.org/10.24833/2073-8420-2019-2-51-29-37.

Lysenko, Mikhail N. Pravovye problemy i perspektivy nerazmeshcheniya oruzhiya v kosmose. *Pravo i upravlenie. XXI vek* 15, no. 2 (2019): 29–37 [In Russian].

Панкова, Л.В., Гусарова, О.В. Космическое измерение инновационно-технологического прорыва // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 11. С. 62–73. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-62-73.

Pankova, Lyudmila V, Olga V. Gusarova. "Space Dimension of the Innovation-Technological Breakthrough." *World Economy and International Relations* 64, no. 11 (2020): 62–73 [In Russian].

Ромашкина, Н.П. Космос как часть глобального информационного пространства в период военных действий // Вопросы кибербезопасности. 2022. Том 52. № 6. С. 100–111. DOI 10.21681/2311-3456-2022-6-100-111.

Romashkina, Nataliya P. "Space as Part of the Global Information Space During Military Operations." *Voprosy Kiberbezopasnosti* 52, 6 (2022): 100–111 [In Russian].

Bousedra, Kenza. "Downstream Space Activities in the New Space Era: Paradigm Shift and Evaluation Challenges." S*pace Policy* 64 (2023): 101553.

Davenport, Gary. "US Commercial Augmentation Space Reserve: Integrating Commercial Capabilities for a Resilient and Flexible Space Architecture," *Æther: A Journal of Strategic Airpower & Spacepower* 3, no. 1 (2024): 50–65.

Golkar, Alessandro, and Alejandro Salado. "Definition of New Space-Expert Survey Results and Key Technology Trends." *IEEE Journal on Miniaturization for Air and Space Systems* 2, no. 1 (2020): 2–9.

Grest, Heiner. "New Space. Advantage or Threat for the Military?" *Transforming Joint Air & Space Power: The Journal of the JAPCC,* no. 29 (2020): 31–36.

Héau, Lauriane, and Kolja Brockmann. *Intangible Transfers of Technology and Software: Challenges for the Missile Technology Control Regime*. SIPRI, April 2024. https://doi.org/10.55163/HLWP1722.

Kessler, Donald J., Nicholas L. Johnson, J.C. Liou, and Mark Matney. "The Kessler Syndrome: Implications to Future Space Operations." *Advances in the Astronautical Sciences* 137, no. 8 (2010): 47–61.

Manulis, M., C.P. Bridges, R. Harrison, et al. Cyber Security in New Space. *International Journal of Information Security* 20, no. 3 (2021): 287–311. https://doi.org/10.1007/s10207-020-00503-w.

Peeters, Walter. "Toward a Definition of New Space? The Entrepreneurial Perspective." *New Space* 6, no. 3 (2018): 187–190.

Ronci, Rob, Ian Christensen, Jose Ocasio-Christian, Casey Backes, R. Lincoln Hines, and Naz Paul. "Communicating Value: Investigating Terminology Challenges in 'Newspace' and 'Commercial Space'." *New Space* 8, no. 3 (2020): 153–163.

Stefanovich, Dmitry V., Daniel Porras. "Space as a Competition Domain: Threats and Opportunities." Journal of International Analytics 13, no. 2 (2022): 95–106. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-95-106.

Сведения об авторах

Дмитрий Викторович Стефанович,
научный сотрудник Центра международной безопасности,
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23
e-mail: stefanovich@imemo.ru

Александр Сергеевич Ермаков,
младший научный сотрудник Центра международной безопасности,
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23
e-mail: ermaleksandr@imemo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 августа 2024.
Переработана: 18 сентября 2024.
Принята к публикации: 20 сентября 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование
Стефанович, Д.В., Ермаков, А.С. «Новый космос» двойного назначения: опыт США // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 57–69. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-57-69

Dual-Use "New Space": US Experience

ABSTRACT

The article explores the growing involvement of private space companies in military activities, with a primary focus on the United States. It delves into the specific contributions of private entities to national defense missions, particularly in the militarization of outer space. The authors analyze the strategic interests of government agencies in integrating non-state actors to enhance space capabilities, such as communication, Earth observation, situational awareness, and in-orbit servicing. The paper also assesses the potential implications of these trends for international security, highlighting the complexities that arise from the blurred lines between civil and military space operations. It points to the creation of the U.S. Commercial Augmentation Space Reserve (CASR), an initiative aimed at enhancing defense through commercial space partnerships, and discusses the operational and strategic challenges of managing vast satellite constellations. Additionally, the article reflects on the security risks posed by the militarization of commercial space infrastructure, examining the potential consequences for geopolitical stability and the future of space conflict management. Finally, it suggests that further research and regulatory measures are necessary to mitigate the military threats linked to the New Space

KEYWORDS

New Space, space militarization, launch services, Earth imaging, space communications, space situational awareness, in-orbit servicing, international security

Authors

Dmitry V. Stefanovich,
Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997
e-mail: stefanovich@imemo.ru

Alexander S. Ermakov,
Junior Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997
e-mail: ermaleksandr@imemo.ru

Additional information
Received: August 20, 2024. Revised: September 18, 2024. Accepted: September 20, 2024.

Disclosure statement
No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation
Stefanovich, Dmitry V., and Alexander S. Ermakov. "Dual-Use "New Space": US Experience." *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 57–69. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-57-69

10.46272/2587-8476-2024-15-3-70-90

Племена как негосударственные акторы в арабских монархиях Персидского залива на современном этапе (на примере ОАЭ)

Артём Константинович Адрианов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: artemadrianov1@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию племенных структур ОАЭ как негосударственных акторов. Автор уделяет особое внимание определению понятия «племени» в Арабском мире и его интерпретации применительно к странам Персидского залива и, в частности, ОАЭ как одной из наиболее сложных племенных систем региона. Исследуется вопрос племенной идентичности и ее проявления на современном этапе, а также влияния на позиции племен как политических акторов. Опираясь на классификацию негосударственных акторов В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова, автор исследует племя как локального и ориентированного на государство актора. Выделяются три ситуации, в которых племя как актор может проявляться наиболее отчетливо. Автор приходит к выводу, что племена нельзя считать полноценным негосударственным актором, однако они сохраняют значительный потенциал для мобилизации политических действий в случае кризисных ситуаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

негосударственные акторы, племена, идентичность, ОАЭ, Персидский залив

CC BY

© Артём Адрианов, 2024

«Арабская весна» и события, последовавшие за ней, продемонстрировали сохраняющуюся роль племен в политических процессах Арабского мира. Распад государства в некоторых арабских странах и возросшая роль негосударственных акторов стимулировали дискуссию о сущности племени и его субъектности в современной политике[1]. О новой роли племен стали говорить и применительно к странам, относительно спокойно пережившим «арабскую весну» и сохранивших стабильность (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар). Особенно эта роль проявляется в цифровом пространстве, где стали появляться племенные сайты и страницы в социальных сетях[2].

Новое позиционирование племен в информационном поле, новые формы их экономической деятельности и изменившийся образ жизни, их политическая активность, трансформация социальных структур в процессе урбанизации и изменение политических систем позволяют сегодня говорить о новой субъектности племен. В странах, затронутых событиями «арабской весны» наиболее сильно (Ливия, Сирия, Йемен), племена стали восприниматься[3] как ключевой актор, заполнивший вакуум, оставленный государством. В особых случаях племенной логикой объясняются основные тенденции изменения внутриполитической ситуации[4].

Существует устойчивое представление о том, что государство и племена являются взаимоисключающими акторами: чем сильнее государство, тем слабее племена. По мере упадка государственной власти племена восстанавливаются, чтобы обеспечить социальный порядок там, где государство с этим не справилось[5]. Некоторые исследователи называют племена «ахиллесовой пятой государства» и «бомбой замедленного действия»[6]. В то время как другие – фокусируются на стратегиях отношений государства и племени. По мнению российского исследователя В.А. Кузнецова, можно выделить три таких направления: 1) отрицание племенного фактора современным государством (в основном характерное для стран Северной Африки); 2) использование племен как основы государства (аравийские монархии, Ливия); 3) инкорпорация племени в государственные структуры (страны Леванта, Ирак)[7].

Важно также отметить, что племена далеко не единственные политические акторы в арабских странах, даже в тех, для которых характерен высокий уровень внутренней нестабильности. Так, йеменский эксперт А. Аль-Иръяни указывает

1 Al-Sharekh and Freer 2022; Courtney Freer, "21st Century Bedouin Politics: Considering the Modern Power of Tribes in the Arabian Peninsula," Brookings, January 12, 2022, accessed July 31, 2024, https://www.brookings.edu/articles/21st-century-bedouin-politics-considering-the-modern-power-of-tribes-in-the-arabian-peninsula/; Dukhan 2019; Rim Mugahed, "Tribes and the State in Yemen," Sanaa Center for Strategic Studies, January 21, 2022, accessed July 31, 2024, https://sanaacenter.org/publications/main-publications/16156; Аганин 2019; Collombier, Roy 2018; Lewis 2014; Зинин 2013; Al-Farsi 2013.

2 Sebastian Meisel, "The Resurgent Tribal Agenda in Saudi Arabia," AGSIW, July 30, 2015, accessed July 31, 2024, https://agsiw.org/the-resurgent-tribal-agenda-in-saudi-arabia/.

3 Peter Cole, and Fiona Mangan, "Tribe, Security, Justice and Peace in Libya Today," United States Institute for Peace, September 2, 2016, accessed July 31, 2024, https://www.usip.org/publications/2016/09/tribe-security-justice-and-peace-libya-today; Abdulkareem Ghanem, "Addressing Social Fragmentation in Yemen," Sanaa Center For Strategic Studies, March 1, 2019, accessed July 31, 2024, https://sanaacenter.org/publications/analysis/7137.

4 Saqr Abo Hasan, "In Yemen, Tribes Hold the Keys to Power," The Cradle, March 13, 2024, accessed July 31, 2024, https://thecradle.co/articles-id/23872; Hweio 2012; Claudia Gazzini, "Traversing the Tribal Patchwork of Libya's South West," International Crisis Group, June 12, 2017, accessed July 31, 2024, https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/libya/traversing-tribal-patchwork-libyas-south-westGazzini 2017.

5 Charles Shmitz, "Understanding the Role of Tribes in Yemen," CTC Sentinnel, October 11, 2011, accessed July 31, 2024, https://ctc.westpoint.edu/understanding-the-role-of-tribes-in-yemen/.

6 Al-Kuwari 2019, 51.

7 Кузнецов 2023.

на то, что западные исследователи переоценивают роль племен в йеменской политике, в то время как по его данным, не более 20% йеменцев принадлежат к племенам[1]. В.А. Кузнецов, анализируя ситуацию в Ливии, также подчеркивает, что племена как таковые редко выступают политическими акторами, скорее ими являются локальные милиции, в состав которых могут входить члены племен[2].

Приведенные выше исследования касаются, однако, стран, где государство либо прошло через период дезинтеграции, либо утратило доминирующие позиции, что соответствует идее об игре с нулевой суммой в отношениях между племенем и государством. В то же время в арабских монархиях Персидского залива государство крайне сильно, при этом силен и племенной дискурс. Жители этих стран знают историю своего рода, племенную принадлежность, и тем не менее именно государство, доминирующее в политической и экономической жизни, является ключевым актором. После открытия нефтегазовых ресурсов лояльность племен государству была закреплена посредством механизмов перераспределения ренты. В результате отношения государства и племени во многих странах Залива стали симбиотическими[3]. В Ливии, где нефтегазовые ресурсы также составляют основу экономики, после «арабской весны» племена ярко проявили себя в период конфликта. Все это актуализирует тезис о роли племен как негосударственных акторов, но ответ на него далеко не очевиден, особенно в ситуации плотного симбиоза племени и государства.

Дискуссия вокруг определения «племени»

В классических работах, посвященных понятию «племя», сам термин часто употребляют в отношении определенных сообществ, как, например, кочевые группы Киренаики[4] и племенные группы, проживающие в Марокко[5]. Термин «племя» вызывает множество споров в научных кругах, поэтому ряд исследователей старается его избегать. Как подчеркивает Р. Таппер, «вместо того, чтобы давать определение, я счел более продуктивным относиться к племени и трайбализму как к идеям, обычно в их отношении к другим идеям, которым они противоположны, особенно «государству» и «верховенству права»[6]. В антропологической литературе племенное общество описывается как слабо организованная система сегментов, конфигурация которых зависит от экологических и других факторов[7]. Племенные группы могут объединяться друг с другом под влиянием общих интересов: защиты своих земельных ресурсов, доступа к воде, расширению своих пастбищ, защите от врага. Поэтому ряд исследователей считает, что племенная система характерна для кочевого образа жизни, поскольку сложные природные условия пустыни заставили население разбиться на группы

1 Al-Iryani Abdulghani, "Yemen: 'Chaos by Design'," Al-Jazeera, March 17, 2011, accessed July 31, 2024, https://www.aljazeera.com/program/people-power/2011/3/17/yemen-chaos-by-design.
2 Кузнецов 2022.
3 Kostiner 2016.
4 Evans-Pritchard 1949.
5 Gellner 1972.
6 Richard Tapper, "Tribalism in Middle Eastern States: A Twenty-first Century Anachronism?" LSE, July 11, 2018, accessed July 31, 2024, https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/07/11/tribalism-in-middle-eastern-states-a-twenty-first-century-anachronism/.
7 Rugh 2007.

на территории с низкой плотностью заселения[1]. В то же время в современном Арабском мире привычный взгляд на племена как кочевые сообщества не совсем актуален, поскольку многие кочевые племена осели в городах.

Первоочередной функцией племени является обеспечение выживания своих членов. Свидетельство этому можно найти в многочисленных арабских пословицах. Пословица «человек без своей семейной группы подобен рубашке без рукавов» [*al-wahad bila Khamsa zay thaub bila irdan*] подчеркивает естественность племенной принадлежности каждого человека[2]. Рубашка без рукавов плохо покрывает тело, подобно тому как человек недостаточно защищен без своей семьи. Именно для собственной защиты небольшие племена заключали союзы с более сильными племенами[3].

Некоторые исследователи пытаются дать определение понятию «племя» через его атрибуты. Начало этой традиции положил еще средневековый арабский мыслитель Ибн Халдун, который использовал понятие «асабийи» как «племенной сплоченности» или «коллективной солидарности» в своем исследовании исторических закономерностей развития государства в Магрибе. «Асабийя» [в английском переводе дословно «групповое чувство» – прим. автора] возникает только на основе кровного родства. Кровные узы являются для людей, за редчайшими исключениями, чем-то естественным. Они создают чувство привязанности к своим родным и близким, чувство, согласно которому, с ними не должно произойти ничего плохого, никакая беда не должна их постичь»[4]. Асабийя поддерживалась с помощью браков, родственных связей, религии и обращения к общему происхождению[5].

«Асабийя» не появляется у любой группы людей. Двумя составляющими племени являются происхождение и родственные связи. Племенная солидарность объясняется общими родственными связями и знанием членов племени о том, что они происходят от единого предка[6]. Некоторые исследователи в связи с этим изучают генеалогию племен и сводят сущность племени именно к ней. Однако исторически многие племенные группы формировались на политической основе, следуя за общим лидером в завоевании чужой или защите своей территории. Российский востоковед и дипломат А.Р. Аганин в своей работе об эмиратских племенах, цитируя Ибн Халдуна, указывает, что генеалогия это «не столько отражение действительности, сколько идеология», поскольку на ней базируется как социальная и политическая легитимность, так и в немалой степени духовная власть[7]. В русле генеалогии А.Р. Аганин определяет племя как «наибольшую группу людей, ведущих свое происхождение от единого предка», отмечая при этом, что племя могло формироваться и как «военно-оборонительный союз неродственных кланов», объединяющихся вокруг какого-то рода/клана[8]. Важное

1 Rugh 2007.
2 Willner 2023, 10.
3 Ibid.
4 Цит. по: Dawood 1969.
5 Jesse Marks, "Tribes and Tribalism in the Middle East," Substack, September 20, 2022, accessed July 31, 2024, https://jessemarks.substack.com/p/tribes-and-trbalism-in-the-middle Marks 2022.
6 Ibid.
7 Аганин 2020a, 18.
8 Аганин 2020б, 8.

дополнение к мнению о происхождении и генеалогии как ключевым атрибутам племени дается в работах историка А. Хурани, утверждающего, что племенная солидарность объясняется часто не столько общим происхождением как таковым, сколько «мифом об общем происхождении»[1].

Вопрос генеалогии ярко проявляется в критически важных для выживания племени случаях и таким образом демонстрирует сущность племенной идентичности. Считается, что чем ближе родственные связи, тем большую ответственность прийти на помощь ощущают члены племени[2]. В повседневной жизни, следуя известной арабской пословице, брат выступает против брата, вместе они выступают против кузенов и объединяются с ними при борьбе с внешним врагом. Как указывают некоторые исследователи, видение реальности как отдельных элементов, которые соединялись вместе или распадались, преследуя политические цели, является крайне важным для понимания племенной политики[3]. При этом, следуя мысли А. Хурани, эти родственные связи могут в реальности быть мифическими[4], т.е. основываться на историческом нарративе, а не фактическом общем происхождении.

Племена также можно изучать в сравнении с государством, поскольку часто они воспринимаются как антигосударственная сила. В связи с этим особое внимание отводится отношениям между племенными лидерами и государством, различным вариантам кооптации племен в государственную систему или способам, с помощью которых племена стремятся растворить в строящемся национальном государстве. Наконец, племена можно воспринимать в контексте «политического трайбализма»: как набор этических принципов и политических ценностей, которые, так или иначе, используются в политике определенного государства, отчасти даже как идеологию[5].

В данной статье автор сочетает все три подхода. Под племенем понимается достаточно большая группа людей (несколько тысяч или десятков тысяч человек, в отдельных случаях – до миллиона), объединенная мифом об общем происхождении и генеалогией, имеющая собственную идентичность, основанную на исторических традициях, ценностях и этике, характерных для коренного арабского населения исторической территории ОАЭ до обнаружения залежей нефти в середине XX в.

Племена как негосударственные акторы: вопросы классификации

Роль племен как негосударственных акторов необходимо анализировать на фоне текущих мегатрендов мировой политики, сохраняющих свое влияние на международные процессы, несмотря на обратные тенденции, наметившиеся за последние несколько лет. Среди них автор выделяет глобализацию, либера-

1 Hourani 1991.
2 Rugh 2007.
3 Ibid.
4 Hourani 1991.
5 Kostiner 2016.

лизацию и демократизацию[1], так как именно они связаны с расширением роли негосударственных акторов в мировой политике. Как указывает М.М. Лебедева, Вестфальская система политической организации мира, в центре которой стояло государство как главный актор мировой политики, «находится в состоянии идеального шторма»[2]. Наблюдается постепенная эрозия Вестфальской системы, при которой государство постепенно утрачивает доминирующее положение в политической системе организации мира, уступая место различным негосударственным акторам. Они перенимают или дублируют функции, которые раньше выполняло государство. Автор в своем исследовании обращает внимание на регион с сильной ролью государства в политической, экономической, социальной и культурной отраслях жизни, которое при этом сосуществует с племенными структурами, часто включаемыми в состав негосударственных акторов, где актор – это активный участник политики, который перенимает часть функций государства.

Дж. Най и Р. Кохейн подчеркивали, что негосударственные акторы в мировой политике стали вести себя как государства, тем самым, добавив к межгосударственным еще и отношения в рамках международных организаций, корпораций, медиа и т.д.[3] В дальнейшем спектр негосударственных акторов постепенно расширялся и стал включать в себя значительное количество самых разных организаций. Сегодня к негосударственным акторам относят организации, во многом или полностью независимые от центрального правительства и берущие свое начало из гражданского общества или рыночной экономики, а также независимые от политических импульсов со стороны государства. К ним также относят организации, которые ведут свою деятельность на территории двух или более государств, связывая политические, экономические и социальные системы стран. А также организации, которые стремятся повлиять на политические результаты в одном или более государствах или в международных организациях[4].

Наиболее подробный анализ ближневосточных кейсов проведен в статье российских исследователей В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова[5]. Отталкиваясь от классификации негосударственных акторов, предложенной Ф. Тэйлором, они предлагают собственные критерии типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке: 1) соотношение с государством по функциям; 2) государствоцентричность или геоцентричность; 3) цель деятельности (универсальная или специализированная); 4) уровень формализации управления и ее форма. Именно эти критерии автор использует в статье для обоснования племенных отношений арабских монархий Персидского залива как негосударственных акторов.

Важно, однако, отметить, что выработать общий взгляд на племя как негосударственный актор вне зависимости от конкретного случая или конкретного региона крайне сложно, даже в случае с Арабским миром. Роль племен в ливийском конфликте и в стабильной обстановке ОАЭ значительно различается. Тем не менее в отношении арабских монархий Персидского залива, характеризующихся схожестью политических режимов и экономических систем, можно

1 Лебедева 2019.
2 Лебедева 2016.
3 Keohane, Nye 1972.
4 Josselin, William 2001.
5 Наумкин, Кузнецов 2020.

предложить общее определение племени как негосударственного актора. В соответствии с типологизацией В.А. Кузнецова и В.В. Наумкина, племя в странах Залива можно предварительно охарактеризовать как: 1) субгосударственного локального актора (поскольку в основном племена проживают на ограниченной территории); 2) актора, ориентированного на государство ввиду особенностей политэкономической системы стран Залива, где центральное правительство перераспределяет ренту, полученную от нефтегазовых ресурсов); 3) универсального (поскольку его цели включают широкий спектр сфер жизни); 4) отчасти формализованного игрока (поскольку статус шейха племени отчасти формализован через систему национальных *ID*-карт, а с племенной системой в целом связана система гражданства); 5) в большей степени централизованного игрока (поскольку у большинства племен есть структура во главе с шейхом, более и менее знатными семьями).

Ключевым отличием племен стран Залива от племен Ливии или Йемена является их государствоцентризм, в то время как во втором случае они являются скорее геоцентричными, поскольку по классификации В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова существуют в условиях разрушения многих государственных институтов и отсутствия контроля центрального правительства над всей территорией страны. В зонах конфликта племена «идентифицируют себя прежде всего не с государствами, а с особой территорией», в то время как племена в странах Залива очень плотно интегрированы в государство[1]. В значительной мере они утратили способность к коллективной мобилизации против государства. Если в самом начале нефтяной эпохи племена еще могли выступать против представителей правящей семьи, предпринимая коллективные действия, то впоследствии с развитием рентной системы и государственного патронажа, эта способность была утрачена из-за сокращения собственных источников дохода, независимых от государства: племена утратили скотоводческое хозяйство, возможность совершать набеги на поселения и обеспечивать безопасность караванов. За исключением Кувейта и частично Бахрейна, нефтяные монархии Персидского залива в настоящее время стремятся не допускать публичных коллективных действий, направленных против сформировавшегося политического порядка[2]. При этом наблюдавшаяся коллективная мобилизация осуществлялась в основном не на племенной основе, а на социальной или религиозной.

Хотя мнение о том, что племена полностью лишились своей политической роли и подчиняются государству, перераспределяющему ренту, глубоко укоренилось[3], все-таки есть примеры, которые показывают и обратное. Более того, ряд научных работ доказывает, что племена по-прежнему сохраняют свою важную роль, основанную на их социальном капитале[4]. Некоторые исследователи считают, что роль племени приняла форму т.н. «политического трайбализма»[5].

1 Наумкин, Кузнецов 2020.
2 Steffen Hertog, "The Political Decline and Social Rise of Tribal Identity in the GCC," LSE, July 25, 2018, accessed July 31, 2024, https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/07/25/the-political-decline-and-social-rise-of-tribal-identity-in-the-gcc/.
3 Beblawi 1987, 53.
4 Freer 2021; 2019.
5 Al-Sharekh, Freer 2022, 10.

Племена и племенная идентичность в ОАЭ

В одном из немногих источников по колониальной истории ОАЭ, «Атласе Персидского Залива, Омана и Центральной Аравии», составленном британским колониальным администратором Дж. Лоримером, встречается подробное описание племенной системы ОАЭ, которая на 1905 г. насчитывала 44 племени. Дж. Лоример указывает, что «люди Договорного Омана [как тогда называлась территория ОАЭ – прим. автора] принадлежат к большому числу разных племен; конечно, эта страна является одной из наиболее сложных и запутанных в Персидском заливе с точки зрения племен»[1].Сложность племенной системы в случае ОАЭ объясняется не только их большим числом на относительно небольшой территории, но и особенностями политической системы страны, при которой большие племена живут сразу в нескольких эмиратах, где их влияние значительно отличается.

Сложность изучения племени как негосударственного актора состоит в отсутствии четкой структуры управления. Зачастую им неформально руководит наиболее старший и уважаемый член племени, которому этот пост перешел по наследству от его предшественника, либо он был выбран своим племенем. В некоторых странах соблюдаются определенные формальности. Руководство племен или кланов поддерживает контакты с властью от лица племени, визиты в маджлисы племенных шейхов наносят представители правящих семей. Также известно, что в ОАЭ члены шейхской семьи племени со времен введения системы национальных *ID*-карт имеют в ней приписку «шейх» или «шейха», что во многом закрепляет их положение как лидеров племен.

Ярко проявляется важность племени в вопросе идентичности и гражданства. В ОАЭ фактически получить эмиратский паспорт могут только члены коренных арабских племен. В 2000-е гг. в ОАЭ была проведена реформа, согласно которой в 2004 г. был создан новый регулирующий орган Федеральное агентство по делам идентичности и гражданства, а в 2006 г. введен Закон «О регистрации населения и карточках идентичности», согласно которому вводилась система национальных *ID*-карт[2]. Выпуск карты со статусом гражданина был возможен лишь для тех резидентов ОАЭ, которые могли предоставить доказательство своего проживания на территории страны начиная с 1925 г. посредством так называемой «семейной книги» (“*khulasat al-qayd*”) – документа, подтверждающего происхождение конкретного человека, в который вписаны все члены его семьи. При этом выдавать семейные книги исторически могло только федеральное Министерство внутренних дел, расположенное в Абу-Даби. До 2006 г. существовало два уровня гражданства: на уровне отдельного эмирата и всей страны. Население могло получить паспорт конкретного эмирата, в результате чего вопрос получения гражданства частично решался на местах[3]. Чтобы официально стать гражданином ОАЭ, каждый желающий после получения паспорта конкретного эмирата должен был получить и федеральный паспорт в МВД

1 Цит. по: Lori 2019, 67.
2 “Federal Law No. 9, On The Population Register And Identity Card,” UAE Ministry of Justice, accessed July 31, 2024, https://elaws.moj.gov.ae/English.aspx?val=UAE-KaitEL1.
3 Lori 2019, 91.

в Абу-Даби[1]. В 2006 г. с введением национальных *ID*-карт эта система была ликвидирована. Все, кто не соответствовал критериям гражданина, должны были оформить визы как иностранцы.

Таким образом, в ОАЭ еще острее стал вопрос постоянно проживающих в стране лиц без гражданства, называемых в арабских странах «бидунами». «Бидун», что буквально переводится как «не имеющий [гражданства]», зачастую является потомком лиц, мигрировавших на территорию ОАЭ и не сумевших получить гражданство страны после ее независимости, чаще всего по причине несоответствия требованиям Закона о гражданстве 1972 г. Личные дела «бидунов», которые не могли предоставить семейную книгу, но надеялись получить гражданство по другим статьям Закона о гражданстве, рассматривались годами, однако с введением системы *ID*-карт, возможность фактически исчезла. Начиная с 2008 г. они стали получать паспорт Коморских островов по соглашению между Коморами и ОАЭ. Официальные данные о количестве «бидунов» в ОАЭ не публиковались, но, по мнению исследователей, их число составляет от 80 до 120 тыс. человек[2].

Лишившись гражданства местных эмиратов, «бидуны» потеряли доступ ко многим социальным услугам, которые стали предоставляться только обладателям карт. Они не имеют возможности получать бесплатное здравоохранение и бесплатно учиться в государственных школах и университетах и т.д.[3] Принадлежность к тому или иному племени, которую можно проследить по семейной книге, стала ключевым маркером гражданства и идентичности в ОАЭ. Соответственно, племенная принадлежность также обеспечивает доступ к базовым социальным услугам. За отнесение себя к тому или иному племени в целях получения гражданства в ОАЭ предусмотрено наказание. В соответствии с Законом о гражданстве 1972 г. «наказание тюремным заключением на срок не более 10 лет и штрафом в размере не менее 50 тыс. дирхамов или одно из этих наказаний должно быть назначено любому лицу, утверждающему, что он является членом семьи или племени, к которому он не принадлежит, с целью получения гражданства, паспорта, проездного документа или любого другого документа о гражданстве»[4].

Племенная идентичность также играла ключевую роль в формировании границ современных эмиратов. С обнаружением нефти в регионе Персидского залива остро встал вопрос четких границ, так как колониальные власти и британские нефтяные компании стремились заключить договоры концессии на добычу ресурсов, для чего было необходимо четко понимать юрисдикцию каждого из признаваемых Британией правителей. В конце 1930-х гг. колониальные власти решили определять границы по ареалу обитания племен и их лояльности – если то или иное племя в глубине территории ОАЭ присягало правителю Абу-Даби, то его ареал обитания считался территорией правителя Абу-Даби. Таким образом,

1 Ibid 91.
2 Lori 2019, 204.
3 Sultan Al-Qassemi, “Book that Proves Some Emiratis are More Equal than Others,” The National, February 7, 2010, accessed July 31, 2024, https://www.thenationalnews.com/uae/book—that—proves—some—emiratis—are—more—equal—than—others—1.524231.
4 “Federal Law No. 17, Concerning Nationality and Passport,” UAE Ministry of Justice, accessed July 31, 2024, https://elaws.moj.gov.ae/English.aspx?val=UAE-KaitEL1.

была проведена своего рода кодификация зон расселения племен и их связей с основными центрами власти на побережье Договорного Омана[1]. В начале 1950-х гг., когда на территории ОАЭ стали обнаруживать запасы нефти, племенная принадлежность стала одним из наиболее важных объектов изучения колониальной администрации[2]. Чтобы урегулировать территориальные споры, каждый из правителей эмиратов стремился найти как можно больше доказательств присяги племени именно ему, а также сведения об ареале обитания племени. Таким образом, племенная структура в ОАЭ во многом формировала границы эмиратов.

Помимо изучения законодательства и объективных исторических фактов, исследовательские возможности для анализа вопроса идентичности и племенной солидарности крайне ограничены. Это объясняется отсутствием публичных опросов по данной теме в ОАЭ и большинстве других монархий Залива, а также сложными условиями их проведения по чувствительным социальным и политическим вопросам. При этом даже полевое исследование не гарантирует получение достоверных данных ввиду того, что ответы респондентов могут не в полной мере отражать их истинную точку зрения. Так, например, авторы исследования о закономерностях голосования на выборах в Центральный муниципальный совет Катара провели опрос граждан относительно главных характеристик кандидата на муниципальных выборах. Родственную или племенную связь с кандидатом как важную характеристику отметили лишь 23%, а уровень его образования – 87%. В то же время проведя опрос, в котором респондентам предлагалось выбрать предпочтительного кандидата на основе его имени и фамилии, подразумевавшей этническое происхождение (арабское или иранское) и принадлежность к суннитской или шиитской группе населения, авторы обнаружили, что влияние данных характеристик на респондентов значительно выше, чем при ответе на прямой вопрос о характеристиках кандидата[3]. Таким образом, даже при возможности проведения прямых опросов относительно значимости племенного фактора, их результаты могут создать искаженную картину, поскольку респонденты могут стремиться показать себя более «современными».

Вследствие этого наиболее достоверную информацию могут дать косвенные данные. Полезным источником для исследования племенной идентичности ОАЭ могут являться новостные заметки на сайте официального новостного агентства ОАЭ WAM об эмиратских свадьбах. В них обычно указывается полное имя жениха и его отца, а также полное имя отца невесты. Подобные заметки публикуются по случаю визита того или иного представителя правящей семьи одного из эмиратов на свадьбу. При подготовке данной статьи были проанализированы 129 подобных новостных заметок о свадьбах в эмиратах Абу-Даби и Дубай за период с января 2022 по апрель 2024 гг. Хотя данный источник не является исчерпывающим, поскольку позволяет сделать выводы не обо всех свадьбах, а лишь о тех, заметки о которых встречаются на сайте официального новостного агентства, он позволяет достаточно точно определить доминирующие тенденции в обществе:

1 Lori 2019, 77.
2 Heard-Bey I982, 54.
3 Shockley, Gengler 2020.

правители Дубая и Абу-Даби посещают свадьбы известных или близких для них семей, имеющих влияние в обществе. Факт посещения таких свадеб является своего рода маркером для других граждан ОАЭ, ведь слова и действия правителей являются важным образцом для подражания. Таким образом, визиты на подобные свадьбы показывают, что свадьбы между, например, двоюродными братом и сестрой или членами одного клана, по-прежнему являются не только приемлемой, но и одобряемой властью практикой.

В ходе анализа автор остановился на свадьбах из Абу-Даби и Дубая, как наиболее репрезентативных за указанный период. Для остальных эмиратов число свадеб было значительно ниже. Основываясь на фамилиях, а также полных именах (включающих не только имя человека, но и имя его отца, за редким исключением и деда), автор смог идентифицировать, что 66 из 129 свадеб являлись внутриплеменными или внутриклановыми (в случае если речь шла о конкретном клане, входящем в конкретное племя), то есть 51,16%. Наиболее высокий процент внутриклановых свадеб характерен для правящих семей Абу-Даби и Дубая Аль Нахайян и Аль Мактум (100 и 75% соответственно), что объясняется статусом правящей семьи. Как показывает *Таблица 1*, достаточно большое число внутриплеменных свадеб характерно и для обычных эмиратских племен: так, 63% свадеб племен Аль-Амири (Авамир) и Аш-Шамси (Шавамис) являются внутриплеменными; 50% свадеб – у племен Аль-Кетби (Китаб), Аль-Хамили (Хавамиль) и Аль-Ахбаби. Кроме того, существуют несколько племен, все свадьбы которых (из тех, которые были отмечены в новостях), являются внутриплеменными/внутриклановыми – Аль-Минхали, Аль-Афари и Аль-Хури.

Таблица 1.

ВНУТРИПЛЕМЕННЫЕ СВАДЬБЫ В ЭМИРАТАХ АБУ-ДАБИ И ДУБАЙ ЗА ПЕРИОД С ЯНВАРЯ 2022 г. ПО АПРЕЛЬ 2024 г.
TRIBAL WEDDINGS IN THE EMIRATES OF ABU DHABI AND DUBAI FOR THE PERIOD OF JANUARY 2022–APRIL 2024

Фамилия женихов	Количество свадеб за период	Количество внутриплеменных свадеб за период	Процент внутриплеменных свадеб от общего числа свадеб
Аль Нахайян	8	8	100,00%
Аль-Минхали	3	3	100,00%
Аль-Афари	3	3	100,00%
Аль-Хури	3	3	100,00%
Аль Мактум	4	3	75,00%
Аль-Фаляси*	3	2	66,67%
Аль-Амири	22	14	63,64%
Аш-Шамси	11	7	63,64%
Аль-Кетби	10	5	50,00%
Аль-Ахбаби	4	2	50,00%
Аль-Хамели	4	2	50,00%
Аль-Балуши	4	2	50,00%

Источник: Составлено автором на основе данных новостных заметок WAM. *Клан Аль-Фаляси выделен отдельно от входящей в него семьи Аль Мактум в виду ее особого положения правящей семьи в Дубае.

Достаточно высокий процент внутриплеменных и внутриклановых свадеб демонстрирует сохраняющуюся племенную идентичность эмиратского общества. Известно, что представители племен бедуинского происхождения, редко женятся на представительницах так называемых «аджам» – арабских племен, мигрировавших на территорию ОАЭ с иранского побережья Персидского залива несколько десятков или даже сотен лет назад, что подтверждает тезис о важности генеалогии для племенной идентичности. Данные по ОАЭ схожи со статистикой в Катаре, где проведенные генетические исследования показали, что около 35% браков заключается между двоюродными братьями и сестрами[1].

Племена по-прежнему играют крайне важную роль в социальной жизни ОАЭ благодаря сохраняющейся племенной идентичности. Тем не менее это еще не объясняет, каким образом племя может выступать в качестве негосударственного актора и влиять на политический процесс. Принимая во внимание параметры типологизации негосударственного актора, предложенные В.В. Наумкиным и В.А. Кузнецовым, автор выделяет несколько сфер жизни, в которых племена по-прежнему могут проявлять себя как политические акторы.

Племена как политические акторы

Учитывая племенную идентичность и влияние принадлежности к определенному племени на персональный статус человека (вопрос о гражданстве и статус в национальной *ID*-карте), сохраняющейся важности генеалогии (в связи с особой ролью семейных книг) можно утверждать об особой социальной роли племен в жизни граждан ОАЭ. При этом социальный вопрос тесно связан с экономическими и политическими аспектами, поскольку ввиду отсутствия большого числа институтов политического участия, социальные аспекты жизни в племенах политизируются[2]. Таким образом, можно говорить о наличии необходимых условий для того, чтобы группы людей, объединенные в племена, имели определенную субъектность и могли являться акторами. Автор выделяет несколько аспектов, в которых данная акторность может проявляться.

Способность к политической мобилизации в случае обострения отношений между государством и племенем

Как отмечает катарская исследовательница Мариам Аль-Кувари, племена развили способность использовать и приобретать политическое влияние посредством мобилизации на основе идентичности[3]. При определенных обстоятельствах племена могут получить большую легитимность в глазах населения, чем государство, особенно в критические моменты, когда государство больше не в состоянии выполнять общественный договор. Таким образом, по мнению катарской исследовательницы, трайбализм является своего рода «бомбой замедленного действия», которая может взорваться с серьезными последствиями для всего Ближнего Востока[4]. Основная угроза трайбализма заключается в том, что

1 Bener, Alali 2006.
2 Ibid., 162.
3 Al-Kuwari 2019, 50.
4 Ibid.

племя сохраняет свою легитимность в моменты, когда государственная легитимность испытывает проблемы. К этому стоит добавить и случаи кризиса в отношениях племени и государства, когда определенное племя рискует потерять свои «симбиотические» отношения с государством, что особенно ярко проявилось в ОАЭ и Катаре.

Руководство племен способно мобилизовать его членов на определенные политические действия. Особенно это проявляется в случае, когда отдельные члены племени подвергаются репрессиям, что провоцирует кризис в отношениях племени и государства. Остальные члены племени, стремясь исправить его репутацию в глазах правителей страны, по призыву племенного шейха вновь подтверждают им свою верность. Здесь проявляется вопрос идентичности, поскольку данные действия они выполняют именно как члены отдельного племени, чувствуя ответственность за арестованного соплеменника и связь с ним. Так, в 2011 г. в ОАЭ было арестовано пять политических активистов по обвинению в оскорблении руководства страны после того, как они распространили петицию, в которой выступали за расширение полномочий Федерального национального совета. В ответ на это члены племен, из которых происходили арестованные, а также другие племенные группы провели собрания, на которых публично подтвердили свою верность руководству страны. Среди них были как более крупные, так и более мелкие племена[1]. Племя Зааб в Абу-Даби опубликовало заявление, в котором подтвердило «лояльность мудрому руководству, представленному президентом, Его Высочеством шейхом Халифой бин Зайдом Аль Нахайяном»[2], а лидер племени Ахмад Джумаа Аз-Зааби заявил в интервью СМИ, что «проведенные ранее племенные встречи не являются чем-то странным или новым для эмиратских традиций. Племена не пропускают каких-либо государственных праздников, чтобы подтвердить свою лояльность мудрому руководству страны»[3]. В СМИ выходили интервью с членами других племен, которые подтверждали тезис о связи социального и политического аспекта в жизни племен. Так, член племени Аль-Ховар Али Кафлют Аль-Ховар заявил, что «никто из членов племени не является отдельным человеком, он или она принадлежат к группе и обязаны всегда помнить, что не могут говорить от лица всего племени»[4]. Другие высказывания ясно указывали и на существующую симбиотическую связь государства и племени: «Мы бедуины и племя равнозначно семье. Племя – это наша малая семья. Большая семья – это ОАЭ, у нас всегда есть доступ к нашим великим отцам»[5].

Схожая ситуация произошла в Катаре в 2017 г., когда после введения блокады эмирата со стороны Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна и Египта, некоторые племена оказались по разные стороны конфликта. КСА и ОАЭ пытались мобилизовать части племен Аль-Мурра и Бани Хаджер, проживающие по разные стороны

1 Nissar Hoath, “Tribal Leaders Pledge Loyalty,” Khaleej Times, May 17, 2011, accessed July 31, 2024, https://www.khaleejtimes.com/article/tribal-leaders-pledge-loyalty.
2 Ibid.
3 Abdullah Al Rashed, “Emirati Tribes Reiterate Loyalty to Rulers and State,” Gulf News, May 10, 2011, accessed July 31, 2024, https://gulfnews.com/lifestyle/community/emirati-tribes-reiterate-loyalty-to-rulers-and-state-1.805585.
4 Rym Ghazal, “UAE Tribes Continue to Show Allegiance,” The National, May 4, 2011, accessed July 31, 2024, https://www.thenationalnews.com/uae/uae-tribes-continue-to-show-allegiance-1.387952.
5 Ibid.

саудовско-катарской границы, на борьбу с катарской монархией. В то же время в Катаре представители этих племен публично выражали лояльность правителю Катара шейху Тамиму бин Хамаду Аль Тани. Руководство племени Аль-Мурра в Катаре выпустило заявление, осуждающее блокаду Катара и подтверждающую лояльность правителям страны[1]. То же самое сделало племя Бани Хаджер, одно из крупнейших в Катаре, оно опубликовало декларацию «в ответ на любое заявление, выпускаемое от имени племени Бани Хаджер за пределами Катара»[2]. Подобная реакция племен объясняется их историей взаимоотношений с государством: в 1996 г. Саудовская Аравия уже пыталась организовать переворот в Катаре, опираясь на членов клана Аль-Гуфран племени Аль-Мурра в катарских силах безопасности. Впоследствии около 5000 членов племени были лишены катарского гражданства и были вынуждены покинуть страну[3]. Так же катарское руководство поступило и в 2017 г., лишив гражданства племенных шейхов и несколько десятков членов их семей, которые публично не выразили лояльность правящей семье и не осудили действия Саудовской Аравии, а также критически оценили внешнюю политику Катара[4]. Экстраполируя катарский кейс на ОАЭ, можно предположить, что действия племенных шейхов в 2011 г. были обусловлены именно боязнью массовых преследований всего племени со стороны властей на основе их племенной идентичности и представляли из себя случай мобилизации в момент кризиса отношений с государством.

Голосование на выборах в законосовещательные органы власти

Другим инструментом выявления влияния племенной идентичности на политическую мобилизацию является анализ результатов выборов в законосовещательные органы стран Залива, что ярко проявляется на примере ОАЭ. В настоящее время около трети граждан ОАЭ имеют право голосования на выборах в Федеральный национальный совет, где они выбирают 50% депутатов. Хотя полномочия ФНС значительно ограничены, деятельность депутатов по-прежнему имеет большое значение, поскольку Совет фактически представляет собой аналог традиционного маджлиса донефтяной эпохи, где представители кланов и племен могли высказать свое недовольство руководством и потребовать изменений.

Выборы позволяют продемонстрировать значение племенных связей «при прочих равных», то есть когда влияние остальных факторов практически изолировано. С введением выборов в ФНС в 2006 г. в ОАЭ проявились паттерны «племенного» голосования. Выборы ярко продемонстрировали степень важности родственных связей в политическом вопросе: многие избиратели гордо заявляли, что голосовали только за членов своей семьи, а в эмирате Абу-Даби, три из четырех мест в ФНС выиграли члены племени Авамир[5]. Данные опросов под-

1 “Al Murra Tribe Renews Loyalty to Emir,” The Peninsula, June 18, 2017, accessed July 31, 2024, https://thepeninsulaqatar.com/article/18/06/2017/Al-Murra-tribe-renews-loyalty-to-Emir.
2 “Qatari Members of One of the Largest GCC Tribe Renews Loyalty to the Emir,” The Peninsula, June 10, 2017, accessed July 31, 2024, https://thepeninsulaqatar.com/article/10/06/2017/Qatari-members-of-one-of-the-largest-GCC-tribe-renews-loyalty-to-the-Emir.
3 Al-Sharekh, Freer 2022, 105.
4 “Qatar Revokes Citizenship of Tribal Leader, Poet,” Saudi Gazzete, October 1, 2017, accessed July 31, 2024, https://saudigazette.com.sa/article/518415; “55 Members of Al Murrah Tribe Stripped of Citizenship,” Economist Intelligence Unit, September 25, 2017, accessed July 31, 2024, http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1165924500&Country=Qatar&topic=Politics&subtopic=Fo_5.
5 Sultan Al-Qassemi, “Tribalism in the Arabian Peninsula: It is a Family Affair,” Jadaliyya, February 1, 2012, accessed July 31, 2024, https://www.jadaliyya.com/Details/25199.

твердили, что эмират, в котором родился кандидат, являлся главным критерием для голосования для 50,5% граждан[1]. Это указывает на то, что с этим кандидатом они, скорее всего, могли быть лично знакомы или связаны через родственников[2]. Так, 47,3% эмиратцев указали, что для них личное знакомство или какая-либо родственная связь с кандидатом повлияла на выбор. На наличие голосования по «племенному принципу» указывал и бывший спикер ФНС ОАЭ Мохаммед Аль-Мурр[3]. Таким образом, выборы в консультативный совет фактически становятся площадкой для проявления племенной идентичности и политических действий на племенной основе, хотя и имеют ограниченное влияние как в виду того, что принять участие в выборах может лишь около трети граждан страны, так и потому, что полномочия ФНС сильно ограничены.

Ярче всего влияние племенной идентичности на выборы в законосовещательные органы власти проявляется в Кувейте – единственной аравийской монархии, где парламент обладает реальными полномочиями. При этом политические партии в стране запрещены. Вследствие этого племена среди населения бедуинского происхождения фактически стали аналогом политических партий и получили «племенное преимущество». В отличие от политических движений, создаваемых исторически оседлым населением, граждане кочевого происхождения известны тем, что проводят «племенные праймериз», на которых избирают кандидатов от племени на будущих выборах[4]. Таким образом, племенная идентичность, основанная на общем происхождении, является причиной политической мобилизации в ситуации, когда государство гораздо слабее контролирует процесс выборов.

Роль племен в сфере безопасности и дипломатии

Потенциал для действий племени в качестве политического актора можно также проследить, изучая списки руководителей ключевых ведомств страны. Часто то или иное племя или клан имеют сильные позиции в определенном политически значимом ведомстве или важной для стабильности власти сфере. В данной статье автор выделяет силовые и дипломатические ведомства. Традиционно политическому контролю над армией в арабских странах уделялось большое внимание, а ее лояльность правящей семье являлась одним из главных факторов политической стабильности. Дипломатическая сфера важна по причине своего статуса и престижа в странах Персидского залива. Именно дипломаты, наряду с членами правящих семей, отвечают за поддержание дружественных отношений с другими арабскими странами, особенно с другими монархиями Залива, где часто проживают соплеменники многих граждан ОАЭ.

Военная и дипломатическая сфера контролируются эмиратом Абу-Даби: главнокомандующим армией ОАЭ является президент ОАЭ и правитель Абу-Даби, там же расположен Генеральный штаб вооруженных сил ОАЭ. Пост министра иностранных дел ОАЭ традиционно занимает представитель правящей семьи Абу-Даби, с 2004 г. – это брат нынешнего правителя Абу-Даби Мохаммеда бин

1 Ibid.
2 Wafa Issa, "Dubai Voters Driven by 'National Duty'," The National, September 24, 2011, accessed July 31, 2024, https://www.thenationalnews.com/uae/government/dubai-voters-driven-by-national-duty-1.395336/.
3 Цит. по: Alanoud, Freer 2022, 112.
4 Freer, Leber 2021.

Зайда, Абдалла бин Зайд. Правящая семья Абу-Даби происходит из клана Аль-бу-Фаллах, относящегося к племенной конфедерации Бани Яс, в которую по разным подсчетам входит от 20 до 25 племен[1]. Племена именно из этой коалиции исторически наиболее близки к правящей семье и занимают важнейшие политически значимые должности. При этом важным является факт наличия у отдельных членов племени близких отношений с руководителями эмирата Абу-Даби, в результате чего племя усиливает свое присутствие в той или иной сфере. Так, например, особая роль племени Румейсат в военной сфере объясняется тесной связью Хальфана Мохаммеда бин Хальфана ар-Румейси с шейхом Зайдом. В конце 1960-х и в 1970-х гг. он занимал пост командующего Эмирской гвардии – личной охраны правителя Абу-Даби[2]. В связи с этим он часто выполнял его личные поручения и смог выстроить с ним доверительные отношения. В 2016–2019 гг. сын Хальфана Мохаммед бин Хальфан ар-Румейси занимал должность командующего полицией Абу-Даби, а его соплеменник Хамад бин Мохаммед ар-Румейси до января 2023 г. был начальником Генштаба ОАЭ. Еще один представитель семьи генерал-лейтенант Саид бин Мохаммед Ар-Румейси в 2000-е гг. был заместителем начальника Генштаба, а в 1990-е гг. являлся начальником канцелярии Мохаммеда бин Зайда, который в тот момент сам занимал должность начальника.

Схожая траектория развития сложилась у племени Мазариа. Оно составляет до 20% всей племенной коалиции Бани Яс[3]. В XVIII–XIX вв. вместе с правящей семьей Абу-Даби племя жило в оазисе Лива, занималось верблюдоводством и выращиванием фиников. Из племени Мазариа происходят нынешний государственный министр по делам обороны Мохаммед Аль-Мазруи, начальник Генштаба вооруженных сил ОАЭ Иса бин Сейф Аль-Мазруи и командующий полицией Абу-Даби Фарис бин Халаф аль-Мазруи.

В дипломатической сфере наиболее заметно влияние племен Давахир и Зааб. Они не входят в Бани Яс, однако считаются одними из наиболее близких к правящей семье Аль Нахайян. Племя Давахир происходит из Аль-Айна – второго по важности города в эмирате Абу-Даби. Без их поддержки семья Аль Нахайян, изначально проживавшая в оазисе Лива к западу от Аль-Айна, не смогла бы закрепиться в этом городе. Давахир также имеют много родственных связей с Аль Нахайян, в том числе оттуда происходят две из (по доступным данным) девяти жен шейха Зайда, правителя Абу-Даби в 1966–2004 гг.

На момент написания статьи в июле 2024 г. из изученных на основе открытых данных 99 руководителей дипломатических миссий ОАЭ, представители Давахир являлись послами ОАЭ в 8 странах (8%), включая такие стратегически важные направления внешней политики ОАЭ как Турция, Оман, Марокко, Афганистан и Индонезия. Их влияние также проявляется и в силовом секторе – представители Давахир занимают несколько высоких постов в полиции Абу-Даби и вооруженных силах ОАЭ, включая пост заместителя министра обороны (Матар Салим Али Ад-Дахери).

1 Heard-Bey 1982; Kelly 1964; Meulen 1997.
2 “Khalfan Ar-Rumaithi, seerah zakhirah bile’tah [Khalfan Al-Rumaihi, a biography full of giving], Al-Etihad, December 26, 2020, accessed July 31, 2024, https://www.aletihad.ae/news/الإمارات/4152569/خلفان-الرميثي---سيرة-زاخرة-بالعطاء.
3 Meulen 1997.

В дипломатическом корпусе также достаточно широко представлено племя Зааб. Его представители являются послами в четырех странах (4%), включая такие стратегически важные, как Ирак и Пакистан. Позиции Зааб также сильны в экономическом блоке эмирата Абу-Даби, двое из членов племени являются членами Исполнительного совета этого эмирата. Племя Зааб происходит из Рас-эль-Хаймы, но в конце 1960-х гг. многие члены племени переехали в Абу-Даби[1].

Имея сильные позиции в данных ведомствах племена потенциально могут оказывать влияние на политические процессы, поскольку обладают доступом к правящей семье Абу-Даби: сферу безопасности и внешнюю политику традиционно контролируют члены правящей семьи этого эмирата, причем наиболее близкие к правителю родственники (брат или сын).

***

Принимая во внимание различные определения понятия негосударственного актора, автор пришел к выводу, что племена в ОАЭ нельзя в полной мере считать негосударственным актором. Современная модель отношений между государством и племенем, скорее напоминающая симбиоз, а в особых случаях и патронаж, на данный момент демонстрирует, что племена утратили многие аспекты политической субъектности. Тем не менее они сохраняют потенциал для того, чтобы вновь «обрести» акторность в случае изменения характера отношений с государством, поскольку сохраняется сильная племенная идентичность. Во многом этому способствует принятая в ОАЭ система гражданства, подразумевающая наличие «семейной книги», где прослеживается генеалогия человека как обязательное условие получения гражданства. Племена также способны к точечной политической мобилизации в случае политического кризиса, а также при голосовании на выборах в Федеральный национальный совет. Некоторые племена имеют широкое присутствие в армии и полиции, а также в дипломатической сфере, что дает определенные возможности по влиянию на политический процесс и продвижению племенных интересов.

1 Lori 2019, 73.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аганин, А.Р. Трайбализм и государство в арабском регионе на пороге третьего десятилетия XXI века // Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск пятьдесят третий). М.: Институт Ближнего Востока, 2019. 376 с.

Aganin, Aydar R. "Tribalism and the State in the Arab Region on the Threshold of the Third Decade of the 21st Century." In *The Middle East and Modernity. Collection of Articles (Issue Fifty Three)*, 5–21. Moscow: Institute of the Middle East, 2019 [In Russian].

Аганин, А.Р. Племена, кланы и семейства ОАЭ. М.: Институт Ближнего Востока. 2020а.

Aganin, Aydar R. *Tribes, Clans, and Families of the UAE.* Moscow: Institute of the Middle East, 2020a [In Russian].

Аганин, А.Р. Племена Ливии и их роль в политическом процессе // Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск пятьдесят четвертый). М.: Институт Ближнего Востока, 2020б. С. 5–40.

Aganin, Aydar R. "Tribes of Libya and Their Role in the Political Process." In *The Middle East and Modernity. Collection of Articles (Issue Fifty Four),* 5–40. Moscow: Institute of the Middle East, 2020b [In Russian].

Зинин, Ю.Н. Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране // Вестник МГИМО. 2013. № 2 (29). С. 38–41. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-2-29-38-41.

Zinin,Yuriy N. "Tribal Structure of Libyan Society and Its Influence on Political Processes in the Country."*MGIMO Review of International Relations,* no. 2 (2013): 38–41. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-2-29-38-41 [In Russian].

Кузнецов, В.А. Ливия: куда уходит племя, в какие города? // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 168–181. https://doi.org/10.31857/S086919080021266-9.

Kuznetsov, Vasily A. "Libya: To what Cities Do the Tribes Go?" *Vostok (Oriens)*, no. 4 (2022): 168–181. https://doi.org/ 10.31857/S086919080021266-9 [In Russian].

Кузнецов, В.А. Проблемы политического развития арабского мира в 2010–2020-е годы. Дис. канд. ист. наук: 5.5.2: защищена 15.02.24. М., 2023.

Kuznetsov, Vasily A."Problems of Political Development of the Arab World in the 2010–2020s. PhD thesis." Moscow, 2023 [In Russian].

Лебедева, М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2 (47). С. 125–133.https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144.

Lebedeva, Marina M. "The System of Political Organization of the World: "The Perfect Storm." *MGIMO Review of International Relations,* no. 2 (2016): 125–133 [In Russian].

Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019.

Lebedeva, Marina M., ed. *Megatrends of World Politics and Their Development in the 21st Century: Textbook for University Students.* M.: Aspect Press Publishing House, 2019 [In Russian].

Наумкин, В.В., Кузнецов, В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6.С. 104–113. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113.

Naumkin,Vitaly V., Kuznetsov Vasily A. "On the Issue of Typology of Non-State Actors in the Middle East." *World Economy and International Relations*, no. 6 (2020): 104–113. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113 [In Russian].

Al-Farsi, Sulaiman. *Democracy and Youth in the Middle East: Islam, Tribalism and the Rentier State in Oman*. London: I.B. Tauris, 2013.

Al-Kuwari, Maryam. "Tribe and Tribalism: The Trojan Horse of GCC States". In *Divided Gulf: the Anatomy of a Crisis*, edited by Andreas Krieg, 37–53. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. https://doi.org/ 10/1007/978-981-13-6314-6_3.

Al-Sharekh, Alanoud, and Courtney Freer. *Tribalism and Political Power in the Gulf: State Building and National Identity in Kuwait, Qatar and the UAE*. London: I.B. Tauris, 2022.

Beblawi, Hazem. "The Rentier State in the Arab World". In *The Rentier State*, edited by Hazem Beblawi, and Giacomo Luciani. London: Routledge, 1987.

Bener, Abdulbari, and Khalid Alali. "Consanguineous Marriage in a Newly Developed Country: The Qatari Population." *Journal of Biosocial Science* 38, no. 2 (2006): 239–246. https://doi.org/10.1017/S0021932004007060.

Collombier, Virginie, and Olivier Roy. *Tribes and Global Jihadism.* Oxford: Oxford University Press, 2018.

Dawood, N.J., ed. *Ibn Khaldun: The Muqaddima. An Introduction to History,* translated by Franz Rosenthal. Princeton: Princeton Univ. Press, 1969.

Dukhan, Haian. *State and Tribes in Syria: Informal Alliances and Conflict Patterns.* New York: Routledge, 2019.

Evans-Pritchard, Evans. *The Sanusi of Cyrenaica*. Oxford: Clarendon Press, 1949.

Freer, Courtney, and Andrew Leber. "Defining the "Tribal Advantage" in Kuwaiti Politics." *Middle East Law and Governance*, no. 2 (2021): 205–234. http://doi.org/10.1163/18763375-13031309.

Freer, Courtney. "Clients or Challengers?: Tribal Constituents in Kuwait, Qatar, and the UAE." *British Journal of Middle Eastern Studies,* no. 2 (2019): 271–290. https://doi.org/10.1080/13530194.2019.1605881.

Gellner, Ernest. "Introduction". In *Arabs and Berbers: From Tribe to Nation in North Africa,* edited by Ernest Gellner, and Charles Micaud. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1972.

Heard-Bey, Frauke. *From Trucial States to United Arab Emirates: A Society in Transition.* London, New York: Longman Group, 1982.

Hourani, Albert. *A History of the Arab Peoples*. London: Faber and Faber, 1991.

Hweio, Haala. "Tribes in Libya: From Social Organization to Political Power." *African Conflict and Peace Building Review*, no. 1 (2012):111–121. https://doi.org/10.2979/africonfpeacrevi.2.1.111.

Josselin, Daphné, and Wallace William. "Non-State Actors in World Politics: A Framework." In *Non-State Actors in World Politics,* edited by Josselin Daphné, and William Wallace, 1–20. Houndsmills, Basingstoke: Palgrave, 2001.

Kelly, J. *Eastern Arabia Frontiers.* London: Faber & Faber, 1964.

Keohane, Robert, and Joseph Nye. "Introduction". In *Transnational Relations and World Politics*, edited by Robert Keohane, and Joseph Nye. Cambridge: Harvard University Press, 1972.

Kostiner, Joseph. "The Nation in Tribal Societies: Reflections on K.H. al-Naqib's Studies on the Gulf". In *Tribes and States in a Changing Middle East,* edited by Uzi Rabi, 219–230. Oxford: Oxford University Press,

2016. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190264925.003.0012.

Lewis, Alexandra. Security, Clans and Tribes: *Unstable Governance in Somaliland, Yemen and the Gulf of Aden*. Basingstoke: Palgrave Pivot, 2014.

Lori, Noora. *Offshore Citizens: Permanent Temporary Status in the Gulf*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Meulen, H. *The Role of Tribal and Kinship Ties in the Politics of the United Arab Emirates.* PhD Thesis, Tufts Univ., 1997.

Rugh, Andrea. *The Political Culture of Leadership in the United Arab Emirates.* New York: Palgrave Macmillan, 2007.

Shockley, Bethany, and Justin Gengler. "Social Identity and Coethnic Voting in the Middle East: Experimental Evidence from Qatar." *Electoral Studies* 67, (2020): 1–13. https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102213.

Willner, Samuel. "Tribal Decision-Making: From Traditional to Modern Context". In *Preserving the Saudi Monarchy: Political Pragmatism in Saudi Arabia c. 1973-1979,* edited by Samuel Willner. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-30006-6_2.

Сведения об авторе

Артём Константинович Адрианов,
аспирант, Институт Международных Исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76
e-mail: artemadrianov1@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 25 августа 2024.
Переработана: 10 сентября 2024.
Принята к публикации: 11 сентября 2024.

Благодарность

Автор выражает благодарность В.А. Кузнецову за ценные и содержательные комментарии в процессе написания статьи, а также благодарит П.Н. Исаина за содействие в обработке новостных заметок WAM.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Адрианов, А.К. Племена как негосударственные акторы в арабских монархиях Персидского залива на современном этапе (на примере ОАЭ) // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 70–90.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-70-90

Tribes as Non-State Actors in the Arab Monarchies of the Persian Gulf at the Present Stage (the Case of the UAE)

ABSTRACT

The article examines the tribal structures of the UAE as non-state actors. The author pays special attention to the definition of the concept of "tribe" in the Arab world and its interpretation in relation to the countries of the Persian Gulf and, in particular, the UAE as one of the most complex tribal systems in the region. It explores the question of tribal identity and its manifestations at the present stage, as well as its influence on the position of tribes as political actors. Based on the classification of non-state actors by Vitaliy Naumkin and Vasiliy Kuznetsov, the author examines the tribe as a local and state-oriented actor. Three situations are identified in which the tribe as an actor can manifest itself most clearly. The author concludes that tribes cannot be considered as fully-fledged non-state actors, but that they retain significant potential for mobilisation and political action in crisis situations.

KEYWORDS

non-state actors, tribes, identity, UAE, Persian Gulf

Author

Artem K. Adrianov,

Ph.D. Student, MGIMO University, researcher at the Institute for International Studies of the MGIMO University,
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: artemadrianov1@gmail.com

Additional information

Received: August 25, 2024. Revised: September 10, 2024. Accepted: September 11, 2024.

Acknowledgment

The author is grateful to V.A. Kuznetsov for valuable and informative comments during the writing of the article, and to P.N. Isain for his assistance in processing WAM news notes.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Adrianov, Artem K. "Tribes as Non-State Actors in the Arab Monarchies of the Persian Gulf at the Present Stage (the Case of the UAE)." *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 70–90. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-70-90

10.46272/2587-8476-2024-15-3-91-107

Историческая политика в Косово*: память элит и контрпамять жертв в публичных пространствах государства *de facto* (противоречия коллективной памяти и мемориальной культуры)

Максим Валерьевич Кирчанов, ВГУ, Воронеж, Россия
Контактный адрес: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

АННОТАЦИЯ

В представленной статье автор анализирует особенности и направления развития коллективной исторической памяти в Косово как регионе со спорным международным политическим статусом. Целью исследования является анализ политики памяти, проводимой региональными политическими элитами Косово, которая содействует консолидации политической идентичности региона. Автор анализирует роль и место истории и представлений о прошлом в дискурсе, формируемом элитами современной Приштины. Методологически статья актуализирует достижения междисциплинарной историографии, представленной мемориальным поворотом, и исследований, сфокусированных на анализе национализма как фактора развития и трансформации мемориальных культур. Новизна исследования состоит в изучении актуального этапа в развитии исторической политики в Косово как регионе со спорным политическим статусом, стремящимся к институционализации и признанию как нации-государства. В статье показано, что: 1) политические элиты современного Косово активно используют реальный и символический потенциалы коллективных представлений о прошлом, 2) историческая политика в Косово и формируемая ее участниками мемориальная культура отличаются высокой степенью идеологизации, 3) национализм является важнейшим фактором, определяющим основные векторы и траектории развития исторической политики и мемориальной культуры. Предполагается, что политика памяти, приводимая элитами, в целом отличается тенденцией к сочетанию этнического и гражданского албанского национализма, высоким уровнем политизации и идеологизации истории, ее активным использованием и инструментализацией в публичных и общественных пространствах, что превращает коллективные представления о прошлом в фактор мемориальной конфронтации и войн памяти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

историческая память, политика памяти, Косово, войны памяти, инструментализация истории, мемориальная культура

* В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

CC BY
© Максим Кирчанов, 2024

Введение

В современном мире историческая политика, или политика памяти, стала универсальным средством, которое политические элиты различных государств используют для формирования соответствующих идентичностей, в максимальной степени соотносимых с их идеологическими предпочтениями, позиционируемых ими в качестве основ гражданской или этнической идентичности того или иного общества. Не является исключением из подобной логики политизации и инструментализации истории и политии со спорным статусом.

Одним из таких государств является Косово, которое исторически представляло собой часть сербского/югославского политического пространства, но в 1990-е гг. в условиях кризиса в Югославии на территории региона стали усиливаться сепаратистские тенденции, связанные с рядом факторов, включая как рост албанского сепаратизма, так и некоторые объективные ошибки правящих сербских политических элит. Участие в конфликте сербского и албанского национализмов привело к острому политическому, межэтническому и межконфессиональному конфликту, отягощенному внешним вмешательством со стороны внерегиональных акторов, в результате которого Белград фактически утратил контроль над территорией Косово, которое превратилось в территорию со спорным статусом – в независимое, частично признанное (или *de facto*) государство.

Несмотря на то, что Косово не имеет полного международного признания[1] и лишь ограниченно представлено в международных организациях, регион стремится позиционировать себя в качестве государства. Решая эти задачи, местные политические элиты вынуждены использовать и такой ресурс как политика памяти, схожей с исторической политикой самой Сербии. Такая ситуация стала следствием того, что правящие группы Сербии, равно как и политический класс Косово являются участниками достаточно напряженных войн памяти и фактически втянуты в ситуацию мемориальной конфронтации, отягощенной взаимными политическими, идеологическими, этническими и религиозными претензиями.

Целью статьи является анализ основных векторов и направлений развития и трансформации мемориальной культуры, которая в современном Косово формируется в результате сознательных манипуляций со стороны правящих элит с историей и коллективными представлениями о прошлом, известными под общим названием «историческая политика». В задачи автора входят изучение направлений политики исторической памяти в Косово, выявление особенностей исторической политики, анализ проблем мемориальной политики на террито-

1 Косово является примером частично признанного государства или государства de facto. В Конституции ФНРЮ 1946 г. регион имел автономный статус в составе Социалистической республики Сербия. Конституция 1974 г. подтверждала автономию Косово. Референдум 1989 г. в Сербии существенно сократил автономию. В 1990 г. власти Сербии ввели в Косово чрезвычайное положение, в ответ на что 22 сентября 1991 г. была провозглашена Республика Косово. 22 октября 1991 г. независимость Республики Косово признала Албания. На протяжении 1990-х гг. регион, фактически контролируемый Белградом, стал ареной этнополитического столкновения между албанцами и сербами. Конфликт стал поводом для вмешательства НАТО в 1999 году. Белград был вынужден дать свое согласие на ввод военного контингента *KFOR*. Регион был передан под управление ООН на основании резолюции СБ ООН № 1244 от 10 июня 1999 года. 17 февраля 2008 г. Парламент Косово объявил о провозглашении независимости. 1 декабря 2009 г. в Международном суде были инициированы слушания о легитимности одностороннего провозглашения независимости. 22 июля 2010 г. Международный суд признал законность решения властей Косово. В целом к 2024 г. Белград считает Косово юридически частью Сербии. К 2024 г. независимость Косово признана 85 государствами-членами ООН. 15 государств-членов ООН отозвали признание. 75 государств-членов ООН не признают независимость Косово.

рии региона, связанных с доминированием националистического воображения и воспроизводимых им мифологем, а также прогнозирование перспектив и трансформаций развития мемориальной культуры в регионе.

Методологические ориентиры

В центре настоящей статьи – проблемы исторической памяти и той мемориальной культуры, которая формируется в ее рамках на контролируемой Приштиной территории. Несмотря на то, что Косово регулярно оказывается в центре внимания исследований историков и политологов, в научной литературе, к сожалению, доминируют тенденции к однобокому восприятию косовской проблематики.

С одной стороны, для части авторов косовский конфликт – пример международного геополитического противостояния между условным Западом, союзной ему мусульманской Албанией и неправославным миром[1], редуцируемом в данном случае до Сербии[2]. Такие интерпретации рискуют быстро утратить академический характер, что почти автоматически актуализирует в подобных текстах алармистский подход[3]. С другой, – проблемы Косово могут сводиться до сербо-албанского этнополитического конфликта[4]. Такая редукция также представляется крайне непродуктивной, так как чревата политизацией историографии и усилением этноцентричного подхода и примордиалистских описаний нации. Последнее ведет к тому, что современные этнические и политические идентичности могут проецироваться на различные сообщества, которые существовали в прошлом, и воспринимаются как предковые группы для косовских албанцев и сербов.

Обе эти интерпретационные модели склонны низводить проблемы современного Косово преимущественно до взаимодействия и влияния внешних факторов – коллективного Запада, православного мира, Албании, Сербии, албанского и сербского национализмов. За подобными объяснениями, как правило, игнорируется само Косово – регион, который фактически четверть века развивается в рамках своей собственной модели, декларируя и позиционируя себя в качестве суверенного и независимого государства. Исследований, сфокусированных на изучении внутренних проблем Косово, в российской историографии немного[5]. Поэтому игнорирование собственно косовской проблематики в ее внутренней перспективе ведет к тому, что широкий круг вопросов, включая государственное строительство, политические процессы, национализм в региональной перспективе, культура, коллективная память, трансформации идентичности и историческая политика остаются за пределами внимания современных балканистов.

Между тем полученный уникальный опыт региона в качестве *de facto* государства, его способность адаптироваться к изменяющимся условиям и международной ситуации, формирование уникальной политической культуры с актив-

1 Илляр 2011.
2 Кандель 2009.
3 Крюков 2009.
4 Kočan 2019.
5 Энтина 2021.

ным участием женщин в стране с мусульманским большинством – эти и другие факторы указывают на важность и необходимость изучения современных внутренних процессов в Косово, включая региональную форму политики памяти и мемориальной культуры.

На современном этапе междисциплинарная историография проявляет значительный интерес к проблемам памяти и исторической политики. Концепты «коллективной памяти», «политики памяти», «исторической политики», «мемориальной культуры» и их производные уверенно вошли в лексикон такого направления в развитии исторической науки и смежных дисциплин как *Memory Studies*.

В современной историографии в отношении коллективной исторической памяти фиксируются два подхода. В рамках первого память и ее производные анализируются при помощи традиционного инструментария исторической науки, редуцируясь до нарративов и дискурсов[1]. В таких исследованиях историческая политика воспринимается через призму критического осмысления деятельности интеллектуалов[2], которые вовлечены в формирование и репрезентацию образов истории в публичных и общественных пространствах[3]. Второй подход предусматривает отход от текста в направлении визуальных проявлений и форм исторической политики и коллективной памяти, что позволяет анализировать, конструировать и деконструировать мемориальную культуру через призму визуальных форм – от кинематографа и комикса до монументальных памятников и сооружений, призванных пространственно зафиксировать и подчеркнуть опыт того или иного сообщества[4].

Анализируя историографию, посвященную исторической политике и, как результат, мемориальной культуры Косово, кажется необходимым указать на ряд факторов, в частности, автор не склонен позиционировать статью как текст, написанный через призму «классических» теорий памяти, представленных в работах М. Хольбвакса[5], П. Нора[6] и А. Ассманн[7]. Проявления исторической политики в Косово не могут быть определены как «ориентиры» для элит в их манипулятивных стратегиях работы с прошлым: историческая политика развивается не в социальной, но в националистической, т.е. идеологической, системе координат.

Кроме того, формы политики памяти, практикуемые в Косово, сложно относить к «местам памяти» П. Нора, так как последние в регионе представлены лишь памятниками и не соотносятся с такими формами мемориальной культуры как праздники, ритуалы, торжества. Изучая стратегии исторической политики в Косово, автор исключает концепцию А. Ассманн в силу того, что практикуемая элитами региона политика памяти слабо соотносится с идеальными моделями компромисса, диалога и примирения, так как реальные мемориальные практики актуализируют ценности национализма.

1 Mallot 2012.
2 Stanislawski 2001.
3 Baár 2010.
4 Potter 2022.
5 Halbwachs 1925.
6 Nora 2010.
7 Assmann 2010.

Историография

Рассматривая проблемы коллективной памяти в Косово, невозможно не принимать во внимание фактор албанского национализма[1]. Изучение исторической политики в Косово представляется более перспективным через призму теоретических подходов, предложенных в классической историографии национализма, но не в классических текстах о феномене памяти, несовпадения которых с косовской мемориальной ситуацией описаны выше, так как история косовского национализма на региональном уровне[2] интегрируется в гранд-нарративы исследований, сфокусированных на изучении албанского национализма как «материнского»[3].

Различные представления о прошлом, которые доминируют в публичных и общественных пространствах региона автор склонен воспринимать как социокультурные конструкты, предложенные националистическими политиками и интеллектуалами. Поэтому предполагается, что национализм в Косово стал фактором инструментализации исторического прошлого, в результате чего оно становится одним из символических ресурсов в арсенале политических элит, которые пользуются им для контроля как над общественным мнением, так и для политической мобилизации населения региона.

Анализируя историческую политику, автор использует теорию воображения сообществ[4] и изобретения традиций[5]. В рамках подобных подходов различные манипуляции с фактами прошлого, политизацию и инструментализацию истории мы можем воспринимать как региональные формы изобретения традиций, которые призваны утвердить публичные и общественные ритуалы, используемые для консолидации коллективной исторической памяти в регионе, что содействует трансформации жителей Косово в политическую нацию, то есть воображаемое сообщество. В этой ситуации мы вынуждены констатировать наличие непосредственной зависимости между политизацией истории и ее превращением в символический ресурс современной политики, что соотносится с развитием политической культуры в Косово как государства *de facto*, где политически и идеологически инструментализированная история стала важнейшим фактором политики идентичности.

Политика памяти в Косово: стартовые условия и характеристики

Анализируя особенности как политики памяти, так и формируемой ей мемориальной культуры, во внимание следует принимать стартовые условия и социальные особенности косовского общества, которые существенно повлияли на манипуляции с прошлым на региональном уровне. В проведении исторической политики в Косово, общество которого «остается глубоко разделенным при понимании и интер-

1 Brackob 2022.
2 Kostovicova 2005.
3 Kalemaj 2014.
4 Anderson 1983.
5 Hobsbawm, Ranger 1983.

претации своего недавнего прошлого»[1], изначально был вовлечен относительно широкий спектр акторов, что придавало их инициативам в сфере сохранения и продвижения памяти гетерогенный характер, но последний не получал развития, будучи слабо представленным в общественных пространствах. Комментируя особенности исторической политики в регионе, Е.А. Колосков полагает, что «власти при формировании нового нарратива проявили достаточно большую изобретательность»[2], что скорее всего является не совсем верным. Поэтому для косовских нарративов на протяжении первой четверти XXI в. системной характеристикой являлось стремление к унификации памяти, хотя относительное и весьма условное тематическое разнообразие сохранялось, не получая развития, будучи ограниченным мемориальным опытом отдельных групп и сегментов косовского социума.

С одной стороны, центральным сюжетом в мемориальных практиках и стратегиях агентов исторической политики являлась память о вооруженной борьбе против Белграда, которая позиционировалась в качестве не только патриотической, но и оправданной. С другой, политика памяти в Косово не могла игнорировать ресурс албанской этничности, так как именно на сохранение последней и была направлена сепаратистская активность предыдущих поколений косовских политиков. Подобная тематическая ограниченность исторической политики фактически институционализировала узость мемориальной культуры, представленной националистическими рефлексиями относительно вооруженной борьбы за освобождение[3], тем не менее, не исключает множественности памятей[4], которые, правда, ограничены индивидуальными, но не групповыми траекториями формирования представлений о прошлом.

Кроме того, для косовской версии политики памяти практически с начала XXI в. было характерно отсутствие специализированных государственных организаций и институций, подобных Институтам памяти. В регионе не были приняты соответствующие мемориальные законы, которые определяли бы официально допустимый канон восприятия прошлого в обществе. Поэтому не проводилась систематическая политика как в области собственно развития и поддержания мемориальной культуры, так и ее изучения.

К началу 2000-х гг. акторами памяти были преимущественно интеллектуалы[5], вовлеченные в анализ особенностей мемориальной культуры на региональном уровне[6], или косовские эмигранты в Западной Европе[7] как носители памяти, к середине 2020-х гг. радикальных изменений не произошло. К началу 2020-х гг. Косово с его спорным статусом относилось экспертами к государствам, где элиты играли незначительную роль в проведении исторической политики и формировании мемориальной культуры[8].

1 Sabina Kaqinari, "Memory and Dealing with the Past: Reflections from Kosovo," International Christian University Rotary Peace Center, June 14, 2022, accessed August 30, 2024, https://rotaryicu.wordpress.com/2022/06/14/memory-and-dealing-with-the-past-reflections-from-kosovo-sabina-kaqinari-class-xix/.
2 Колосков 2022b, 391.
3 Ingimundarson 2007.
4 Ermolin 2021.
5 Salvatici 2001.
6 Berishaj 2001.
7 Lafontaine 2001.
8 Serbeze Haxhiaj, "The Weak Role of the State of Kosovo in Shaping the Collective Memory of its Past," Forum ZFD, July 14, 2021, accessed August 30, 2024, https://www.forumzfd.de/en/weak-role-state-kosovo-shaping-collective-memory-its-past.

Вероятно, эти факторы влияли на то, что коллективная память развивалась выборочно, актуализируя одни болезненные моменты и травмы (разрушение мусульманского культурного наследия), но игнорируя другие (уничтожение православных храмов)[1], что автоматически делало мемориальную культуру сфокусированной на воспроизводстве и визуализации нарративов, генетически восходящих к политической традиции албанского национализма.

Мемориальная культура: избирательность и (само)цензура памяти

Некоторые неудобные проявления памяти в такой ситуации могут подвергаться направленной маргинализации, так, например, память о репрессированном и подавленном гендере[2] через призму сексуального насилия[3], не совсем вписывается в доминирующий героический нарратив, основанный на национализме. Комментируя такую особенность мемориальной ситуации в Косово, Э. Красники подчеркивает, что «исторические нарративы имеют тенденцию позиционировать и описывать женщин как “мать этого героя”, “сестру этого важного политического заключенного”, игнорируя тот факт, что многие из этих матерей и сестер сами были активистками. Язык, используемый для описания женского активизма, очень специфичен, либо вращаясь вокруг их семейного статуса (мать, сестра), либо подчеркивая их “мужской” характер с использованием таких синтагм, как: “она боролась как мужчина”»[4].

В рамках косовской модели проведения исторической политики и функционирования мемориальной культуры женщины фактически «были исключены из героического национального нарратива… им обычно отводилась роль матерей, домохозяек, которые заботились о мужьях и детях, которые готовили и ухаживали за ранеными солдатами… Даже их роль в мирном гражданском сопротивлении никогда не признавалась, что является явным проявлением политики забвения»[5]. В отношении памяти о сексуальном насилии в современном Косово более действенными оказались коллективные инструменты принудительного забывания, но не актуализации травматического опыта, так как последний подвергается стигматизации. Именно поэтому само социальное и культурное явление стигмы в Косово «пропитано гендерными патриархальными нравами, которые проявляются в политике послевоенного миростроительства в национальном сообществе жертв»[6].

В сложившейся ситуации для Косово характерна конкуренция различных памятей, разделенных не только по принципу этничности (сербы и албанцы)[7], но и сопричастности к борьбе и понесенным в ней жертвам, которые не столь

1 “Narrative Targeting History and Memory Presented in Kosovo,” SENSE Transitional Justice Center, July 25, 2024, accessed August 30, 2024, https://sensecentar.org/activities/narrative-targeting-history-and-memory-presented-kosovo.
2 Hoxha, Andresen 2021.
3 Di Lellio et al. 2019.
4 Krasniqi 2020, 166.
5 “The Politics of Memorialization in Kosovo: Between the Historicist and Materialist Approach,” Dealing with the Past, May 21, 2024, accessed August 30, 2024, https://dwp-balkan.org/the-politics-of-memorialization-in-kosovo-between-the-historicist-and-materialist-approach/.
6 Krasniqi et al. 2020.
7 Zdravković-Zonta 2009.

привлекательны для официальной коммеморации в отличие от погибших участников Армии освобождения Косово. Поэтому эксперты вынуждены констатировать, что косовской версии коллективной исторической памяти «не хватает памяти жертв среди гражданского населения. Дети, женщины и меньшинства остались на обочине памяти, так как поддерживаемый публичный дискурс прославляет только вооруженное сопротивление»[1].

Если в большинстве исторических политик и формируемых ими мемориальных культур «посткоммунистического мифологического ландшафта миф о страдании присутствует везде. Согласно ему, ни одна другая нация не пострадала так сильно, как страна того, кто об этом говорит и просто не может понять, почему внешний мир так нечувствителен к уникальному тяжелому положению его или ее группы»[2]. Историческая политика в Косово не использовала этот универсальный ресурс политического воображения, тем самым проигнорировав его мобилизационный потенциал, который, вероятно, по мнению элит, не столь действенен, как героический нарратив.

Объектом маргинализации стала не только память жертв, но и проект, предложенный известным албанским писателем И. Кадаре[3], шедший вразрез с мейнстримным подходом. Практически перед началом активной фазы конфликта писатель выступил с концепцией памяти Косово как одновременно европейской и героической[4], что актуализировало бы западные модели исторического воображения и манипулирования прошлым. В перспективе развитие такой версии коллективной памяти могло бы приблизить мемориальную культуру Косово к общеевропейским тенденциям. Этого, однако, не произошло, так как историческая политика оказалась под контролем элит, которые факты прошлого воспринимали почти исключительно утилитарно, что привело к игнорированию не только мемориального проекта И. Кадаре, но и множественных травм, возникших в результате виктимизации коллективного опыта восприятия истории и места жертв как в ней, так и в современности.

В условиях маргинализации таких сюжетов со стороны элит и актуализации памяти о травме почти исключительно гражданскими активистами, доминируют большие нарративы, а агенты исторической политики, вовлеченные в их воспроизводство, склонны оперировать широкими обобщениями и масштабными образами, что и предопределяет «высокий» стиль политики исторической памяти, которая реализуется в Косово на официальном уровне.

Мемориальная политика: консервативная стабильность

Неизбежным следствием такой ситуации становится и то, что мемориальная культура исторической памяти в Косово использует крайне узкий набор средств, ограниченных, как правило, нарративными практиками. Несмотря на определенную изначальную заданность мемориальной политики в Косово, для

1 Serbeze Haxhiaj, "The Weak Role of the State of Kosovo in Shaping the Collective Memory of its Past."
2 Obućina 2011, 34.
3 Hashani 2020.
4 Kadare 1999.

нее характерна определенная двойственность. По мнению экспертов, «практики мемориализации в Косово не являются унитарными, а скорее множественными, поскольку воспоминания разных групп конкурируют за место в ландшафте коллективной памяти – особенно тех, кто выступал за мирное политическое взаимодействие, и тех, кто выбрал вооруженную борьбу за независимость»[1]. Актуализация этих двух образов прошлого в современной политике исторической памяти фактически санкционирует доминирование националистического дискурса будучи одним из его проявлений.

Комментируя эти родовые особенности исторической политики, Б. Ходжия подчеркивает, что последняя нуждается в радикальной ревизии, так как, по ее мнению, «пришло время выйти из-под гнета официального нарратива о патриотической идентичности Косово, игнорировать его и предложить другие нарративы, неофициальные истории простых людей, нарративы с периферии сообщества, затронутого войной, немонументальные истории, которые принадлежат повседневной жизни»[2], но не официальной националистической риторике элит. Пересмотр сложившейся мемориальной культуры в Косово затруднен тем, что общество сталкивается с «дефицитом доверия, которое являются ключом к переговорам и установлению автономии нарративов и способов рассказывать о прошлом в поляризованных сообществах… важно помнить, что работа с памятью не может функционировать как способ замены переходной и социальной справедливости, восстановления истины, постоянного неравенства, признания или ответственности»[3].

Барьером как для развития политики памяти, так и для появления новых альтернативных мемориальных культур в Косово являются ограниченные ресурсы региона. Например, в 2017 г. администрация Приштины выступила с инициативой превращения одного из бункеров периода СФРЮ в музейный комплекс, который специализировался на визуализации и актуализации в публичных и общественных пространствах опыта албанского сообщества в Югославии и его борьбы против Белграда, но в условиях дефицита финансирования проект не был реализован. В 2024 г. идея музея продолжает обсуждаться исключительно на уровне проекта[4].

Историческая политика снизу: между семейной и национальной историей

В сложившейся ситуации альтернативу официальной политике памяти представляют, как правило, гражданские активисты, которые по собственной инициативе и совместно с родственниками погибших в ходе конфликта организовывают частные музеи, например – Музей семьи мучеников Бериши (*Muzeu i Martirëve të*

1 Vjollca Krasniqi, “Between History and Memory: The Jashari Family Memorial in Prekaz (Kosovo),” Cultures of History Forum, July 7, 2016, accessed August 30, 2024, https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/the-jashari-family-memorial-in-prekaz-kosovo.

2 Blerta Hoçia, “Memory at the Margins of the Official Narrative in Kosovo,” GC Human Rights Preparedness, June 1, 2023, accessed August 30, 2024, https://gchumanrights.org/gc-preparedness/preparedness-economic-social-and-cultural-rights/article-detail/memory-at-the-margins-of-the-official-narrative-in-kosovo.html.

3 Sabina Kaqinari, “Memory and Dealing with the Past: Reflections from Kosovo.”

4 Blinere Kurtishaj, “War Museum in Kosovo 1998–1999,” accessed August 30, 2024, https://www.inspireli.com/en/awards/detail/6910.

Familjes Berisha) в Теранде. В целом, к началу 2020-х гг. в Косово существовало от 1166[1] до 1600 мемориалов[2], посвященных вооруженной борьбе против Белграда. Большинство из них создано по инициативе родственников погибших. Вместе с тем, в ряде случаев инициативы общества и власти оказываются близки, так как «процессы мемориализации обычно сосредоточены на увековечивании памяти героев и мучеников»[3].

Подобные мемориальные инициативы на современном этапе воспринимаются двояко. С одной стороны, озвучивается официальная точка зрения, что погибшие албанцы являются «гражданскими жертвами сербского преступного режима»[4]. С другой – имеют место попытки актуализации и альтернативного нарратива, основанного на травме и восприятии истории через призму семьи: «боль жива, хотя прошло столько лет; эта боль живет не только в членах семьи, которые скучают по своим близким, в том числе и по детям. Правда болезненна, их тела до сих пор не возвращены, их судьба еще не известна»[5], но и в этом случае историческая память ограничена албанскими этническими характеристиками, что позволяет акторам политики памяти игнорировать опыт инокультурных групп[6].

Тем не менее такая риторика менее значима на фоне заявлений официальных лиц, например, премьер-министра Косово А. Курти, который настаивал, что коллективная память «является нашей жизнью, нашим неизгладимым, травматическим прошлым, которое сегодня представляет собой кровоточащую рану, открытую рану, потому что до сих пор нет ни справедливости для жертвы, ни суда и наказания сербских преступников»[7]. Другим подобным «местом памяти» является Мемориал семьи Яшари в Преказе. В 2005 г. Ассамблея Косово приняла закон о «Мемориальном комплексе А. Яшари», который стал одной из первых попыток элит формировать мемориальную культуру, превратив место захоронения в место «онтологического, антропологического, исторического, культурного и гражданского значения для более широкой албанской нации»[8].

Более того, по мнению экспертов, мемориал стал частью политики, направленной на конструирование нации – с наделением ее соответствующими изобретенными традициями. Комментируя значение и место мемориала в исторической политике Косово, В. Красники указывает на то, что «мемориал семьи Яшари является местом дискурсивных и мемориальных актов, а также перформативных культурных практик на службе нации. Это – основа коллективной памяти и способов, которыми прошлое представлено и как его значение сохраняется посредством поминовения»[9].

1 Serbeze Haxhiaj, "Ethnocentric Memorials Dominate Kosovo's War Remembrance Culture," Balkan Transitional Justice, April 27, 2022, accessed August 30, 2024, https://balkaninsight.com/2022/04/27/ethnocentric-memorials-dominate-kosovos-war-remembrance-culture/.
2 Serbeze Haxhiaj, "The Weak Role of the State of Kosovo in Shaping the Collective Memory of its Past."
3 Vjollca Krasniqi, "Between History and Memory: The Jashari Family Memorial in Prekaz (Kosovo)."
4 Fisnik Minci, "Muzeu i Martirëve të Familjes Berisha – dëshmi e masakrës në Suharekë (Музей семьи мучеников Бериши – свидетельство резни в Сухареке)," Koha, March 26, 2021, accessed August 30, 2024, https://www.koha.net/kulture/264146/muzeu-i-martireve-te-familjes-berisha-ndash-deshmi-e-masakres-ne-suhareke/.
5 Ibid.
6 Schulze 2014.
7 Fisnik Minci, "Muzeu i Martirëve të Familjes Berisha – dëshmi e masakrës në Suharekë (Музей семьи мучеников Бериши – свидетельство резни в Сухареке)."
8 "Law No. 2004/39 On the Announcement of the Memorial Complex with Special National Interest 'Adem Jashari' in Prekaz," May 15, 2001, accessed August 30, 2024, http://old.kuvendikosoves.org/common/docs/ligjet/2004_39_en.pdf.
9 Vjollca Krasniqi, "Between History and Memory: The Jashari Family Memorial in Prekaz (Kosovo)."

Такие формы мемориализации и актуализации коллективной памяти в публичных пространствах, по мнению Е.А. Колоскова, являются «наиболее массовыми элементами политики памяти»[1], которая, в свою очередь, в значительной степени подвержена мифологизации. Проблема в том, что как исторический, так и политический мифы в современном Косово ограничены героическим нарративом вооруженной борьбы[2], превращенным в системообразующий компонент мемориальной культуры.

Историческая политика: стабильность

В проведении политики коллективной исторической памяти, несмотря на западные инициативы, направленные на трансляцию ценностей и принципов толерантности и европеизации региональных балканских идентичностей[3], основным легитимирующим фактором является албанский национализм. Последний обрекает мемориальную культуру региона на функционирование в рамках жесткой системы идеологем и мифологем, которые генетически восходят к предшествующей националистической традиции[4], с одной стороны, фактически ее легитимируя, а с другой – ограничивая память актуализацией опыта, полученного в результате военного конфликта с Белградом[5].

В общественных пространствах историческая политика редуцируется именно до этого мифа, автоматически игнорируя и маргинализируя альтернативные мемориальные культуры, основанные на актуализации «частной боли»[6] относительно травмы отдельных сообществ, в отношении болезненного коллективного опыта которых общество и политические элиты избрали универсальную тактику замалчивания и игнорирования. В исторической политике региона доминируют официальные нарративы, которые зачастую фиксируют и актуализируют не «парадный», но семейный уровень исторической памяти, визуализируя образ косоваров как жертв. Кроме этого, несмотря на наличие расхождений между мемориальной культурой, предлагаемой элитами, и культурами памяти, основанными на семейной истории и опыте коллективной травмы, историческая политика в Косово альтернативна и оппозиционна сербским версиям прошлого[7], в рамках которых история региона описывается в исключительно сербоцентричной системе координат.

Политика памяти: проблемы развития

Несмотря на значительную роль национализма в развитии исторической политики и функционировании мемориальной культуры, основные этапы и достижения последней практически не коррелируют с общеевропейскими или

1 Колосков 2022a, 278.
2 Obućina 2011.
3 Kostovicova, Bojičić-Dželilović 2008.
4 Schwandner-Sievers 2013.
5 Baliqi 2018.
6 Martha Beliveau, "The Public Secret and Private Pain of Wartime Sexual Violence: Comparing the Heroinat Memorial and the 2020 Newborn Monument from the Perspective of NGOs in Kosovo," Independent Study Project (ISP) Collection, 2020, accessed August 30, 2024, https://digitalcollections.sit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4294&context=isp_collection.
7 Draganić 2020.

даже условно общебалканскими тенденциями. Память и прошлое подверглись не только политизации, идеологизации и инструментализации, став символическим мобилизационным ресурсом, но и последовательной редукции, оказавшись сведенными до воспоминаний бывших участников вооруженного сопротивления Белграду, наиболее успешные из которых создали политический класс в Косово. В этой ситуации другие темы – культ великих древних предков, тема Второй мировой войны, коллаборационизма[1], в соседних странах региона ставшие основой для национализации истории и войн памяти, Приштиной попросту игнорируются.

В подобной ситуации наличия стабильного Другого с чужой памятью системной особенностью формирования и последующего воспроизводства мемориальной культуры является свойственная ей стабильность, которая ограничивает участие общества в обсуждении собственного исторического опыта, образы которого осознаются и конструируются через призму национализма, героизма и жертвенности во имя албанского освобождения. Доминирование именно такого, весьма ограниченного, набора нарративов в практиках и стратегиях политического коллективного «вспоминания» и «проговаривания» прошлого практически исключает попытки пересмотра официального мемориального канона, маргинализируя инициативы, направленные на его ревизию.

Историческая политика и мемориальная культура Косово: особенности и характеристики к середине 2020-х годов

Проанализировав различные направления и проявления политики памяти и формируемой в ее рамках мемориальной культуры, мы можем выделить основные характеристики этого процесса в Косово.

Во-первых, историческая политика формируется и протекает исключительно в «албаноцентричном» дискурсе, что связано с объективными тенденциями национализации прошлого. В связи с этим центральным моментом в коллективном историческом опыте становится антиюгославское/антисербское сопротивление. Во-вторых, политика памяти в современном Косово практически ничем не отличается от аналогичных тенденций в политизации истории, которые имеют место в других странах, где произошло слияние националистического и исторического воображения. В-третьих, политика памяти содействует представленности, (ре)презентации и развитию исключительно тех коллективных представлений о прошлом в публичных и общественных пространствах региона, которые проявляются в мемориализации и осмыслении политического опыта косовских албанцев, в первую очередь – их борьбы за самоопределение и независимость в ходе конфликта с Белградом.

В этой ситуации актуализируется конфронтационная модель исторической памяти, так как версия прошлого, продвигаемого политическими элитами Косово, радикально отличается и противоречит аналогичным стратегиям манипуляции прошлым, используемым Сербией. Поэтому именно войны памяти являются,

1 Pavlaković 2020.

вероятно, универсальными формами для развития обществ, к которым мы можем отнести современное Косово, так как в регионе только формируется политическая нация и доминирует этический национализм, в значительной степени замедляющий консолидацию гражданской идентичности.

Принимая во внимание универсальность политики памяти, как чрезвычайно удобной стратегии и формы манипуляции для решения политических задач и реализации целей элит, мемориальная культура, вероятно, и в дальнейшем будет активно использоваться правящими элитами Косово для консолидации и укрепления как этнической, так и политической идентичности региона, стремящегося к повышению своего статуса до государства-нации.

Таким образом, во внимание следует принимать, что не только косовские элиты, но и международное сообщество частично ответственно за то, что в регионе сложилась именно такая мемориальная культура. Именно предвзятое и, как следствие, узкое «международное восприятие албанцев как "жертв" или "преступников" способствовало консолидации мощного нарратива, основанного на прославлении албанскости, содействуя закрытию общественных дебатов»[1]. В такой ситуации склонность к инструментализации истории будет содействовать тому, что историческая память современного Косово продолжит функционировать в условиях ограниченного числа актуализируемых моментов исторического коллективного опыта, используя ресурсы и потенциал этнического национализма, стимулируя, с одной стороны, мемориальную конфронтацию с Белградом, а с другой – содействуя постепенной эрозии мемориального компромисса и актуализации альтернативных культур памяти.

Мемориальная культура: национализм и перспективы развития

Обладание ограниченным суверенитетом, неполная представленность в международных организациях, наличие внешних центров силы влияет на то, как и каким образом правящие политические элиты проводят историческую политику. Понимание дефицита легитимности, вызванное наличием территориальных претензий со стороны Сербии на весь регион или его северную часть, наличие в сербском обществе устойчивых настроений, согласно которым Косово является исторически сербской территорией, осознание того, что признание со стороны 85 государств не свидетельствует о признании суверенитета в полной мере – именно эти факторы вынуждают власти региона проводить такую мемориальную политику, которая в большой степени основана на постоянной и неизбежной актуализации принципов этнического национализма, образов Другого, представлений о Косово как жертве.

Косовская мемориальная культура представлена мощным националистическим трендом, основанным на актуализации мифа о героической борьбе косоваров против Белграда, что автоматически маргинализирует альтернативные культуры памяти, в основе которых лежит восприятие Косово как жертвы,

1 Di Lellio, Schwandner-Sievers 2006.

что указывает на важность актуализации коллективной травмы, полученной в 1990-е – начале 2000-х годов. Именно отсутствие полного международного признания, сохранение статуса государства *de facto,* тенденции социально-экономического кризиса, крайне низкий уровень развития инфраструктуры и жизни населения обрекают косовские политические элиты на игнорирование политики памяти как важного символического ресурса реальной политики.

Отсутствие полного признания обрекает историческую политику в Косово на замкнутость в исключительно этнической системе координат, что фактически исключает или делает невозможным, в лучшем случае – маловероятным, развитие альтернативной мемориальной культуры, основанный не на принципах этнического национализма, не на идеях универсальности этничности, языка и крови, но на ценностях гражданского и открытого общества. Используя именно такие стратегии в мемориальной культуре, власти стремятся как легитимировать собственное положение, так и консолидировать общество перед лицом внешних реальных и воображаемых политических и идеологических вызовов.

Поэтому историческая политика в дальнейшем будет проводиться двумя группами акторов. С одной стороны, государственные служащие и связанные с ними интеллектуалы будут актуализировать официальную версию мемориальной культуры, основанной на героическом опыте вооруженного сопротивления, игнорируя таким образом опыт других меньшинств, подвергнутых маргинализации и принудительному забвению, вытеснению на периферию пространства коллективной памяти. С другой – нельзя исключать и того, что будут развиваться альтернативные (гражданские) мемориальные культуры, основанные на ценностях гражданского общества, актуализации опыта жертв и признания коллективных травм, которые косовское общество получило, начиная с 1990-х годов.

Выводы

В Косово, как государстве *de facto*, в рамках политической культуры, которая развивалась на протяжении первой четверти XXI в., сложилось неформальное разделение труда между политическими элитами и гражданским обществом. Если правящие элиты, раннее связанные с национальным движением, вооруженной борьбой и Армией освобождения Косово, монополизировали процессы государственного строительства, формируя политические институты и превращая регион в государство де факто, то представители косовского гражданского общества взяли ответственность за развитие и репрезентацию альтернативной политической культуры, в том числе – и в сфере коллективной исторической памяти.

Именно такое неформальное разделение труда между правящими элитами и гражданским обществом как двумя коллективными акторами исторической политики и предопределило особенности формирующейся мемориальной культуры. В основе развития последней лежит разнонаправленное сосуществование героической памяти элит и альтернативной контрпамяти жертв. Эти две тенденции будут сосуществовать параллельно в косовском обществе, практически не пересекаясь, так как потребителями таких версий памяти будут являться разнонаправленные социальные и культурные группы.

Мемориальная культура в современном Косово развивается в рамках исторической политики, проводимой политическими элитами, но, принимая во внимание тенденции к политической и социально-экономической нестабильности, отсутствие полного международного признания, косовская политика памяти и формируемая в результате ее проведения коллективная историческая память в ближайшие годы будут зависеть от описанных выше тенденций, развиваясь преимущественно в системе координат этнического национализма, содействуя маргинализации альтернативных форм памяти, хотя и последние, несмотря на свой непривлекательный статус, будут ограниченно поддерживаться отдельными сегментами гражданского общества в современном Косово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Илляр, П. Косово и геополитика Балкан // Вопросы национализма. 2011. Выпуск 3. С. 120–123.

Hllard, Pierre. “Kosovo and the Geopolitics of the Balkans.” *Voprosy Nazionalizma* 3 (2011): 120–123 [In Russian].

Кандель, П.Е. Сербия между Косово, ЕС и Россией // Мировая экономика и международные отношения. 2009. Выпуск 1. С. 52–60.

Kandel, Pavel E. “Serbia between Kosovo, the EU and Russia.” *World Economy and International Relations* 1 (2009): 52–60 [In Russian].

Колосков, Е.А. Память о войне 1998–1999 гг. в современном Косово // Историческая политика в странах бывшей Югославии, под ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022a: 276–280.

Koloskov, Evgeniy A. “Remembrance of the 1998–1999 War in Modern Kosovo.” In *Historical Politics in the Countries of Former Yugoslavia,* edited by M. Belov. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publications, 2022a: 276–280 [In Russian].

Колосков, Е.А. Строительство vs разрушение: памятники и мемориальные пространства Северной Македонии и Косово // Историческая политика в странах бывшей Югославии, под ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022b: 384–393.

Koloskov, Evgeniy A. “Construction vs. Destruction: Monuments and Memorial Spaces in North Macedonia and Kosovo”. In *Historical Politics in the Countries of Former Yugoslavia*, edited by M. Belov. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publications, 2022b: 384–393 [In Russian].

Крюков, К. Косово – страна победившего экстремизма (хронология событий). Правоохранительные органы: теория и практика. No. 1 (2009): 120 – 123.

Kryukov, K. “Kosovo – a Country of Victorious Extremism (Chronology of Events).” *Law Enforcement Agencies: Theory and Practice* 1 (2009): 120–123 [In Russian].

Энтина, Е.Г. Международный фактор во внутриполитических трансформациях в «албанском мире» Косово // Международная аналитика. 2021. Том 12 (1). С. 112–131. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-112-131.

Entina, Ekaterina G. “The International Factor in Domestic Political Transformations in the ‘Albanian World’ of Kosovo.” *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 112–131 [In Russian].

Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso, 1983.

Assmann Aleida. “From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past.” In *Conflict, Memory Transfers and the Reshaping of Europe,* edited by Helena Gonçalves da Silva. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010: 8–23.

Baár, Monika. H*istorians and Nationalism: East-Central Europe in the Nineteenth Century*. Oxford: OUP, 2010.

Baliqi, Bekim. “Contested War Remembrance and Ethnopolitical Identities in Kosovo.” *Nationalities Papers* 3 (2018): 471–483. https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1375906.

Berishaj, Anton. “Violence Following Violence.” *Psychosocial Notebook* 2 (2001): 79–86.

Brackob, A.K. T*he Formation of the Albanian National Consciousness*. Las Vegas, NV: Vita Histria, 2022.

Di Lellio, Anna, Rushiti, Feride, and Kadire Tahiraj. “‘Thinking of You’ in Kosovo: Art Activism Against the Stigma of Sexual Violence.” *Violence Against Women* 25, no. 13 (2019): 1543–1557. https://doi.org/10.1177/1077801219869553.

Di Lellio, Anna, and Stephanie Schwandner-Sievers. “The Legendary Commander: The Construction of an Albanian Master-Narrative in Post-War Kosovo.” *Nations and Nationalism* 12, no. 3 (2006): 513–529. https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2006.00252.x.

Draganić, Anđela. “Remember to not Forget. Construction of the Serbian Collective Memory through Media Reportage of the Commemorations of the Kosovo War.” *The Maastricht Journal of Liberal Arts* 12 (2020): 65–80. https://doi.org/10.26481/mjla.2020.v12.776.

Ermolin, Denis S. “Multiple Voices of the Past: (Hi)stories and Memories from the Ethnically Mixed Neighbourhoods in Pristina.” *Colloquia Humanistica,* no. 10 (2021): 1–29.

Halbwachs, Maurice. *Les Cadres Sociaux de la Mémoire.* Paris: Félix Alcan, 1925. https://doi.org/10.1515/9783110869439.

Halbwachs, Maurice. *Social Frameworks of Memory*. Paris: Félix Alcan, 1925 [In French].

Hashani, Besa. “Elegy for Victims of Misused Memory: Ismail Kadare’s Three Elegies for Kosovo (1998).” *De Europa* 3, no. 2 (2020): 165–182.

Hoxha, Abit, and Kenneth Andresen. “Violence, War, and Gender: Collective Memory and Politics of Remembrance in Kosovo.” In *Europeanisation and Memory Politics in the Western Balkans. Memory Politics*

and Transitional Justice, edited by Ana Milošević and Tamara Trošt. London; New York: Palgrave Macmillan, 2021: 263–283. https://doi.org/10.1007/978-3-030-54700-4_11.

Ingimundarson, Valur. "The Politics of Memory and the Reconstruction of Albanian National Identity in Postwar Kosovo." *History and Memory* 19, no. 1 (2007): 95–123. https://doi.org/10.2979/his.2007.19.1.95.

Kadare, Ismail. *Temps Barbares.* Paris: L'Archipel, 1999.

Kadare, Ismail. *Barbarian Times.* Paris: L'Archipel, 1999 [In French].

Kalemaj, Ilir. *Contested Borders: Territorialization, National Identity and «Imagined Geographies» in Albania*. Berlin; New York: Peter Lang Ltd, International Academic Press, 2014.

Kočan, Faris. "Collective Memory and an Interpretative Approach: The Struggle over Kosovo's Independence as an Ideational Background for Contemporary Serbia's Foreign Policy Choices." *Croatian Political Science Review* 56, no. 3/4 (2019): 200–217. https://doi.org/10.20901/pm.56.3-4.09.

Kostovicova, Denisa. *Kosovo: The Politics of Identity and Space.* London; New York: Routledge, 2005. https://doi.org/10.4324/9780203087145.

Kostovicova, Denisa, and Vesna Bojičić-Dželilović. "Europeanizing the Balkans: Rethinking the Post-Communist and Post-Conflict Transition." *Ethnopolitics* 5, no. 3 (2008): 223–241. https://doi.org/10.1080/17449050600911091.

Krasniqi, Elife. "Kosovar Albanian Historiography Reflects a Long History of Oppression..." *The Historical Expertise* 4 (2020): 159–185.

Krasniqi, Vjollca, Sokolić, Ivor, and Denisa Kostovicova. "Skirts as Flags: Transitional Justice, Gender and Everyday Nationalism in Kosovo." *Nations and Nationalism* 26, no. 2 (2020): 461–476. https://doi.org/10.1111/nana.12593.

Lafontaine, Annie. "After the Exile: Displacements and Suffering in Kosovo." *Psychosocial Notebook* 2 (2001): 53–78.

Mallot, J. Edward. *Memory, Nationalism, and Narrative in Contemporary South Asia.* London; New York: Palgrave Macmillan, 2012.

Nora, Pierre. *Rethinking France: Les Lieux de mémoire. Vol. 4: Histories and Memories*. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

Nora, Pierre. "Between Memory and History: Les lieux de mémoire." *Representations* 26 (1989): 7–24.

Obućina, Vedran. "A War of Myths: Creation of the Founding Myth of Kosovo Albanians." *Suvremene teme/ Contemporary issues* 4, no. 1 (2011): 30–44.

Pavlaković, Vjeran. "Memory Politics in the Former Yugoslavia." *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej* 18, no. 2 (2020): 9–32. https://doi.org/10.36874/RIESW.2020.2.1.

Potter, Matthew C. *Representing the Past in the Art of the Long Nineteenth Century: Historicism, Postmodernism, and Internationalism.* London; New York: Routledge, 2022.

Salvatici, Silvia. "Memory Telling. Individual and Collective Identities in Post-War Kosovo: The Archives of Memory." *Psychosocial Notebook* 2 (2001): 15–52.

Schulze, Rainer. "Unheard Voices: Roma and the Kosovo War." *Kultura/Culture,* no. 5 (2014): 131–140.

Schwandner-Sievers, Stephanie. "The Bequest of *Ilegalja*: Contested Memories and Moralities in Contemporary Kosovo." *Nationalities Papers* 41, no. 6 (2013): 953–970. https://doi.org/10.1080/00905992.2013.767792.

Stanislawski, Michael. *Zionism and the Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*. Berkley: University of California Press, 2001.

The Invention of Tradition, edited by Eric Hobsbawm, and Terrence Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636.

Zdravković-Zonta, Helena. "Narratives of Victims and Villains in Kosovo." *Nationalities Papers* 37, no. 5 (2009): 665–692. https://doi.org/10.1080/00905990903122891.

Сведения об авторах

Максим Валерьевич Кирчанов,

д.и.н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран

Воронежского государственного университета

394068, Россия, Воронеж, Московский проспект, 88

e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 2 сентября 2024

Переработана: 12 сентября 2024

Принята к публикации: 26 сентября 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кирчанов, М.В. Историческая политика в Косово: память элит и контрпамять жертв в публичных пространствах государства *de facto* (противоречия коллективной памяти и мемориальной культуры) // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 91–107. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-91-107

History Politics in Kosovo: Elites' Memory and Victims' Counter-Memory in Public Spaces of the De Facto State (Contradictions of Collective Memory and Memorial Culture)

ABSTRACT

The article examines the development of collective historical memory in Kosovo, a region with contested international political status. The study aims to analyze the memorial policies pursued by Kosovo's regional political elites, which contribute to the consolidation of the region's political identity. Additionally, the role and significance of history and perceptions of the past in the discourse shaped by the elites of modern Pristina are explored. Methodologically, the article draws on the interdisciplinary contributions of historiography, particularly the memorial turn, as well as studies that analyze nationalism as a factor in the evolution and transformation of memorial cultures. The novelty of the study lies in its examination of the current stage of historical policy development in Kosovo, a region that is striving for institutionalization and recognition as a nation-state. The article demonstrates that: 1) Kosovo's political elites actively leverage both the real and symbolic potential of collective memory, 2) the region's historical policy and memorial culture are marked by a high degree of ideologization, and 3) nationalism plays a pivotal role in shaping the main vectors and trajectories of historical policy and memorial culture. The study suggests that the memory policies enacted by the elites tend to blend ethnic and civic Albanian nationalism, characterized by a high level of politicization and ideologization of history. This active use and instrumentalization of historical narratives in public and social spaces transforms collective memory into a tool for memorial confrontation and memory wars.

KEYWORDS

historical memory, memory policy, Kosovo, memory wars, instrumentalization of history, memorial culture

Author

Maksim V. Kirchanov,
PhD (Hist.), Associate professor, Department of Regional Studies and International Economies,
Voronezh State University
88 Moscovskiy avenue, Voronezh, Russia, 394068
e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Additional information

Received: September 2, 2024, Revised: September 12, 2024. Accepted: September 26, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kirchanov, Maksim V. "History Politics in Kosovo: Elites' Memory and Victims' Counter-Memory in Public Spaces of the De Facto State (Contradictions of Collective Memory and Memorial Culture)." *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 91–107.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-91-107

10.46272/2587-8476-2024-15-3-108-121

Проект возвращения черкесов на Кавказ в повестке черкесских организаций в России и диаспоре

Евгений Александрович Иванов, ЦИСР ФСН НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: eivanov@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Черкесское этнонациональное движение – одно из самых заметных в России. Дополнительный «вес» адыгский активизм получил благодаря наличию крупных диаспор в Турции, Сирии, Иордании, а также диаспор в Израиле, странах Западной Европы и США. В 1990-е гг. черкесские националисты заявляли о планах по созданию единой Черкесии – либо в составе России, либо в качестве самостоятельной политии. Такие радикальные сценарии не были приняты большинством умеренных адыгов. При этом черкесские активисты нуждались в проекте, который мог бы объединять адыгов в России и мире и поддерживать черкесское движение на ходу. Таким проектом стало содействие переселению черкесов диаспоры на Кавказ. Возвращение адыгов из-за рубежа исторически было важным пунктом программы черкесского движения, но после краха планов по созданию единой Черкесии и начала всестороннего кризиса в Сирии, заставившего тамошних адыгов искать убежища, эта идея вышла на первый план. Цель исследования – показать, как черкесские организации в России и в диаспорах используют проект возвращения для решения собственных задач. Продемонстрировано, что адыгское движение меняется: среди российских адыгов снижается радикализм, растет запрос на конструктивный диалог с государством в обмен на содействие с управляемым переселением. Турецкие организации не особо поддерживают идею о возвращении на Кавказ, поскольку она может ослабить черкесское движение в Турции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идея о возвращении, черкесы, адыги, диаспоры, Северный Кавказ

CC BY

© Евгений Иванов, 2024

Введение

К началу перестройки этнический национализм[1] на Северном Кавказе обладал большим мобилизационным потенциалом, который проявился во время распада СССР и на ранних этапах консолидации новой России[2]. Черкесский (адыгский)[3] национализм выделялся на фоне большинства прочих движений тем, что имел выход в международное измерение благодаря большой диаспоре, а точнее – многочисленным диаспорам, которые к тому же отличались наличием политических программ и готовностью включаться в дела на Кавказе.

Изначально, как пишет С. Жемухов, черкесское движение, включая диаспоры, преследовало три стратегических цели: 1) признание Кавказской войны геноцидом[4]; 2) переселение адыгов диаспоры на Кавказ; 3) объединение черкесских территорий на Кавказе в единую политию[5]. Тем не менее для российских и диаспоральных организаций, особенно на субнациональном и местном уровне, имеются и свои локальные задачи.

Проекты единой Черкесии и массового переселения адыгов диаспоры на Кавказ идеализированы и нереализуемы ввиду объективных причин. Так, ни одна из черкесских автономий на Северном Кавказе не обладает достаточными ресурсами для одновременного принятия большого количества адыгских переселенцев. Однако само наличие таких идей-проектов является основой для черкесского движения. Без подобного целеполагания верхнего уровня черкесский национализм рассыплется на региональные и местные клубы интересов.

Академик РАН Г.Г. Матишов и его коллеги показывают, что «черкесский вопрос», являющийся производной от черкесского национализма, возникал как продукт мифотворчества и сегодня самовоспроизводится за счет конструирования смыслов и образов[6].

Как отмечает Н.А. Нефляшева, символическая составляющая играет большую роль в черкесском движении: это и визуальная атрибутика в виде узнаваемого флага и традиционных костюмов, и коммеморативные практики, приуроченные к важным датам – например, дню памяти Кавказской войны, дню флага, дню костюма[7]. Отдельно следует сказать о дне репатрианта, который непосредственно связан с проектом возвращения черкесов диаспоры на Кавказ. Он был учрежден после успешного переселения адыгов из Косово в Адыгею. Ежегодное празднование этого события служит напоминанием того, что адыги из разных стран солидарны друг с другом и что мечта о переселении на Кавказ может для кого-то стать реальностью.

Помимо этого, адыги сохраняют свое нематериальное наследие – танцы и музыку, которые являются важным средством выражения истории черкесов и их представлений о себе и мире[8]. Это то, что отличает адыгов от других

1 В данной статье понятие «национализм» используется в нейтральном академическом ключе – Прим. авт.
2 Маркедонов 2011, 175.
3 В данной статье этнонимы черкесы и адыги используются как взаимозаменяемые – Прим. авт.
4 Власти РФ не используют данный термин по отношению к тем событиям. На уровне отдельных субъектов (КБР и Адыгеи) понятие «геноцид» употреблялось в 1990-е годы. См. Маркедонов 2011, 171.
5 Zhemukhov 2012, 505–506.
6 Матишов, Клычников, Хлынина 2012.
7 Нефляшева 2013.
8 Соколова 2011.

кавказских народов и объединяет адыгские субэтносы в единую культурную общность.

Примечательно, что на момент Кавказской войны консолидированной черкесской нации не было. Черкесы представляли собой множество племен с общей культурной базой и близкими языками, но с различным социально-политическим устройством. С.Г. Кудаева отмечает, что еще в XVIII в. выделялось 18 подгрупп адыгов; несмотря на слияние племен, в первой половине XIX в. таковых насчитывалось 11[1].

В современной России объединение больших групп – кабардинцев из КБР и адыгов из КЧР и Адыгеи – все еще продолжается. Призыв адыгских активистов записываться в переписи 2020–2021 гг. черкесами не имел существенного результата. Кроме того, национальные движения оказались под давлением со стороны быстро крепнувшей исламской идентичности[2]. Вместе с тем, этнонационализм как политический ориентир северокавказских сообществ полностью не исчез. Исследователи не исключали возможности возвращения этих идей в повестку Северного Кавказа[3].

Новая трансграничная черкесская идентичность переживает процесс своего становления, и от того, удастся ли черкесским организациям поддерживать связи адыгов из разных стран, а не разбиться на «оставшихся» и диаспоры, зависит судьба этого начинания.

Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что черкесский национализм является продуктом конструирования большой идентичности, стоящей над племенными и прочими размежеваниями. Автор также придерживается конструктивистских позиций, поскольку показывает, как идеи движут черкесским национализмом.

В литературе зачастую игнорируется то обстоятельство, что демографическая база черкесского движения не столь велика, как об этом говорят активисты. Более того, в диаспорах отмечается ее постепенное сокращение, помноженное на сокращение стимулов для ассимилировавшихся и обустроивших свой быт адыгов диаспоры переселяться на Северный Кавказ. Также акцентируется внимание на том, что различные фракции внутри черкесского движения могут по-разному оперировать идеей возвращения: для северокавказских активистов содействие переселению – подлинная задача, для части диаспоральных – инструмент давления на российские власти, притом что по-настоящему ни турецкая, ни сирийская диаспоры не хотели бы терять свою социальную базу.

Адыги и черкесское движение в России и мире: основные характеристики

Численность. Черкесы – многочисленный этнокультурный сегмент населения России. По данным переписи, совокупно к различным группам адыгов (ка-

1 Кудаева 2014, 123.
2 Bram, Gammer 2013.
3 Маркедонов 2009, 60.

бардинцам, шапсугам и др.) себя причисляют более 750 тыс. человек[1], что делает черкесов 9-м по численности этнокультурным сообществом во всей России. Среди народов Северного Кавказа черкесы занимают 3-е место после чеченцев и аварцев (вместе с другими народами, учитываемыми как аварцы).

В результате нескольких волн переселений, спровоцированных Кавказской войной и последующими событиями, сформировались многочисленные черкесские диаспоры в Турции, на Ближнем Востоке и Балканах, а позднее – в Западной Европе и США. Установить их численность – непростая задача. Оценочно за рубежом проживает от несколько сот тысяч до нескольких миллионов черкесов, если учитывать всех людей, имеющих адыгские корни[2].

Подавляющая часть адыгов, покинувших Кавказ в середине XIX в., прибыла в черноморские порты Османской империи и Стамбул, впоследствии частично осев в этих районах – илах (провинциях) Самсун и Чанаккале, частично расселившись по Турции – преимущественно в центральной Анатолии, в илах Кайсери, Токат и Кахраманмараш.

Вследствие этих процессов турецкая диаспора является самой крупной среди всех. По различным оценкам, она варьируется от нескольких сот тысяч до нескольких миллионов человек, включая тех, кто по происхождению является адыгом на 1/4, 1/8 и т.д. При этом многие из потомков кавказских адыгов могут иметь лишь смутное представление о своих предках или вообще об этом не знать.

Использование верхней границы численности диаспоры – политический ход, повышающий значимость диаспоры как внутри Турции (торговля голосами черкесских избирателей), так и среди черкесского сообщества во всем мире – крупнейшая диаспора должна играть ведущую роль.

Н. Озген, ссылаясь на турецкую перепись населения, приводит следующие цифры: на 1965 г. 55,9 тыс. жителей страны назвали черкесский своим родным языком, еще 48,6 тыс. граждан республики ответили, что владеют черкесским как вторым языком[3]. За период 1927–1965 гг. численность тех, для кого черкесский являлся первым языком, сократилась на 42%, а доля адыгов в общей структуре населения упала более чем вдвое – с 6,8 до 3,3%[4].

Также следует обратить внимание на опрос, проведенный социологической компанией *KONDA* в 2006 году. Середина нулевых в Турции была отмечена либерализацией во всех сферах жизни, что частично смягчило отношение властей к этнокультурным вопросам. Это дало возможность *KONDA* опубликовать результаты опроса 50 тыс. жителей Турции на предмет этнической самоидентификации. Согласно представленным данным, черкесами себя назвали 0,19% опрошенных[5]. Если масштабировать это значение до общенационального уровня, то численность черкесов в Турции на тот период составляла 133–139 тыс. человек. Согласно этому же опросу, черкесский в качестве родного языка указали только

1 Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. 31 декабря 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 17.08.2023).
2 Кушхабиев 2007, 5, 87.
3 Özgen 2015, 400.
4 Ibid.
5 Konda 2006, 19.

0,11% респондентов – около 80 тыс. человек по всей стране[1]. Среди черкесов Турции в ходу такое выражение: «миллионы имеют черкесские корни, сотни тысяч называют себя адыгами, десятки тысяч говорят на черкесском языке», – что соотносится с данными опросов.

Даже с учетом периодических подъемов адыгского самосознания в Турции и появлением технических средств, делающих изучение языка и родной культуры доступными, сложно ожидать кардинального перелома тенденции к ассимиляции турецких адыгов. Следовательно, мобилизационный потенциал этой диаспоры вряд ли превышает 100–150 тыс. человек, рассеянных по всей стране.

Черкесская диаспора в Сирии оценивается в 100 тыс. человек[2]. Это число можно считать верхней границей диапазона. В любом случае адыгское присутствие в Сирии довольно ощутимо, а положение диаспоры в стране было крепким. Большая черкесская община жила на Голанских высотах, претендуя на создание автономии. В ходе арабо-израильских войн адыги были вынуждены покинуть свои села и переехать ближе к Дамаску и Алеппо. Часть из этих беженцев впоследствии направилась в США, заложив основу для диаспоры в Нью-Джерси. Там адыги учредили Черкесскую благотворительную ассоциацию, деятельность которой выходит за пределы США.

Сирийский кризис, начавшийся в 2011 г., сделал беженцами миллионы граждан страны, включая черкесов. Точных данных по количеству беженцев среди сирийских адыгов нет. Тем не менее можно предположить, что значительное их число отправилось в Турцию, откуда часть перебралась в Европу. В России на пике кризиса находилось до 3 тыс. адыгов из Сирии, часть из которых хотела при первой возможности вернуться домой[3]. Показательно, что даже в условиях вооруженного конфликта на родине Кавказ стал пунктом назначения лишь для нескольких тысяч черкесов диаспоры. Отчасти это связано со сложностями переселения в Россию (логистика, языковой барьер, миграционное законодательство РФ для выходцев из «дальнего» зарубежья, проблемы с трудоустройством). Малочисленность адыгских иммигрантов показывает, что представители диаспор не изъявляют большого желания переселяться на Кавказ ради реализации романтической идеи по собиранию черкесов на землях, где жили их предки.

Это характерно, например, для иорданских черкесов, значительная часть которых принадлежит к среднему классу благодаря расселению в столичной агломерации и исторически сложившимся профессиональным нишам, в частности службе в военных структурах, включая личную гвардию короля Иордании. Поэтому активизм иорданских черкесов концентрируется в основном на сохранении культуры и оказании гуманитарной помощи соплеменникам.

Как и в Турции, перепись населения Иордании не учитывает этническую принадлежность. Известный исследователь черкесской диаспоры С. Шами приводит оценку за 1992 г. – 25 тыс. человек[4], что в разы меньше величин, которые можно встретить на различных интернет-ресурсах – 100 тыс. и даже 170 тыс.

1 Konda 2006, 23.
2 Bram 2004, 64; Meiqari 2019, 11.
3 Korotayev 2022, 8-9.
4 Shami 1992, 189.

Вероятно, завышение численности черкесской общины имеет ту же природу, что и в Турции: 1) мягкие критерии подсчета; 2) стремление заинтересованных акторов (не обязательно в самой Иордании) получить дополнительный «вес». В разделе «Народы Иордании» на сайте Хашемитского королевства указан диапазон численности черкесов от 20 до 80 тыс. человек[1], что соотносится с оценками исследователей, поэтому логичнее опираться на эти цифры.

Еще одной крупной диаспорой адыгов была балканская. В начале XX в. десятки тысяч балканских черкесов перебрались в Турцию. Оставшиеся постепенно ассимилировались. К концу 1990-х гг. в Косово насчитывалось несколько сот адыгов[2], около 200 из них перебрались в Россию, что вселило надежду в осуществимость проекта по репатриации черкесов на Кавказ.

Диаспоры в Израиле, Канаде, Германии и других странах Западной Европы не превышают нескольких тысяч человек каждая. Они достаточно хорошо интегрированы в принимающие сообщества, поэтому социально-экономических стимулов к переезду на Кавказ у них немного. Политический потенциал также невысок, поскольку черкесы в этих странах составляют лишь доли процента, что с электоральной точки зрения несущественно.

Таким образом, на поверку диаспоры объединяют десятикратно меньшее количество адыгов, обладающих этническим самосознанием, чем об этом заявляют черкесские активисты. Далеко не все черкесы диаспоры участвуют в политических акциях движения, предпочитая заниматься сохранением культуры предков и благотворительностью. Кроме того, черкесы диаспоры не видят перспектив для массового переселения на Кавказ. Следовательно, сам проект возвращения является скорее идеей, позволяющей поддерживать связи между адыгами России и диаспорами, чем обоснованной потребностью.

Организации. Черкесское движение выделяется на фоне других своей институционализацией. Первые черкесские организации за рубежом возникли в начале XX в. в Турции, Сирии и Иордании. Они занимались гуманитарными вопросами и благотворительностью. В СССР в 1950–1960-е гг. были учреждены Комитет по связям с соотечественниками и ассоциация «Родина», ставшие небольшими каналами поддержания связи адыгов Советского Союза с диаспорой. Примерно в этот же период возникают крупные объединения черкесов в Стамбуле, Кайсери и Анкаре. В Турции и государствах Ближнего Востока черкесские структуры создают площадку не только для адыгских сообществ, а для всей разнородной кавказской диаспоры. Черкесы, переехавшие в ФРГ в ходе большой волны миграции из Турции, создали местные объединения адыгов. Так, параллельно оформились ячейки черкесского движения за рубежом, они поддерживали контакты между собой, насколько это было возможно в силу политических и технологических условий.

Вместе с ростом этнического самосознания в 1980–1990-е гг. адыги в России повсеместно учреждают хасэ (от адыгск. – «собрание», «совет») – местные и региональные организации. По данным Минюста, в России на 2024 г. официально

1 "The Circassians," The Hashemite Kingdom of Jordan, n.d., accessed August 17, 2024, URL: http://www.kinghussein.gov.jo/people1.html.
2 Schneider 2023, 293.

зарегистрированы 14 общественных организаций, в названии которых упоминается слово «хасэ»[1]. Такие организации действуют не только в Адыгее, КБР и КЧР, но и в других регионах. Для сравнения: культурный центр «Вайнах», созданный чеченскими и ингушскими активистами, имеет 24 отделения, а аварские общественники поддерживают работу только 7 НКО[2].

В 1991 г. черкесские организации из разных стран учреждают единую Международную черкесскую ассоциацию (МЧА). Следует отметить, что не все черкесские организации России вступают в ряды МЧА. В 2003 г. турецкие адыги учреждают собственную Федерацию кавказских ассоциаций – КАФФЕД, которая присоединяется к МЧА. На сайте МЧА указано, что на 2012 г. в КАФФЕД входили 56 ассоциаций общей численностью 20 тыс. человек[3]. На 2024 г. в КАФФЕД входит 52 объединения черкесов на местном уровне[4]. Всего в Турции около 80 кавказских организаций[5]. Следовательно, КАФФЕД объединил 65–70% таких структур в стране.

Впоследствии между МЧА и КАФФЕД начались регулярные трения. В преддверии Олимпиады в Сочи, ставшей крупным поводом для активизации черкесского движения, федеральные власти в России были заинтересованы в лояльности российских черкесов, чтобы не допустить эксцессов во время Игр. В ходе очередного конгресса МЧА главой организации был избран Х. Сохроков, работавший в правительстве КБР. Кандидатура Х. Сохрокова не устроила делегации из Турции и западных стран, а также часть российских активистов.

Затем КАФФЕД оказывал давление на МЧА, чтобы последняя добилась от руководства России предоставления убежища как можно большему количеству сирийских черкесов, притом что далеко не все беженцы из Сирии имели финансовые возможности, чтобы перебраться в Россию, и им было проще найти убежище в Турции или Иордании. Вместе с этим КАФФЕД как структуре было выгоднее направлять поток сирийских черкесов в Турцию, поскольку это открывало для организации простор для деятельности – управление фондами помощи, налаживание контактов с переехавшими черкесами и т.д.

Становилось ясно, что проект большого переселения черкесов на Кавказ невыгоден диаспоральным структурам, поскольку отток людей подрывает их собственные позиции внутри Турции, Сирии и других стран, где действуют черкесские организации. От адресного (не массового) переселения выигрывают российские структуры, которые, напротив, могли бы расширить собственную социальную базу и привлечь новых спонсоров и активистов из числа переселенцев.

В 2014 г. на фоне обострения отношений между Россией и Украиной черкесские активисты из Турции начали обсуждать с украинской стороной вопрос признания геноцида черкесов. Они хотели заручиться поддержкой МЧА, однако руководство Ассоциации выступило против. Представители КАФФЕД заявляли о

1 Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. 17 августа 2024. [Электронный ресурс]. URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx (дата обращения: 17.08.2024).
2 Ibid.
3 Турция Федерация Кавказских Обществ в Турции (KAF-FED) // Международная Черкесская Ассоциация. 12 апреля 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://intercircass.org/?p=1611 (дата обращения: 17.08.24)
4 "Üye Derneklerimiz," KAFFED, n.d., accessed August 17, 2024, https://kaffed.org/uye-dernekler/.
5 Кудаева 2014, 35.

готовности выйти из МЧА, если она не пересмотрит свое решение в пользу продолжения работы с Украиной.

В 2016 г. КАФФЕД приостановил свое членство в МЧА. Формальным поводом послужила депортация из России одного из лидеров КАФФЕД Я. Асланкая (Хагундоко). Однако реальные противоречия между структурами были глубже. МЧА пыталась доказать российским властям свою договороспособность, поддержав федеральный центр в ходе подготовки и проведения Олимпиады-2014, а также в выстраивании отношений с сирийскими черкесами после начала кризиса в этой ближневосточной стране. КАФФЕД получил возможность критиковать МЧА за лояльность, чтобы перетянуть на свою сторону ядро черкесских активистов и стать ведущей черкесской площадкой в мире.

При этом КАФФЕД начал ощущать давление на внутренней арене. За несколько месяцев до депортации Я. Асланкая часть адыгских активистов в Турции объявила о создании альтернативной структуры – ЧеркесФЕД. Она должна была объединять только черкесские организации, разделяющие антироссийскую позицию. Их примеру последовали абхазские организации, которые также вышли из КАФФЕД и учредили АбхазФЕД. Основатели ЧеркесФЕД заявляли, что КАФФЕД такой же пророссийский, как и МЧА. Возможно, чтобы не растерять свою базу сторонников в Турции, КАФФЕД пошел на обострение отношений с МЧА и Россией.

Что касается МЧА, то ей действительно удалось выстроить конструктивные связи с государством. Например, в 2023 г. организация выиграла грант на реализацию проекта «Народная дипломатия» по укреплению связей с адыгами диаспоры. По сути, МЧА становится проводником позиции Москвы среди черкесов за рубежом (в Сирии, Иордании, европейских странах).

Сам КАФФЕД сталкивается с трудностями в поддержании единства ассоциации в Турции. Во-первых, панкавказский подход, позволивший организации на первых порах опереться не только на адыгов, но и абхазов, чеченцев, аварцев, осетин и другие кавказские народы, стал давать трещину. Например, после 2008 г. усилились противоречия между осетинскими и абхазскими объединениями, с одной стороны, и КАФФЕД, с другой. Осетины и абхазы в большинстве своем поддержали выход Южной Осетии и Абхазии из состава Грузии, тогда как чеченцы, особенно ичкерийская волна эмиграции, осудили это решение. Во-вторых, после 2022 г. часть черкесских активистов стала упрекать руководство КАФФЕД в смягчении риторики в отношении России, что привело к выходу из состава КАФФЕД Кайсери Хасэ – одной из крупнейших черкесских ячеек в Турции. Вместе с ними КАФФЕД покинули еще несколько черкесских организаций, что подорвало позиции этой площадки. Наряду с этим молодые адыгские общественники из России, эмигрировавшие в Турцию в 2022 г., решили учредить «Черкесский комитет», который может перетянуть в свои ряды активную молодежь из КАФФЕД и ЧеркесФЕД. «Черкесский комитет» планирует сосредоточиться на социально-политических сюжетах, оставив культурно-гуманитарное направление КАФФЕД и ЧеркесФЕД.

Следует подчеркнуть, что распад общечеркесской площадки завершился. На данный момент «собиранием» черкесов в мире занимаются два оформившихся центра – российский и турецкий. В то время как МЧА пытается сохранить контакт

с диаспорами Сирии, Иордании и лояльными ей организациями в Европе, КАФФЕД вынужден бороться за свое лидерство на внутренней арене, а роль тарана МЧА взяли на себя новые радикальные структуры, зарегистрированные в Польше. Эти организации – «Свободная Черкесия» и «Совет объединенной Черкесии» – сотрудничают с украинскими политиками. Они хотят поднять свой статус, вынудив киевские власти признать события Кавказской войны геноцидом. Взамен они продвигают антироссийские нарративы среди черкесов и кавказских сообществ в целом.

Черкесский проект: от идеи суверенности к идее возвращения

Подъем адыгского самосознания пришелся на 1980–1990 годы. Схожие процессы наблюдались не только среди кавказских черкесов, но и в Турции[1], а также в ряде стран Западной Европы (например, Германии, Нидерландах), куда черкесы переехали преимущественно из Турции. С падением «железного занавеса» открылось обширное пространство для налаживания устойчивых контактов между адыгами России и диаспорой в других странах, что способствовало развитию трансграничной общности[2].

Впрочем, черкесский национальный проект начал формироваться еще во время Кавказской войны XIX в., а окончание холодной войны и распад СССР запустили очередной виток черкесского национализма[3]. В тот период позиции сторонников переселения на Кавказ в рамках формирующегося международного черкесского движения были сильны. Как пишет З. Бесленей, "*Returnist*" играли значимую роль в черкесском активизме на Кавказе и в мире еще с 1960-х гг., то есть одновременно с институционализацией адыгского движения[4].

Наиболее радикально настроенное крыло черкесского движения переключилось на вопрос о признании Кавказской войны геноцидом. Большая кампания развернулась в Интернете накануне Олимпиады в Сочи. Черкесские активисты воспользовались крупным спортивным событием, чтобы привлечь мировое внимание к адыгской повестке[5]. Позднее поддержка курса на признание событий Кавказской войны геноцидом перешла в латентное состояние, по крайней мере среди адыгов России, поскольку, борясь за этот символический ресурс, черкесское движение жертвовало возможностью конструктивного диалога с федеральным центром, для которого данный вопрос был не менее принципиальным[6].

Как следствие, повестку о признании геноцида перехватили внешние акторы – черкесы диаспоры (в особенности в Турции), Грузия после конфликта 2008 г.[7] и Украина после 2022 года. Они использовали черкесский вопрос как один из способов оказания давления на Россию, ориентируясь преимущественно на крайних националистов, не принимая во внимание позицию всего большого адыгского сообщества.

1 Боров 2014, 49.
2 Цибенко, Тлостнаков 2021.
3 Zhemukhov 2012, 503; Цибенко 2018, 44.
4 Besleney 2014.
5 Grebennikov 2013.
6 Korotayev et al. 2022, 4–5.
7 Tsibenko, Tsibenko 2015, 456.

Грузия признала события Кавказской войны геноцидом в мае 2011 г., став первым государством в мире, выступившим с такой позицией. Решение было принято грузинскими парламентариями единогласно. Дипломатические отношения между Москвой и Тбилиси в тот период находились в низшей точке, а политические рычаги – в распоряжении президента М. Саакашвили и его партии «Единое национальное движение», контролировавшей фракцию большинства в парламенте.

Отношение черкесов к последствиям конфликта 2008 г. разнилось. С одной стороны, это подтолкнуло Грузию к решению по признанию геноцида. С другой – часть черкесских националистов положительно отнеслась к сецессии Абхазии, которую они поддерживали еще со времен конфликта 1992–1993 гг., поскольку черкесы и абхазы принадлежат к одной этнокультурной семье народов. Более того, оформление Абхазии в самостоятельную юрисдикцию открыло возможности для переселения абхазов, адыгов и абазин диаспоры на Кавказ. Миграционное законодательство и фактический контроль за его исполнением в Абхазии мягче, чем в России.

Киевские власти обратились к черкесской теме также на фоне конфликта с Россией. Не исключено, что это произошло с подачи радикальных черкесских активистов из Европы и Турции. При этом радикализм диаспоры наткнулся на радикализм их ситуативных партнеров в Киеве. После заявлений украинских националистов о своих претензиях на Кубань и Восточное Причерноморье, которые адыги считают своими историческими землями, отношения между этими антироссийскими акторами остыли. Несмотря на это, проект постановления о признании событий Кавказской войны геноцидом поступил на рассмотрение в Верховную Раду Украины. Вероятно, данное постановление будет принято. Первоначально оно получило одобрение в самой крупной парламентской фракции «Слуга народа». За продвижением проекта следят упомянутые выше радикально настроенные черкесские организации – «Свободная Черкесия» и «Совет объединенной Черкесии», появившиеся в Польше после 2022 года.

Что касается России, то умеренная позиция местных активистов позволяла им, пусть не без сложностей, добиваться подвижек по другим направлениям. Так, в 1998–1999 гг. благодаря общим усилиям общественников, региональных властей и помощи федерального правительства удалось помочь переселиться адыгам из Косово и Метохии в Адыгею, что стало знаковым событием для черкесов в России и в мире. Российское руководство поддержало ту инициативу, поскольку стремилось заручиться поддержкой адыгского сообщества в условиях крайне хрупкой ситуации на Северном Кавказе. Черкесские активисты получили возможность реализовать адресное переселение черкесов в Адыгею, что стало ценным опытом в работе с репатриантами и придало импульс идее возвращения: если в непростое время удалось принять более 40 черкесских семей, то после стабилизации ситуации в стране адыгское движение могло надеяться на масштабирование этой инициативы.

Аул переселенцев, названный Мафэхабль, стал витриной проекта по собиранию черкесов на Кавказе[1]. Успешный пример принятия косовских черкесов в Адыгее показал и то, что наличие собственных автономий в составе России –

1 Нефляшева 2013, 117.

достаточная база для самореализации адыгского движения. Активистам же диаспоры не удалось добиться создания черкесских автономий ни в одной из стран проживания, хотя подобные попытки в разное время предпринимались и в Турции, и в Сирии, и в Иордании.

К переселению сирийских черкесов федеральный центр относился уже более настороженно, поскольку столкнулся с активизацией радикального крыла адыгских националистов в преддверии Олимпиады в Сочи, а также опасался использования черкесского вопроса джихадистами, чреватого созданием «вилайета» в Кабарде. Из-за этого умеренные адыгские активисты с трудом добивались поддержки со стороны государства, а усилий лишь низовых организаций было недостаточно, чтобы помочь всем желающим. Представители черкесского движения понимали, что им необходимо привлечь к работе с переселенцами адыгских политиков и предпринимателей. Особенно остро такая потребность ощущалась на ранних этапах исхода из Сирии (2011–2013).

Поддержка переселенцев требует ощутимых лоббистских и финансовых ресурсов, что отличает влиятельных политиков и крупных меценатов от рядовых общественных деятелей и волонтеров. Более того, элиты могли осознавать, что такая помощь приносит преимущественно виртуальные политические очки, так как ни в одном регионе с выраженной черкесской составляющей не проводятся всенародные выборы, а национальные движения утратили свою субъектность. Вместе с этим политики и меценаты берут на себя ответственность не только за судьбы переселенцев, но и за различного рода последствия, которые приток людей из-за рубежа может повлечь за собой. В частности, риск проникновения радикалов из стран Ближнего Востока под видом беженцев.

Заключение

Черкесское движение демонстрирует свою адаптивность. Не добившись существенных уступок на пике своего потенциала в 1990-е гг., адыгские националисты начали искать пути поддержания оргструктур и мобилизационного ресурса. Радикальное крыло черкесских активистов решило использовать Олимпиаду в Сочи как информационный повод для большой мобилизации адыгов. Они полагали, что таким образом у них получится перезапустить черкесский национальный проект, параллельно привлекая внимание внешних акторов. Однако основная часть черкесов выбрала более конструктивную стратегию, сосредоточившись на проблеме адыгов диаспоры, желающих вернуться на Кавказ.

Проект возвращения остается важным пунктом программы адыгского национализма в России. Турецкие черкесские организации стремятся удержать собственную базу поддержки и спонсоров, чтобы сохранять позиции на турецкой политической арене. Более того, они видят в черкесах-беженцах источник новых ресурсов. Антироссийские черкесские структуры заинтересованы лишь в том, чтобы использовать вопрос репатриации для дестабилизации политической ситуации на Северном Кавказе и разжигания противоречий между черкесским сообществом и российским государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Боров, А.Х. Политизированная этничность: «Черкесский вопрос» – еще один очаг напряженности на Северном Кавказе? // Россия и мусульманский мир. 2014. Т. 10. № 268. С. 41–56.

Borov, A.H. "Politizirovannaya etnichnost': «Cherkesskij vopros» – eshche odin ochag napryazhennosti na Severnom Kavkaze?." *Rossiya i musul'manskij mir* 10, no. 268 (2014): 41–56 [In Russian].

Иванов, Е.А., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишкина А.Р. Миграционное эхо сирийского конфликта в регионах юга России (На примере Карачаево-Черкесской Республики) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2019. № 1(92). С. 167–185. doi: 10.30570/2078-5089-2019-92-1-167-185.

Ivanov, E.A., Issaev L.M., Korotayev A.V., Shishkina A.R. "Migracionnoe ekho sirijskogo konflikta v regionah yuga Rossii (Na primere Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki)." *Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz,* no. 1 (2019): 167–185 [In Russian].

Кудаева, С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. 2-е издание, переработанное и дополненное. Майкоп: Издательство «Магарин Олег Григорьевич», 2014.

Kudaeva, Svetlana G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: processy transformacii i differenciacii adygskogo obshchestva.* 2nd ed. Maykop: Magarin Oleg Grigor'evich, 2014 [In Russian].

Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: Эль-Фа, 2007.

Kushkhabiev, Anzor. *Ocherki istorii zarubezhnoj cherkesskoj diaspory.* Nalchik: El-Fa, 2007 [In Russian].

Маркедонов С.М. Сепаратизм на Большом Кавказе в постсоветский период: предпосылки, итоги, перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 3. С. 39–64.

Markedonov, S.M. "Separatizm na Bol'shom Kavkaze v postsovetskij period: predposylki, itogi, perspektivy." *Aktual'nye problemy Evropy,* no. 3 (2009): 39–64 [In Russian].

Маркедонов С.М. С историей наперевес. Черкесский вопрос между Россией и Грузией // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9, № 4. С. 171–182.

Markedonov, S.M. "S istoriej napereves. Cherkesskij vopros mezhdu Rossiej i Gruziej." *Russia in Global Politics* 9, no. 4 (2011): 171–182 [In Russian].

Матишов, Г.Г., Клычников, Ю.Ю., Хлынина, Т.П. Черкесский вопрос: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. 2012.Т. 8, № 1. С. 80–89.

Matishov, G.G., Klychnikov, Yu.Yu., Hlynina T.P. "Cherkesskij vopros: istoriya, politika i sovremennoe mifotvorchestvo." *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo centra RAN* 8, no. 1 (2012): 80–89 [In Russian].

Нефляшева, Н.А. Черкесское национальное движение в современной России: визуально-символический аспект // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: Материалы Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. 2013. С. 116–132.

Neflyasheva, N.A. "Cherkesskoe nacional'noe dvizhenie v sovremennoj Rossii: vizual'no-simvolicheskij aspekt." *Metamorfoz vs Transformaciya. Mul'tidisciplinarnyj podhod k izucheniyu istorii adygov v XIX–XXI vv.: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii,* 116–132. Rostov-na-Donu: Yuzhnyj federal'nyj universitet, 2013 [In Russian].

Соколова, А.Н. Общеадыгское и локальное в традиционной инструментальной культуре адыгов. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 174–180.

Sokolova, A.N. "Obshcheadygskoe i lokal'noe v tradicionnoj instrumental'noj kul'ture adygov." *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 1 (2011): 174–180 [In Russian].

Цибенко, В.В., Тлостнаков, А.А. Репатриация черкесов как ресурс политической мобилизации: транснациональный подход // Власть. 2021. № 1. С. 261–270.

Tsibenko, V.V., Tlostnakov, A.A. "Repatriaciya cherkesov kak resurs politicheskoj mobilizacii: transnacional'nyj podhod." *Vlast*, no. 1 (2021): 261–270 [In Russian].

Цибенко, С.Н. Медийные технологии национальной мобилизации черкесов // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 3. С. 42–62. https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.523.

Tsibenko, S.N. "Mediĭnye tekhnologii nacional'noĭ mobilizacii cherkesov." *Vestnik Instituta sociologii* 9, no. 3 (2018): 42–62 [In Russian].

Besleney, Zeynel. *The Circassian diaspora in Turkey:* A political history. Routledge, 2014.

Bram, Ch., Gammer, M. "Radical Islamism, Traditional Islam and Ethno-Nationalism in the Northern Caucasus." *Middle Eastern Studies* 49, no. 2 (2013): 296–337.

Grebennikov, M. "Is Levithian Back? Circassian Ethnic Mobilization after the 2012 Presidential Elections in Russia." *CEU Political Science Journal,* no. 2 (2013): 234–256. https://doi.org/10.2139/ssrn.2335026.

Korotayev, A., Issaev, L., Ivanov, Ye., and Shishkina, A. "A Troubled Return to the Homeland: Syrian Circassians in Southern Russia." *Europe-Asia Studies* 76, no. 4 (2022): 1–19. https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2153803.

Özgen, N. "Demographic Development and Some Cultural Characteristics of Anatolian Circassians." In *Turkey at the Beginning of 21st Century: Past and Present,* edited by Recep Efe, 394–442. St. Kliment Ohridski University Press: Sofia, 2015.

Schneider, M. "'Dancing' Ethnicity in the Caucasus and in the Balkans: Kosovo Circassians in the Russian Federation." In *Ethno-Cultural Diversity in the Balkans and the Caucasus,* edited by I.A. Jazi, and T. Kahl, 293–320. Austrian Academy of Sciences Press, 2023. https://doi.org/10.2307/jj.3508401.13.

Tsibenko, V.V., Tsibenko S.N. "Circassian Question: Transformation of Content and Perception." *Bylye Gody* 36, no. 2 (2015): 450–460.

Zhemukhov, S. "The Birth of Modern Circassian Nationalism." *Nationalities Papers* 40, no. 4 (2012): 503–524. doi: 10.1080/00905992.2012.674019.

Сведения об авторе
Евгений Александрович Иванов,
научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
e-mail: eivanov@hse.ru

Дополнительная информация
Поступила в редакцию: 20 августа 2024.
Переработана: 20 сентября 2024.
Принята к публикации: 25 сентября 2024.

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование
Иванов, Е.А. Проект возвращения черкесов на Кавказ в повестке черкесских организаций в России и диаспоре // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 108–121.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-108-121

The Project of Circassian Return to the Caucasus in the Agenda of Circassian Organisations in Russia and the Diaspora

ABSTRACT

This study examines the evolution of the Circassian ethno-national movement, one of the most prominent in Russia, and its connection to the Adyghe diaspora communities in Turkey, Syria, Jordan, Israel, Western Europe, and the United States. In the 1990s, Circassian nationalists proposed the creation of a unified Circassia, either as part of Russia or as an independent state. However, these radical proposals were largely rejected by moderate Adyghe. In response, Circassian activists sought a unifying project for the Adyghe both within Russia and across the diaspora, leading to the promotion of repatriation to the North Caucasus. This agenda, which had long been central to the Circassian movement, gained new importance following the failure to establish a united Circassia and the onset of the Syrian crisis, which forced many Circassians to flee. The study analyzes how Circassian organizations in Russia and abroad have utilized the repatriation initiative to address their challenges, highlighting a shift in the movement. Among Russian Adyghe, radicalism is declining, with growing interest in constructive dialogue with the state in exchange for support in managed resettlement. In contrast, Turkish Circassian organizations do not advocate for repatriation, as it could undermine the Circassian movement in Turkey.

KEYWORDS

idea of return, Circassians, Adyghe, diasporas, North Caucasus

Author

Yevgeny A. Ivanov

Research fellow, Centre for Stability and Risks Analysis, HSE University
20, Myasnitskaya street, Moscow, Russia, 101000
e-mail: eivanov@hse.ru

Additional information

Received: August 20, 2024. Revised: September 20, 2024. Accepted: September 25, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Ivanov, Yevgeny A. "The Project of Circassian Return to the Caucasus in the Agenda of Circassian Organisations in Russia and the Diaspora." *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 108–121. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-108-121

10.46272/2587-8476-2024-15-3-122-137

Роль негосударственных акторов в языковой политике в Республике Молдова

Андрей Сергеевич Тулум, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: atulum@hse.ru

АННОТАЦИЯ

За последние полвека усиление роли негосударственных акторов в мировой политической системе привело к изменениям не только в сфере международных отношений, но и в других областях политической жизни, среди которых и языковая политика. Перестав быть прерогативой государства и его институтов, она преобразовалась в область политических отношений по вопросам языка между государством и разными негосударственными акторами в рамках так называемой *политики языка.* Несмотря на то что эта область подразумевает процессы внутри национальных границ, ее участники могут быть как внутренними, так и ассоциированными с внешними акторами, особенно в случае, когда население страны или его часть связаны с *kin-states*. Наглядным примером такой ситуации является постсоветская Республика Молдова, политический спектр которой разделен между пророссийскими молдовенистскими акторами и сторонниками румынизма. Первые выступают за существование самостоятельной молдавской нации и использование глоттонима «молдавский» для государственного языка, а также придерживаются интернациональной советской традиции управления многообразием, в основе которой лежит русский как язык межнационального общения. Прорумынские силы продвигают румынскую идентичность языка для всего населения республики. Цель статьи – определить актуальный состав акторов политики языка в Молдове на современном этапе. Результаты исследования показывают, что за годы независимости политика языка в республике эволюционировала от противостояния между государством и интеллектуальной элитой до самостоятельной области отношений между разного рода акторами, причем прорумынская группа представляется более влиятельной. При этом наблюдается серьезное ослабление роли государства в политике языка, чьи институты превратились в инструмент борьбы между негосударственными акторами и не способны поддерживать стабильность конституционных основ молдавского государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

негосударственные акторы, языковая политика, политика языка, Республика Молдова, румынизм, молдовенизм, НПО

CC BY

© Андрей Тулум, 2024

За последние полвека традиционное представление о международных отношениях претерпело значительные изменения из-за возросшей роли негосударственных акторов. Во многом это заслуга Дж. Ная и Р. Кохейна, которые в 1972 г. предложили новое понимание политической модели мира, где наряду с отношениями суверенных государств существует также транснациональное взаимодействие между негосударственными участниками[1]. Постепенно к таким акторам стали относить не только мультинациональные корпорации, но и неправительственные организации, религиозные движения, а также некоторые международные организации и объединения. Одним из способов разграничить прежнее и новое понимание международных отношений представляется концептуализация термина мировая политика в версии М.М. Лебедевой. Учитывая, что деятельность негосударственных акторов вплетена в вестфальскую систему мирового устройства, а значит, неотделима от межгосударственных отношений, под мировой политикой было предложено понимать процессы внутри мировой системы, частью которой являются и государства-нации, и негосударственные акторы[2].

Идентичные изменения коснулись сферы исследования языка и политики. Традиционно под языковой политикой понимался определенный курс государства в области регулирования языков, используемых на его территории, где ее единственными субъектами выступали государство и его институты. Однако под влиянием правозащитной повестки, феномена международной миграции, а также в связи с ускоренным формированием глобального гражданского общества появились негосударственные участники, занимающиеся продвижением языковых прав и другими формами языкового активизма. Таким образом, языковая политика перестала быть прерогативой исключительно государства, существенно расширив круг акторов. Этот процесс Н.М. Мухарямов концептуализировал как политику языка[3]. Истоки этого термина кроются в различении англоязычных *policy* и *politics*, от которого отталкивалась и М.М. Лебедева, формулируя предметное поле мировой политики. Понятие *policy* означает курс действий правительства в какой-либо сфере, например, внешняя политика (*foreign policy*), термин *politics* подразумевает деятельность, связанную с получением и использованием власти в публичной сфере, а также с возможностью влиять на решения, которые затрагивают страну или общество[4].

Несмотря на то что термин политика языка (*politics of language*) используется во многих западных исследованиях еще с 1990-х гг., лишь в некоторых работах были предприняты попытки его концептуализации[5]. В основном авторы ограничивались дискуссией о связи языковой политики с вопросами доступа к власти, неравенства, дискриминации[6]. Тем не менее и такая постановка проблемы со временем способствовала развитию языковой политики в социолингвистике в виде направления, получившего название этнографии языковой политики.

1 Keohane, Nye 1972.
2 Лебедева 2004, 106.
3 Мухарямов 2017.
4 "Politics," The Oxford Advanced Learner's Dictionary, accessed July 4, 2024, https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/politics?q=politics.
5 Phillipson, Skutnabb-Kangas 2009.
6 May 2008; Sonntag, Turin 2019; Schmid 2001.

Данный подход позволил взглянуть на языковую политику как на социокультурный процесс, разворачивающийся в определенном контексте и на нескольких уровнях, где разные акторы оказывают влияние на повседневные языковые практики людей[1]. В западной политической науке исследования языковой политики также проделали значительный путь: от описания ее нормативных эффектов[2] до концепции языковых режимов, призванной объяснить процесс формирования языковой политики через изучение государственных традиций[3]. Но именно в отечественной науке было предложено различать *политику языка* как область обоюдно релевантных отношений, обмена деятельностью и волевыми установками по поводу языка и политики между разнородными акторами от *языковой политики*[4]. В результате, как и в случае с мировой политикой, необходимость дифференциации и надлежащей концептуализации понятия возникла вследствие появления и усиления роли негосударственных акторов.

Широко распространена дискуссия о критериях выделения участников политики языка в зависимости от степени их влияния, возможности оказывать воздействие формально, обладая властными полномочиями, и опосредованно, через гражданские инициативы, в рамках которой предложены авторские классификации[5]. Н.В. Борисова среди негосударственных акторов политики языка выделяет политические партии, неправительственные организации, учреждения образования, а также различные международные организации[6]. При этом внешними участниками могут быть не только международные организации, но и внутренние акторы, если они, к примеру, финансируются или аффилированы с так называемыми *kin-states* – родственными государствами проживающих в стране этнических групп. Например, Австрия – *kin-state* для немцев итальянского Южного Тироля, Венгрия – для венгров румынской Трансильвании.

Наглядными примерами государств, где сильно влияние международных организаций, а деятельность внутренних негосударственных акторов ассоциирована с *kin-states,* являются страны постсоветского пространства. Наиболее крупное исследование по этой проблематике посвящено Эстонии, имеющей пограничный статус в политическом и в языковом смыслах (эстонский, немецкий, русский), а следовательно, подверженной влиянию внешних негосударственных акторов и *kin-states*[7]. Такую вовлеченность негосударственных участников в языковую политику Л. Гренобль объяснила децентрализацией политических решений в сфере языка, произошедшей с развалом СССР. С одной стороны, это вернуло республикам суверенитет, а с другой, привело к новым вызовам, перед лицом которых участие негосударственных акторов в политике может как усилить государственность, так и ослабить государственную самостоятельность. В этой статье в рамках сформулированной теоретической проблемы предлагается рассмотреть Республику Молдова.

1 Хилханова 2020, 764–765.
2 Kymlicka, Patten 2003.
3 Cardinal, Sonntag 2015.
4 Мухарямов 2017.
5 Хилханова 2020; Мухарямов 2021.
6 Борисова 2019.
7 Siiner et al. 2017.

Языковая политика в Молдове: история вопроса и его изученность

Как и во многих других постсоветских государствах, политика языка в Молдавии не только неотделима от процесса нациестроительства, но и во многом определяет его. О возникновении в республике этой сферы отношений между различными акторами можно говорить начиная с периода перестройки. Сложившийся к 1989 г. дисбаланс в использовании молдавского (им владело не больше 15% каждого национального меньшинства) и русского языка привел к требованию со стороны молдаван предоставить их языку статус государственного, а также перевести его на латинскую графику. Артикулировались эти идеи неформальным молдавским Движением за перестройку и Литературно-музыкальным клубом им. А. Матеевича «Лимба ноастрэ», тогда как их вдохновителями считается румынофильская интеллигенция, центром которой был Союз писателей Молдавии. Многие его члены стали подписантами так называемого Письма 66 – открытого обращения 66 деятелей науки и культуры в 1988 г. в адрес властей с требованием начать изменения в языковой политике республики. В итоге в 1989 г. Компартии Молдавии пришлось пойти на уступки Народному фронту Молдовы (НФМ), объединившему движения за национальное возрождение. После организованного им 27 августа 1989 г. «Великого национального собрания», объединившего, по разным данным, от 300 до 750 тысяч человек, Верховный Совет МССР принял так называемые языковые законы. Согласно им, молдавский язык переводился на латинскую графику, то есть фактически приравнивался к румынскому, и становился единственным государственным языком, тогда как русскому был придан статус языка межнационального общения.

Анализируя в своей работе процесс эволюции языкового вопроса в Советской Молдавии в 1989–1990 гг., Ч. Кинг охарактеризовал его как переход от «безобидного с политической точки зрения способа проверить возможность политических перемен в МССР» до центрального вопроса молдавской политики тех лет, неспособность решить который стоила Компартии Молдавии потери фактической власти и ее перехода к Верховному Совету[1]. После выборов в 1989 г. в него впервые прошли независимые депутаты от Народного фронта, которым, контролируя парламент, удалось внести синтагму «румынский язык» в Декларацию о независимости Республики Молдова в 1991 г., ознаменовавшую создание нового государства. К этому моменту уже сложились две основные линии размежевания в политике языка, сохраняющиеся до сих пор. Первая касается названия государственного языка: за глоттоним «молдавский» выступала бывшая партийная номенклатура и другие сторонники советской трактовки молдавского нациестроительства, тогда как румынскую идентичность продвигала интеллигенция, возглавлявшая Народный фронт. Хотя кириллица в итоге была заменена на латиницу, а следовательно, советский постулат об отдельном молдавском языке был опровергнут, Ч. Кинг полагает, что молдавская идентичность оказалась более устойчивой, чем это обычно воспринималось западными исследователями.

1 King 1996.

Поэтому, по его мнению, именно вопрос национальной идентичности, тесно связанный с названием языка, стал определяющим для политики языка в последующие годы.

Вторая же линия связана со статусом русского – основного языка общения для большинства представителей этнических меньшинств, составлявших в 1989 г. 35,5% населения республики, – для которого они тоже требовали закрепления государственного статуса. Главным выразителем этой позиции стало интернациональное движение «Единство». В знак протеста против законов 1989 г. оно организовывало митинги и забастовки, прежде всего в Приднестровье, где в 1990 г. была провозглашена республика с тремя официальными языками: молдавским на кириллической графике, русским и украинским. В защиту русского языка выступала и гагаузская организация «Гагауз халкы» (Гагаузский народ), ставшая затем инициатором создания гагаузской автономии. Исследование К. Маркуардта, посвященное связи языка и сепаратизма на примерах Приднестровья и Гагаузии, показало, что в обоих случаях русский язык оказался значительно более мощным фактором развития сепаратистских настроений, чем этническая идентичность жителей этих регионов[1].

Центральность языкового фактора в вопросах идентичности жителей Молдовы подтверждают и другие работы. Так, неопределенность языковой идентичности М. Сиссел видит причиной размытости национальной идентичности, «ностальгическую пророссийскую или идеалистическую прорумынскую версию которой большинство населения республики одинаково воспринимает без энтузиазма»[2]. Об этом пишет и Дж. Кэш, по мнению которой, неудачный опыт нациестроительства в Молдове показал, что люди могут коллективно отказаться от навязанной им со стороны государства или его акторов идентичности, даже если до этого они ее успешно приняли[3]. Дальнейшие исследования подтвердили, что национальная идентичность жителей Молдовы отличается двойственностью[4], а внешний фактор во многом является определяющим для нее: привычные прорумынская и пророссийская идентичности трансформируются в геополитические проевропейскую и проевразийскую[5]. При этом основное размежевание по-прежнему идет вокруг молдавской и румынской идентичности жителей республики, поддерживаемой разными *kin-states*[6]. Подробный анализ молдовенистско-румынского противостояния в первые 15 лет независимости Молдовы был представлен в труде отечественного специалиста Д.Е. Фурмана[7].

Таким образом, большинство работ, посвященных Молдове, либо проводились в рамках исследований нациестроительства, либо фокусировались на влиянии геополитического фактора на национальную идентичность. Акцент на политике языка и ее должная концептуализация остались в трудах исследователей 1990-х годов. Цель данной статьи – вернуть дискуссию в рамки политики языка

1 Marquardt 2022.
2 Ciscel 2007, 144.
3 Cash 2007.
4 Baar, Jakubek 2017.
5 Negură, Suveica 2023; Simionov 2022.
6 Knott 2015.
7 Фурман 2007.

как области отношений по поводу языка и политики между разнородными акторами, а также определить современный состав ее негосударственных участников, расширившийся с момента ее формирования в конце 1980-х годов.

Негосударственные акторы, формирующие языковую политику в Молдове

Академические институты

Учитывая, что инициаторами изменений в языковой сфере в стране стали представители интеллигенции, автор рассматривает роль академических институтов, ответственных за планирование корпуса языка. В Молдавии таким учреждением является Академия наук, которая изначально поддержала прорумынские настроения, установив в 1994 г., что правильным названием языка является румынский «в соответствии с научной истиной»[1]. Эта точка зрения совпадает с позицией Румынской академии, которая в своем заявлении в 2020 г. напомнила, что большинство населения Молдовы составляют румыны, говорящие на румынском языке, «выраженном в красивой молдавской речи», тогда как термин «молдавский язык» – это результат советской пропаганды [2]. А единственно правильные понятия, которые должны использоваться в Молдове, – это «румынский язык» и «история румын». Активным проводником этой позиции выступает и Ассоциация историков Республики Молдова им. А. Мошану, объединяющая более 500 членов, с филиалами в крупных городах республики[3]. В целом, по некоторым подсчетам, около 70% преподавателей истории в молдавских университетах – сторонники румынской историографии[4].

В ответ на наступательный характер румынизма часть интеллектуальной элиты сформировала молдовенистское направление, ставшее продолжателем советской традиции историографии. Они отстаивают существование отдельной молдавской нации, говорящей на близком к румынскому молдавском языке, имеющем ту же литературную основу, но отличающемся от него более сильным влиянием восточнославянских языков. Лингвоним «молдавский язык» они считают более древним, связывая Республику Молдова с княжеством Молдавия, возникшим в 1359 г., а позднее разделенным в 1812 г. на восточную часть, известную как Бессарабия в составе России, и западную часть, из которой после объединения с княжеством Валахия возникла Румыния в 1861 году. Кроме того, молдовенисты остаются верны советской интернациональной модели управления этноязыковым многообразием, признавая особую роль русского языка как средства межнационального общения. Главными идеологами молдовенизма считаются

1 "Un proiect de lege din Parlament susține adevărul științific. Istoria limbii e din vieți închinate cuvintelor. – Chisinau (A Bill in Parliament Supports Scientific Truth. The History of Language is from Lives Devoted to Words. - Chisinau)," Academia de Științe, March 14, 2023, accessed July 4, 2024, https://asm.md/un-proiect-de-lege-din-parlament-sustine-adevarul-stiintific-istoria-limbii-e-din-vieti-inchinate.

2 "Declarația Academiei Române privind unitatea limbii române (Declaration of the Romanian Academy on the Unity of the Romanian Language)," Academia Română, January 30, 2020, accessed July 4, 2024, https://academiaromana.ro/com2020/doc/d0130-Declaratie_limba_romana_Basarabia.pdf.

3 Ассоциация историков Республики Молдова подводит итоги побед и поражений за 20 лет с момента основания // Ipn. 20 июня 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipn.md/index.php/ru/assotsiatsiya-istorikov-respubliki-moldova-podvodit-itogi-pobed-i-porazheniy-za--7967_976208.html (дата обращения: 05.07.2024).

4 Cusco 2012, 191–192.

В. Стати, автор вышедшей в 2003 г. внушительной, но местами эмоциональной монографии «История Молдовы», а также П.М. Шорников, лидер движения «Единство». Более сдержанной, но тоже молдовенистской позиции придерживается Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Спэтарул Милеску, выпустившая монографию «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней». К молдовенистам относятся и многие российские ученые. Примером этого может служить приуроченная к 650-летию молдавской государственности монография «Молдаване», созданная в 2010 г. учеными из Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и их коллегами из Молдовы[1].

Политические партии

Одним из важных компонентов политики языка Ч. Кинг выделил планирование статуса языка, то есть решения официальных органов об использовании языков, что возвращает языковой вопрос к конвенциональной языковой политике[2]. Роль же партий в политике языка подразумевает их непрерывную деятельность как по вопросам планирования корпуса, так и статуса языка. Несмотря на смену состава партий и коалиций, политический спектр республики все годы независимости остается разделенным на прорумынский и молдовенистский, причем обе группы, как у власти, так и в оппозиции, вовлечены в политику языка. Хронологически это подразделяется на два этапа: с 1989 г. по 2001 г. коалиции партий были вовлечены в создание нормативно-правовой базы в этноязыковой сфере; с 2001 г. предпринимаются попытки менять существующее законодательство в зависимости от партийных установок по языковым вопросам.

Считается, что современная Молдова началась с власти прорумынского Народного фронта. Однако спровоцированная им этническая поляризация и призывы к объединению с Румынией не нашли широкой поддержки в молдавском обществе. Согласно опросу 1992 г., только 12% молдаван заявили о своей румынской идентичности и выступили за объединение с Румынией[3]. Этими настроениями воспользовались бывшие коммунистические и аграрные лидеры, выступившие с умеренной молдовенистской риторикой. На досрочных парламентских выборах 1994 г. коммунистическая Аграрно-демократическая и Социалистическая партия, а также движение «Единство» получили большинство голосов. Благодаря этому в статье 13 Конституции Республики Молдова государственным языком был закреплен молдавский на латинской графике, а также была инициирована разработка закона о правах национальных меньшинств. Но его принятие состоялось уже в 2001 г. с началом правления Партии коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) во главе с президентом В. Ворониным, при котором молдовенизм достиг своего пика. Коммунисты продолжали настаивать на существовании отдельного молдавского языка, а также планировали заменить преподаваемый с 1990 г. в школах предмет «История румын» на «История Молдовы», решить проблему Приднестровья и укрепить статус русского языка, сделав его вторым государственным.

1 Среди ее авторов стоит выделить Н.М. Губогло, занимавшегося изучением национально-русского двуязычия в МССР и отдельно проблемой гагаузского народа.
2 King 1996.
3 Crowther 1998, 150.

Хотя ни одно из этих обещаний не было полностью реализовано по разным причинам, потеря коммунистами власти в 2009 г. и маятниковое колебание электоральных предпочтений в сторону румынизма[1] подтвердили сложившийся тренд молдавской политики в целом и политики языка в частности: прорумынские и молдовенистские силы сменяют друг друга во власти, а основными вопросами по-прежнему остаются название государственного языка и статус русского. В то же время оспаривание (неудачное для его авторов) прорумынскими силами прав русскоязычного населения, гарантированных в законе 2001 г.[2], в Конституционном суде ознаменовало начало второго этапа политики языка в республике, когда представители обоих лагерей используют Конституционный суд для изменения уже существующих правовых актов, не предлагая качественных законодательных новаций.

Так, в 2013 г. представители Либеральной и Либерально-демократической партии вместе с другими депутатами обратились в Конституционный суд для признания Декларации о независимости Республики Молдова в качестве акта вышестоящего по отношению к Конституции страны и замены в последней синтагмы «молдавский язык на латинской графике» на «румынский», что было утверждено судом, а в 2017 г. подтверждено снова[3]. Члены этих же партий в 2018 г. через обращение в Конституционном суде попытались убрать из всех законов синтагмы, связанные с русским языком, но их требования были признаны неприемлемыми. Конституционный суд лишь признал устаревшим закон о функционировании языков 1989 г., а следовательно, и статус русского как языка межнационального общения, оставив при этом без изменений остальные законодательные акты, гарантирующие права русскоязычного населения[4]. Новым достижением прорумынских сил стал закон от 16 марта 2023 г., реализующий постановление Конституционного суда о замене во всех законах разных синтагм о государственном языке на «румынский язык». Он был предложен и принят пришедшей к власти в 2021 г. партией «Действие и солидарность» (*PAS*) президента М. Санду, избранной в 2020 году.

Этот закон довольно активно оспаривали депутаты-молдовенисты, что привело лишь к признанию неконституционности замены фразы «функционирующий на латинской графике»[5], не меняющей сути вопроса. С 2009 г. они находятся в рядах оппозиции, не меняя взглядов по вопросам языка и идентичности[6]. Наряду с ПКРМ к молдовенистским объединениям относится Партия социалистов Республики Молдова (ПСРМ), партия «Возрождение», партии «Шор» (до 2016 г.

1 Бардин, Баринов 2018, 102.
2 Постановление КС о контроле конституционности некоторых положений закона о правах национальных меньшинств 2001 г. // Registrul de Stat. 30 мая 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=16589&lang=ru (дата обращения: 05.07.2024).
3 Заключение КС по законопроекту об изменении ст. 13 Конституции Республики Молдова // Registrul de Stat. 31 октября 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=101164&lang=ru (дата обращения: 07.07.2024).
4 Постановление КС о контроле конституционности некоторых положений о функционировании языков на территории Республики Молдова // Registrul de Stat. 4 июня 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=111036&lang=ru (дата обращения: 07.07.2024).
5 Постановление КС о контроле конституционности Закона № 52 от 16 марта 2023 года // Registrul de Stat. 11 марта 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=142385&lang=ru (дата обращения: 07.07.2024).
6 Экс-президент Молдавии раскритиковал решение КС сменить молдавский язык на румынский // ТАСС. 14 марта 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20235697 (дата обращения: 05.07.2024).

движение «Равноправие») и «Шанс». Самыми успешными из них можно считать социалистов, чей лидер И. Додон был президентом страны с 2016 по 2020 год. Однако в силу того, что Молдавия – парламентская республика, в которой у И. Додона не было большинства, он был способен лишь на символические действия. Например, на официальном сайте президента сменил аббревиатуру *RO* (румынский) на *MD* (молдавский), а также продвигал идею возвращения предмета «История Молдовы» в школы. В последние дни своего президентства через депутатов ПСРМ он смог продвинуть закон, предусматривающий усиление роли русского языка, который через несколько месяцев по запросу прорумынских депутатов был признан неконституционным вследствие нарушения процедуры его принятия[1]. При этом осталась в силе предложенная социалистами поправка, требующая от фармацевтов предоставлять инструкцию к лекарствам в том числе и на русском языке[2].

В Молдове существует много других прорумынских партий, большинство которых не используют вопросы языка и идентичности в качестве отличительных маркеров, а позиционируют себя в качестве проевропейских объединений. Для них приоритет – это европейская интеграция Молдовы. Примерами крупных партий такого типа являются бывший союзник *PAS* платформа «Достоинство и правда» А. Нэстасе и Социал-демократическая европейская партия (бывшая Демократическая партия олигарха В. Плахотнюка). Более мелкие внепарламентские объединения видят путь страны в ЕС через объединение с Румынией, сохраняя верность идеалам начала 1990-х годов. Среди них унионистская Национал-либеральная партия и партия *AUR Moldova*, отделение румынского Альянса за объединение румын.

Медиа

Не менее влиятельными негосударственными акторами политики языка в Молдове выступают медиаресурсы, что связано не только с их потенциалом охватывать максимально большие аудитории, но и их идеологией. По состоянию на 2024 г. 10 крупнейших телеканалов и радиостанций вещают в основном на румынском языке, а доля русскоязычного контента обычно не превышает 20%[3]. Все они, за исключением трех телеканалов (*N4, TV-Găgăuzia, TVC 21*), имеют явную прозападную и прорумынскую направленность и часто аффилированы с соответствующими партиями. Например, *Jurnal TV* поддерживает платформу «Достоинство и правда», а *Vocea Basarabiei TV* связан с Либерально-демократической партией[4]. Кроме того, многие медиаресурсы в Молдове финансируются западными НПО, что также влияет на их независимость. У крупнейших получателей

1 Постановление КС о контроле конституционности Закона № 234 о функционировании языков на территории Республики Молдова // Registrul de Stat. 21 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=125359&lang=ru (дата обращения: 07.07.2024).

2 Закон № 235 о внесении изменения в статью 181 Закона о фармацевтической деятельности // Registrul de Stat. 16 декабря 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=124550&lang=ru (дата обращения: 07.07.2024).

3 Здесь и далее данные по охвату аудитории (смотрят как минимум 1 раз в неделю) взяты из доклада "People's Perception of Mass Media and Media Skills in the Republic of Moldova," Internews Moldova, March 29, 2023, accessed July 4, 2024, https://internews.md/wp-content/uploads/2023/05/2022-Internews-val-3_Raport-Final_ENG_29.03.2023.pdf.

4 "The Moldovan Information Environment, Hostile Narratives, and their Ramifications," NATO Strategic Communications Centre of Excellence, July 2017, accessed July 3, 2024, https://stratcomcoe.org/cuploads/pfiles/moldova_report_public_2nd_edition_17-07.pdf.

грантов – *PRO TV Chișinău* и *TV8* – доля внешнего финансирования составляет 36% и 51% соответственно[1]. *Jurnal FM* финансируется румынским Департаментом по отношениям с Молдовой, а *TVR Moldova u Radio Chiinău* являются частью Румынского общества телевидения (*TVR*).

Из 10 главных печатных изданий республики половину составляют прозападные газеты во главе с *Ziarul de Gardă*, а другую половину пророссийские. Популярные русскоязычные «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты», аффилированные с Партией социалистов[2], занимают второе и третье место. Свою аудиторию имеют прорумынская *Literatura si Arta*, газета Союза писателей Молдовы, сыгравшая важную роль в событиях конца 1980-х – начала 1990-х гг., и газета *Moldova Suverană*, бывшая ранее главным печатным органом ЦК КП Молдавской ССР, ныне ассоциированная с ПКРМ. Среди наиболее популярных новостных веб-сайтов лидируют два нейтральных ресурса *Stiri.md* и *Point.md.* За ними идут позиционирующие себя в качестве независимых, но фактически прозападные: *diez.md, Agora.md, Deschide.md, Realitatea.md, Unimedia.md, Timpul.md, Moldova.org, Newsmaker.md, Rise.md, Cusens.md* – также получатели грантов от западных НПО.

Прозападные и прорумынские СМИ доминируют в традиционном медийном пространстве Республики Молдова, что является в том числе следствием блокировки в 2022 г. в связи с конфликтом на Украине пророссийских каналов и радиостанций, имевших такую же долю аудитории, как и ведущие румыноязычные медиа.

Неправительственные организации

Важную роль в молдавской политике играют и неправительственные организации. По некоторым данным, за годы независимости их число выросло с 38 в начале 1990-х гг. до 13800 в 2020 году.[3] Несмотря на то, что в это число могут входить тысячи местных общественных организаций из разных сфер, наиболее влиятельными являются НПО, вовлеченные в процесс демократизации молдавского общества и осуществляющие помощь в реформах. Среди них американская *Soros Foundation4 Moldova*, чешская *People in Need Moldova,* британская *Amnesty International Moldova*, которые через гранты финансируют молдавские НПО[5]. В западных исследованиях их роль в Молдове обычно рассматривается положительно, особенно в контексте европейской интеграции, где неправительственным организациям и другим негосударственным акторам отводится функция

1 "Transparența proprietății și finanțării serviciilor media (Transparency of Media Ownership and Financing)," Consiliu audiovisual, July 2023, accessed July 3, 2024, https://consiliuaudiovizual.md/transparencyof-ownership/.

2 Ion Bunduchi, Vasile Stati, "The Media Market in Moldova: Realities and Trends," Independent Journalism Centre, April 2022, accessed July 10, 2024, https://cji.md/wp-content/uploads/2022/04/IJC-study_The-Media-Market-in-Moldova-Realities-and-Trends-1.pdf.

3 Pap: как НПО, финансируемые Западом, влияют на политику в Молдове // Sputnik Moldova. 9 ноября 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://md.sputniknews.ru/20201109/kak-npo-finansiruemye-zapadom-vliyayut-na-politiku-32349247.html?ysclid=lyj4q9622991628554 (дата обращения: 03.07.2024).

4 Признан нежелательной организацией в России.

5 "List of Charities, Non-profits and NGOs in Moldova," Ngo Base, 2024, accessed July 10, 2024, https://ngobase.org/c/MD/moldova-ngos-charities?page=1.

проводников реформ и внимательных наблюдателей за их реализацией[1]. Хотя вопрос автономности от финансирующих государств или структур полностью не игнорируется, негативные аспекты влияния западных НПО на Молдавию затрагиваются в основном только российскими специалистами[2] и молдовенистами в самой республике. К примеру, в своей книге «Гражданское общество Молдовы: Спонсоры. НПО-кратия. Культурные войны» депутат Парламента от ПСРМ Б. Цырдя приводит данные, доказывающие, что Молдова фактически захвачена западными НПО[3], а журналистка Е. Пахомова называет главным результатом деятельности двигающих страну в ЕС НПО потерю молдаванами национальной идентичности вследствие внедрения румынского языка вместо молдавского[4].

На реализацию последней задачи всегда были нацелены прорумынские НПО. Они выступали против замены «Истории румын» на «Историю Молдовы», поддерживали риторику об оккупации Бессарабии Советским Союзом в противостоянии с молдовенистской трактовкой об освобождении, а также продвигали идею объединения Молдавии и Румынии. После Великого национального собрания 1989 г. крупнейшим прорумынским мероприятием стал собравший от 7 до 20 тыс. человек митинг «Марш столетия» в 2018 г. в честь столетия присоединения Бессарабии к Румынии в 1918 году. Организовал его «Альянс столетия», в который по информации унионистской платформы «*Acțiunea 2012*» (будущая *AUR Moldova*), вошли более 100 НПО из Молдовы, Румынии и диаспоры[5]. Его лидерами стали Гражданское движение «Молодежь Молдовы», Блок национального единства и Ассоциация «*UNIREA – ODIP*»[6]. В последние три года финансированием прорумынских организаций занимается созданный в 2021 г. правительством Румынии Департамент по отношениям с Республикой Молдова. Он оказывает поддержку проектам, продвигающим румынскую этническую и языковую идентичность в Республике Молдова. Только за первое полугодие 2024 г. финансирование получили 99 проектов[7]. Среди получателей грантов можно найти и религиозные общины Румынской православной церкви, ставшей одним из инструментов румынизации республики через переманивание священнослужителей и паствы Православной церкви Молдовы, являющейся самоуправляемой частью Русской православной церкви.

Противостоят румынским НПО немногочисленные молдовенистские движения "*Eu sint moldovan, eu graiesc moldoveneste,*" Лига русской молодежи, Национальное движение «Воевод» и Молодежное движение «Последователи

1 Teona Giuashvili, "Non-State Actors as Agents of Change: The Partnerships between the European Union and Georgia, Moldova and Ukraine," School of Transnational Governance, September 2022, accessed July 10, 2024, https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/74889/STG_PA_2022_27.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

2 Кириллов, Путинцев 2018.

3 Глава миссии ЕС назвал нападками публикацию отчета о финансировании Западом НПО в Молдавии // ТАСС. 22 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9783467 (дата обращения: 10.07.2024).

4 Как западные НПО переформатировали Молдову – беседа с экспертом из Кишинева // Sputnik Кыргызстан. 8 мая 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.sputnik.kg/20240508/moldova-zapad-rossiya-rumyniya-politika-npo-yazyk-revolyuciya-1084951075.html (дата обращения: 10.07.2024).

5 100 унионистских организаций объединят усилия в рамках Альянса столетия // Инфотаг. 18 августа 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.infotag.md/politics-m9/250890/ (дата обращения: 10.07.2024).

6 Альянс за Столетие призывает жителей столицы сказать ДА воссоединению // Ipn. 10 апреля 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipn.md/ru/alyans-za-stoletie-prizyvaet-zhiteley-stolitsy-skazat-da-vossoedineniyu-7967_1041043.html (дата обращения: 10.07.2024).

7 "Rezultatele evaluării proiectelor (Project Evaluation Results) 2024," Departamentul pentru Relația cu Republica Moldova (Department for Relations with the Republic of Moldova), April 8, 2024, accessed July 11, 2024, https://drrm.gov.ro/w/rezultatele-evaluarii-proiectelor-2024/.

Штефана», идеям которых симпатизируют Фонд «Русский мир», Координационный совет русских общин в Молдове, а также организации других национальных меньшинств.

Заключение

С момента принятия Верховным Советом Молдавской ССР языковых законов прошло 35 лет. За это время политика языка в республике перешла от стадии противостояния интеллигенции и мобилизованных ею граждан с государством в лице Компартии Молдавии до политического процесса, в котором принимают участие разного рода негосударственные акторы: академические институты, политические партии, медиа и неправительственные организации. В результате этих процессов в политической жизни страны образовалось два противостоящих лагеря со своим подходом к политике языка. Молдовенистская группа формируется Партией коммунистов, Партией социалистов и их политическими партнерами. Вместе они отстаивают самостоятельный от румынского статус молдавского языка и если не лингвистическую разницу, то как минимум употребление глоттонима «молдавский язык» – основы молдавской нации, а также выступают за сохранение за русским функции языка межнационального общения. Поддерживаемые меньшей частью академической общественности республики, эти идеи транслируются через немногочисленные аффилированные с партиями СМИ и общественные организации. В то же время прорумынский лагерь объединяет большее число парламентских и внепарламентских партий. Их главная цель – продвижение румынской идентичности языка, которая поддерживается большей частью интеллектуальной элиты страны и, согласно, Академии наук Молдовы, соответствует научной истине. Прорумынские силы обладают более мощным медиа потенциалом и более широкой сетью неправительственных организаций в силу значительных вливаний в обе категории акторов со стороны западных государств и международных организаций, негласно поддерживающих румынскую идентичность как антипод пророссийской молдавской идентичности.

Остается открытым вопрос о роли государства и его институтов в новой политике языка. За годы независимости усиление негосударственных акторов значительно ослабило и без того хрупкий государственный аппарат постсоветской республики, неспособный сохранять стабильность в непрерывном политическом процессе. Использование партиями Конституционного суда и его решения демонстрируют это: Декларация о независимости признается выше Конституции и вводит синтагму «румынский язык». При этом даже у власти партии с обеих сторон не отличаются последовательностью в своих действиях. Несмотря на обещания, ПКРМ не заменила предмет «История румын» на «Историю Молдовы», а ПСРМ не добилась организации референдума по вопросу языка и надлежащего принятия нового закона о функционировании языков. Также и прорумынскому лагерю потребовалось 10 лет, чтобы внести поправки в законодательство согласно решению Конституционного суда о румынском языке. Причиной этому являются сторонние интересы, достигаемые через эксплуатацию языкового вопроса, составляющую суть политики языка в Молдове. В связи с этим не вызывает

удивление тот факт, что в 2017 г. в рамках опроса общественного мнения почти 90% респондентов заявили, что молдавские политические партии оказывают однозначно негативное влияние на национальное единство[1].

В то же время интересно посмотреть, насколько политика языка в Молдове отражает представления самих граждан о названии языка и национальной идентичности. К примеру, результаты переписи 2014 г., когда у власти уже 5 лет находились прорумынские партии, показывают, что 75,1% жителей Молдовы считали себя молдаванами (76,1% в 2004 г.), 7,0% – румынами (2,2% в 2004 г.); в отношении глоттонима 52,7% (58,2% в 2004 г.) указали как родной язык молдавский, 23,2% – румынский (16,1% в 2004 г.)[2]. А в 2024 г., спустя год после переименования языка в румынский, исследование компании *IMAS* показало, что 44,3% граждан Молдовы обычно говорят на молдавском языке, 30,4% – на румынском, при этом 71,7% назвали себя молдаванами и только 11% румынами[3]. Естественно, что в зависимости от формулировки вопроса и выборки можно получить разные количественные результаты, но преобладание молдавского языка и молдавской идентичности пока остается очевидным. С одной стороны, это может говорить нам о наличии определенного разрыва между молдавской политикой языка и реальными языковыми установками граждан республики, а с другой, в условиях политического преобладания прорумынских сил в последние 15 лет может указывать на уход проблемы языка и национальной идентичности на второй план молдавской политики.

1 Укрепление социальной сплоченности и общей идентичности в Республике Молдова // IPIS. 13 февраля 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipis.md/ru/2018/02/13/strengthening-social-cohesion-and-a-common-identity-in-the-republic-of-moldova/ (дата обращения: 10.07.2024).

2 Население Республики Молдова // Национальное бюро статистики. 31 марта, 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/ru/naselenie-respubliki-moldova-na-moment-perepisi-2-998-235-12_896.html (дата обращения: 10.07.2024).

3 Большинство опрошенных граждан Молдавии считают себя молдаванами вопреки призывам властей // ТАСС. 22 мая 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/20872595 (дата обращения: 10.08.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бардин, А.Л., Баринов, И.И. Проблемы национального развития и консолидации политических пространств (на примере Молдовы и Румынии) // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 99–111. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.07.

Bardin, Andrei L., and Igor' I. Barinov. "Problems of National Development and Consolidation of Political Spaces (the Cases of Moldova and Romania)." *Polis. Political Studies,* no. 6 (2018): 99–111 [In Russian].

Борисова, Н.В. Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России: представление базы данных // Вестник Пермского университета. Политология. Т. 13. № 3. 2019. С. 99–110. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-99-110.

Borisova, Nadezhda V. "Language Preferential Policy and Language Politics in Ethnic Republics of Russia: The Database Presentation." *Bulletin of Perm University. Political Science* 13, no. 3 (2019): 99–110 [In Russian].

Кириллов, В.Б, Путинцев, И.С. Влияние Румынии в Молдавии: формы и эволюция унионизма // Современная Европа. 2018. № 3. С. 37–48. http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320183748.

Kirillov, Viktor, and Igor' Purintsev. "Unionism and Romania's Influence in Moldova: Manifestations and Evolution." *Contemporary Europe,* no. 3 (2018): 37–48 [In Russian].

Лебедева, М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. Т. 5. № 2. С. 97–108.

Lebedeva, Marina M. "The Subject or Subjects of World-Political Studies." *Mezhdunarodnye process* 5, no. 2 (2004): 97–108 [In Russian].

Мухарямов, Н.М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. М: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 677–684.

Muharyamov, Nail' M. "Politika yazyka i yazykovaya politika." In: *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie,* edited by Irina S. Semenenko, 677–684. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017 [In Russian].

Мухарямов, Н.М. Языковая политика и политика языка: к вопросу о «действующих лицах» // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 4. С. 5–15. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-5-15.

Muharyamov, Nail' M. "Language Policy and Language Politics: The Question of Actors." *Bulletin of Perm University. Political Science* 15, no. 4 (2021): 5–15 [In Russian].

Фурман, Д.Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны // Прогнозис. 2007. Т. 9. № 1. С. 278–315.

Furman, Dmitrii E. "Moldovan Moldovans and Romanian Moldovans." *Prognozis 9*, no. 1 (2007): 278–315 [In Russian].

Хилханова, Э.В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. 16. № 3. С. 756–815. https://doi.org/10.30842/alp2306573716324.

Khilkhanova, Erzhen V. "People in Language Policy: Theory and Practice of the Discursive Turn in Sociolinguistics (Comparing Russia and Western Europe)." *Acta Linguistica Petropolitana* 16, no. 3 (2020): 756–815 [In Russian].

Baar, Vladimir, and Daniel Jakubek. "Divided National Identity in Moldova." *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics* 11, no. 1 (2017): 58–92. https://doi.org/10.1515/jnmlp-2017-0004.

Cardinal Linda, and Selma Sonntag, eds. *State Traditions and Language Regimes.* Montreal: McGill-Queen's University Press, 2015.

Cash, Jennifer. "Origins, Memory, and Identity: "Villages" and the Politics of Nationalism in the Republic of Moldova." *East European Politics and Societies* 21, no. 4 (2007): 588–610. https://doi.org/10.1177/0888325407307351.

Ciscel, Matthew C. *The Language of the Moldovans: Romania, Russia, and Identity in an Ex-Soviet Republic.* Lanham, MD: Lexington Books, 2007.

Crowther, William. "Ethnic Politics and the Post-Communist Transition in Moldova." *Nationalities Papers* 26, no. 1 (1998): 147–164.

Cusco, Andrei. "The "Politics of Memory" and "Historical Policy" in Post-Soviet Moldova." In *The Convolutions of Historical Politics,* edited by Alexei Miller and Maria Lipman, 175–210. Budapest: Central European University Press, 2012.

Keohane, Robert, and Joseph Nye, eds. *Transnational Relations and World Politics.* Cambridge: Harvard University Press, 1972.

King, Charles. "The Politics of Language in the Moldovan Soviet Socialist Republic." *East European Monographs*, no. 2 (1996): 111–132.

Knott, Eleanor. "What Does it Mean to Be a Kin Majority? Analyzing Romanian Identity in Moldova and Russian Identity in Crimea from Below." *Special Issue: New Frontiers in the Comparative Study of Ethnic Politics and Nationalism. Social Science Quarterly* 96, no. 3 (2015): 830–859.

Kymlicka, William, and Alan Patten, eds. *Language Rights and Political Theory.* Oxford, UK: Oxford University Press, 2003.

Marquardt, Kyle L. "Language, Ethnicity, and Separatism: Survey Results from Two Post-Soviet Regions." *British Journal of Political Science,* no. 52 (2022): 1831–1851. https://doi.org/10.1017/S0007123421000533.

May, Stephen. "Introduction to Volume 1: Language Policy and Political Issues in Education." In *Encyclopedia of Language and Education, 2nd Edition, Volume 1: Language Policy and Political Issues in Education,* edited by Stephen May and Nancy H. Hornberger, xiii–xviii. New York: Springer Science+Business Media, 2008.

Negura, Petru, and Svetlana Suveica. "Everyday Ethnicity and Popular Responses to Nation-Building Projects in Moldova After 1989." *Comparative Southeast European Studies* 71, no. 4 (2023): 465–487. https://doi.org/10.1515/soeu-2023-0047.

Phillipson, Robert, and Tove Skutnabb-Kangas. "The Politics and Policies of Language Teaching." In *The Handbook of Language Teaching,* edited by Michael H. Long and Catherine J. Doughty, 26–41. Malden: Wiley, 2009.

Schmid, Carol L. *The Politics of Language: Conflict, Identity, and Cultural Pluralism in Comparative Perspective.* New York: Oxford University Press, 2001.

Siiner, Maarjia, Koreinik K., and Kara D. Brown, eds. *Language Policy Beyond the State*. Cham: Springer Cham, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52993-6_1

Simionov, Loredana M. "Shifting Attitudes Towards Identity, Borders and Geopolitical Choices: The Case of Moldova." *Regional Science Policy & Practice,* no. 15 (2022): 200–221. https://doi.org/10.1111/rsp3.12613.

Sonntag, Selma K., and Mark Turin, eds. *The Politics of Language Contact in Himalaya.* Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019. https://doi.org/10.11647/OBP.0169.

Сведения об авторе

Андрей Сергеевич Тулум,
аспирант, Департамент политики и управления Факультета социальных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, 11
e-mail: atulum@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 12 августа 2024.
Переработана: 20 сентября 2024.
Принята к публикации: 25 сентября 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Тулум, А.С. Роль негосударственных акторов в языковой политике в Республике Молдова // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 122–137.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-122-137

The Role of Non-State Actors in the Linguistic Policy in the Republic of Moldova

ABSTRACT

This article examines the evolving role of non-state actors in the politics of language, using the post-Soviet Republic of Moldova as a case study. Over the past half-century, the increasing influence of non-state actors in global political systems has led to shifts not only in international relations but also in domestic policy areas such as language policy. Traditionally the exclusive domain of the state, language policy has become an arena of interaction between the state and various non-state actors, including political parties and non-governmental organizations. This interaction, termed the «politics of language,» extends beyond national borders, particularly in cases where a country's population is linked to kin states. In Moldova, the political landscape is divided between pro-Russian Moldovanists, who advocate for a distinct Moldovan identity and the use of "Moldovan" as the state language, and pro-Romanian Romanianists, who promote Romanian identity and language. The research identifies the key actors in Moldova's language politics and reveals that, during the country's independence, the politics of language has shifted from a conflict between the state and intellectual elites to a more complex set of relations between multiple actors, with Romanianists gaining influence. The role of the state has been significantly weakened, as evidenced by the Constitutional Court's reduced capacity to maintain constitutional stability, becoming instead a tool for non-state actors.

KEYWORDS

non-state actors, language policy, politics of language, Republic of Moldova, Romanianism, Moldovenism, NGO

Author

Andrei S. Tulum,
Doctoral student at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences,
lecturer at the School of Foreign Languages,
National Research University Higher School of Economics
11, Pokrovsky blvd, Moscow, Russian Federation, 109028
e-mail: atulum@hse.ru

Additional information

Received: August 12, 2024. Revised: September 20, 2024. Accepted: September 25, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Tulum, Andrei S. "The Role of Non-State Actors in the Linguistic Policy in the Republic of Moldova." *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 122–137.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-122-137

10.46272/2587-8476-2024-15-3-138-156

Генезис польского популизма (1945–2023) и его влияние на трансформацию и поддержку «Права и справедливости*»

Тамерлан Эльдарович Мирзаджанов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: mrgamer1@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется процесс формирования и утверждения польского популизма на современном этапе в лице правящей партии «Право и справедливость» (ПиС, *Prawo i Sprawiedliwosc*) с применением теоретического аппарата неоинституционализма, а также исторического и сравнительного подходов. Рассматриваются как общие черты популизма, так и особенные для Восточной Европы. Также изучается процесс развития представлений, практик и результатов, способствующих укоренению популистских ценностей и картины мира в польском общественном сознании в рамках концепции колеи зависимости (*path dependence*). В заключительной части описываются сущностные ориентиры, идеология, программа и электорат ПиС. Партия сравнивается со своим главным конкурентом «Гражданской платформой» (ГП, *Platforma Obywatelska*) с точки зрения стратегии, также упоминаются конкретные результаты правления ПиС. Польша отличается слабыми и неустойчивыми связями между избирателями и партиями, что приводит к отсутствию стабильной социальной базы поддержки у партий и, в свою очередь, ведет к их постоянному дроблению, высокой партийной волатильности. Партии в Польше исторически являются организациями с самым низким уровнем общественного доверия. В подобном контексте партии, которые смогут по-настоящему привлечь избирателя, моментально окажутся в более выгодном положении. Одним из наиболее подходящих методов потому являются простые, зачастую примитивные лозунги, непримиримость дискурса, агрессивность риторики, невыполнимые обещания всеобщего изобилия, резкое противопоставление себя всем остальным и отказ от демократических норм представительства в пользу сильного лидерства, то есть классический популизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

партии, популизм, демократический откат, Польша, ЦВЕ, «Право и справедливость»

* Статья публикуется в авторской редакции.

CC BY

© Тамерлан Мирзаджанов, 2024

Мировая проблематика популизма

В современном мире все более отчетливой и губительной становится проблема роста популярности и, следовательно, электоральных побед популизма, в первую очередь популизма правого толка. Данные кейсы проявляются не только в развивающихся и гибридных режимах, но и, как показывает практика, в устоявшихся демократиях по всему миру. Популисты лишены идеологического ядра и поэтому фокусируются на негативной повестке, прибегая к деструктивной критике. С целью очернить политических соперников они используют конспирологию и теории заговора, чем чрезвычайно поляризируют общество, отучают его искать компромисс и стремиться к консенсусу. Склонные к применению и, более того, развитию политических мифов как главного средства коммуникации и легитимации, популисты внедряют в обществе идею об антинародном характере всех существующих элит, правящих кулуарно, в своих корыстных интересах, через механизмы развитой бюрократии и картельных, неформальных сетей в обход принципа народовластия. Себя же в этом контексте популисты называют единственными защитниками простого народа, отказывают всем иным политическим силам в моральном праве заниматься политикой, посредством чего выступают против самого принципа плюрализма и представительства различных мнений в политике. Подобные отрицательные явления ведут к нарушению принципа верховенства права, эрозии институтов, ухудшению демократического процесса, отмене принципов равенства и свобод, порождают национальную и религиозную нетерпимость, атмосферу вражды и тревоги в обществе. В качестве причин подобных событий научное сообщество сумело прийти к консенсусу лишь на уровне самых общих формулировок, среди которых – кризис современной либеральной демократии, ее неспособность адекватно отвечать текущим вызовам, увеличение культурного запроса в общественной среде и, как следствие, развитие культурного размежевания в социуме, иными словами – поиск социокультурной альтернативы статусу-кво, так и не случившемуся «концу истории»[1].

Восточноевропейская проблематика популизма

Восточная Европа, в первую очередь в лице Венгрии и Польши, продемонстрировала особенную уязвимость и склонность к правому популизму. Удивительным образом страны, поначалу продемонстрировавшие наиболее успешный случай перехода от посттоталитарного режима к молодой, но исправно функционирующей демократии, в 2000-е гг. оказались готовы отказаться от всего этого в пользу правого популизма, особенно проявившегося уже в 2010-е годы.

Для множества исследователей остается неясным вопрос, как общества, сполна ощутившие на себе все последствия «сильной руки лидера», вождизма, диктатуры одной партии, политизации и даже партизации всех уровней и сегментов социокультурного пространства, оказались готовы снова вернуться в подобный политический уклад. Если ранее доминировал взгляд, что опыт жизни

1 См. такие исследования популизма, как: Pelinka 2013; Müller 2014; Moffitt, Tormey 2014; Cooley 2016; Müller 2017; Weyland 2017; Stavrakakis et al. 2017; De Cleen, Stavrakakis 2017; Stavrakakis et al. 2018; Enyedi, Róna 2018; De Cleen et al. 2018.

при демократии до начала Второй мировой войны помог восточным европейцам столь успешно установить свободный политический режим после 1989-го г., то сейчас, наоборот, именно коммунистический период винят в формировании архаичной и деформированной политической культуры, готовой принять правый популизм в качестве государственной идеологии. Существует мнение, что восточноевропейские общества в целом столкнулись с разочарованием в либеральной демократии: экономическое перераспределение было не вполне справедливым, новые блага также стали распределяться неравномерно. Многие почувствовали себя «проигравшими» в результате социально-экономических реформ, так и не смогли найти себе место в новой системе; отчетливой стала и проблема безработицы среди молодежи. К тому же восточные европейцы испытали экономическую интервенцию и оккупацию со стороны западноевропейских корпораций и финансовых гигантов, для которых первые стали ресурсной и кадровой базой. Многие сходятся в оценке фрустрации, охватившей восточноевропейские общества по осознании, что два десятилетия свободных выборов не позволили людям кардинально поменять свою жизнь и полностью взять судьбу в свои руки, ведь социально-экономические проблемы никуда не делись, лишь усугубились новыми факторами, например миграцией, а демократические политики оказались склонны к решению собственных задач в рамках активного сотрудничества с крупным бизнесом. Впрочем, вопрос о причинах поворота от демократии к популизму остается открытым[1].

Восточноевропейский популизм нацелен на критику правящих либеральных элит, заявляет об их коррумпированности, губительном и неверном правлении в переходный период 1990-х гг., продажности и несостоятельности правящих партий. С западноевропейским популизмом его роднит опора на национализм, отстаивание государственного вмешательства в экономическую сферу вплоть до защиты антиглобализма и протекционизма и – особенно – перераспределение с целью поддержки малоимущих, резкое неприятие мультикультурализма и текущей миграционной политики[2]. Как и западный, восточноевропейский популизм делит общество на выигравших от текущего политического порядка и проигравших, среди которых он и ищет поддержки. Выигравшие обозначаются как либералы, капиталисты, лишенные чувства национальной солидарности и представлений о социальной ответственности. Они космополитичны, их культурный код размыт, они не любят и не ценят национальную культуру и традиции. Своим домом они считают Евросоюз. Проигравшие же – это противники иностранных инвестиций, хранители своей культуры, евроскептики. Проблемы переходного периода 1990-х гг., его последствия в 2000-е гг., экономическое развитие в 2010-е гг., финансовое неравенство, слабая институализация, непрочные связи между партией и избирателем, неполное соответствие сегодняшних западных ценностей и национального уклада в Восточной Европе открывают еще большие перспективы для популизма[3].

1 О причинах кризиса демократии в Европе см.: Kriesi 2014; Benedikter, Karolewski 2016; Stanley 2017; Modrzejewski 2017; Sadurski 2018; Piatkowski 2018; Drozdowicz 2018; Stanley, Czeenik 2019; Tworzecki 2019.
2 Stanley 2018.
3 Kriesi 2014.

Времена рыночной трансформации и адаптации к рынку 1990-х и начала 2000-х гг. породили поляризацию «победивших» (сторонников рынка, мировой интеграции, глобализма) и противников всего этого – «проигравших», на поддержку которых и рассчитывает популизм. Особенно удачно антиэлитный дискурс ложится именно на восточноевропейское политическое сознание, в котором десятки лет правления закрытой и обособленной коммунистической власти выработали характерно резкое непринятие элит, чуждых и неподконтрольных. Любые общественные проблемы и неудачи, таким образом, лишь подогревают спрос на популизм и увеличивают политический капитал популистских партий[1].

Польская проблематика популизма

Непосредственно же Польша являет собой очень специфичный кейс, как с точки зрения истории и общественного уклада, так и с точки зрения политики. Так, всплеск популярности популизма и готовность поляков с легкостью расстаться с либерально-демократическими ценностями зачастую достаточно убедительно объясняется жесточайшими противоречиями между традиционной польской католической нравственностью и современными европейскими ценностями толерантности, исторической уязвленностью поляков на уровне массового сознания, попытками построить сильное государство с сильным лидером и огородиться от соседей, завышенными ожиданиями и несбывшимися мечтами, связанными с установлением либеральной демократии, инертностью, безынициативностью и бездействием либеральных сил во время их нахождения у власти, отсутствием у них ясного видения дальнейшего плана действий и национальной идеи, укорененной в польской политической культуре патологической склонностью к неприятию консенсуса, конфликту, отказу оппоненту в моральном праве иметь власть, представлению политики как поля битвы. Уверенно можно заявить лишь то, что Польша демонстрирует высокую волатильность приверженности партиям в среде избирателей, партии демонстрируют отсутствие устоявшихся и прочных связей с электоратом, электорат не готов последовательно идеологически и программно следовать за своей партией, внутри партий нередки антагонизмы и расколы. Сама логика политической системы Польши толкает избирателя к поддержке правого популизма, представляющего политику не средством разрешения общественных проблем и достижения благополучия, а жестокой и непримиримой борьбой с четким делением на своих и чужих. С другой стороны, уставшие от постоянных конфликтов поляки склонны стремиться к сильному, единоличному и авторитарному правопопулистскому лидеру, способному наконец объединить всю Польшу под эгидой единой политической силы. В современной Польше политика стала отражением национально-исторического самоопределения, попыткой отделить патриотов от предателей, что также совпадает с устремлениями правых популистов[2].

Сильное влияние популистских партий на польскую политику, в действительности, довольно продолжительное явление[3]. Неотъемлемые черты популизма

1 Dawson, Hanley 2016.
2 Stanley 2015; Fomina, Kucharczyk 2016; Karolewski 2016; Szczerbiak 2017; Markowski 2018; Stanley 2018; Karolewski 2019; Markowski 2020.
3 Jaskiernia 2018.

в польском преломлении – установление жесткой дискурсивной дихотомии «народ–элиты» и постулирование неизменного конфликта между их интересами, регулярно прокламируемый приоритет единого цельного «народа» над «элитами» с отсылкой на принцип народного суверенитета, само представление о «народе» как априори истинном, настоящем и законном акторе политики в сравнении со всегда корыстной и коррумпированной «элитой»[1].

Всякий популизм и особенно польский – это довольно узкая, не всеобъемлющая идеология. Он не предоставляет законченную картину мира, не дает исчерпывающие ответы на весь спектр политических проблем. Популизм агрегирует и артикулирует недовольство и несогласие с текущим статусом кво на основе обвинения последнего в несправедливости, нечестности, жульничестве, безнравственности. Причину подобного расклада популисты усматривают в корыстности элит, в свете этого желают вернуть «власть народу» посредством прямых методов демократии и прихода к власти «настоящего народного лидера». Внутренняя пустота и одномерность популизма позволяет ему решать конкретную проблемно-политическую ситуацию, но не управлять и направлять государство в многомерном пространстве политики. В связи с этим популизм заимствует и комбинирует основные концепции и представления из других идеологий, адаптируя их под себя и контекст. Именно адаптация, гибкость и во многом вытекающая из них простота делают популизм столь применимым и легко распространяемым[2].

Так каковы же причины голосования за правых популистов в Польше? Существует позиция, что польское общество недостаточно глубоко, искренне и разумно восприняло демократические принципы, а переход к совершившейся демократии был поверхностным. Однако антиправительственные митинги и активизм низовых демократических движений говорят об обратном. Иная же позиция утверждает, что проблема кроется в последствиях как польской, так и в целом восточноевропейской демократии. Между тем наиболее разумным объяснением кажется преломление общемирового кризиса либеральной концепции в польском контексте. Данный кризис актуализировал и привлек внимание к популистской партии «Право и справедливость» (ПиС). Типичное для страны постсоветской политической культуры неуважение к институтам, перманентное желание их обойти и обхитрить наложилось на стремление правых популистов оказаться над законом. Пока польские либеральные партии отмалчивались и не знали, как подступиться к проблемам нового времени, сохранив верховенство либеральных принципов невмешательства государства и прерогативы личной воли, ПиС блефовала, обещая спасти общество от всех надвигающихся угроз благодаря своей решительности, смелости и сильному лидеру, готовому защищать поляков «храбро и до последнего». План ПиС по «спасению страны» примитивен и недальновиден, но вместе с тем ясен и понятен для избирателя. Здесь польский случай демонстрирует типичную черту – правые популисты легко побеждают там, где становятся нерешительны и бездействуют либеральные партии страны.

1 Stanley 2008.
2 Ibid.

Именно вопрос причин поддержки правых популистов в Польше и того, как эта поддержка меняет взгляды, поведение и позиции самих популистов, стал ключевым для данной работы. В Польше после 1945 г. сложилась определенная «колея зависимости» формирования и распространения популистских взглядов и картины мира. Эти процессы преломились и сочлись со взглядами и устремлениями ПиС, существенно повлияв на них, позволив им развиться и радикализироваться. Найдя таким образом питательную среду для поддержи и основу для развития в направлении дальнейшей догматизации и фундаментализации, польские популисты смогли нанести решительный удар своим либеральным оппонентам и прийти к власти.

«Колея зависимости» польского популизма (1945–2015)

Сегодняшняя Польша легко принимает популистские партии, так как тому в существенной степени есть исторические предпосылки. В коммунистический период «Польская Объединенная Рабочая Партия» (ПОРП, *Polska Zjednoczona Partia Robotnicza*) активно применяла пропаганду, имевшую отчетливые черты популизма, регулярно заявляла о «народном» характере текущей власти, восхваляла ее источник – рабочих и крестьян. ПОРП отдельно подчеркивала суверенитет народа и абсолютную легитимность народной власти в противовес узурпаторской и деспотичной власти капиталистов и собственников, элиты времен интербеллума. ПОРП выступала против устоев Второй Польской Республики (1918–1939), называя их пережитками «ненародного прошлого». Однако в 1960-е гг. ПОРП сама стала восприниматься существенной частью общества как закрытая, оторванная от народа элита. Это способствовало продолжению существования основополагающего для польского политического устройства раскола «народ – элита» в массовом сознании[1].

Контроль коммунистической властью всех сфер жизни во времена Польской Народной Республики (ПНР) породил постепенное появление теневого, «тайного» и неформального пространства социального, культурного, трудового, семейного взаимодействия, где можно было укрыться от надзора и вмешательства. Это пространство стало восприниматься как открытое, честное, справедливое, рыночное и традиционное для культуры польского человека, в это же самое время официальное публичное пространство стало в подавляющем массовом сознании позиционироваться как чуждое и нечестное[2]. Это создало представление об обществе «своих людей», живущих в соответствии с традициями, не принимающих внешние и насаждаемые коммунистические конструкты. Так в общественном сознании укоренилась ключевая для популизма мысль о противостоянии «нашего», бытового, традиционного уклада и «их», навязанного внешней системой. Потому нарушение правил и норм официальной системы, которое так любит популизм, стало восприниматься польским социумом как дозволительное.

Деятельность профсоюза, а затем движения «Солидарность» (*Solidarnosc*) с 1980 г. также формировала представления о великой морально-нравственной

1 Stanley, Czeenik 2019.
2 Ibid.

битве примирившихся социальных групп объединенного народа в лице «Солидарности» и чуждых, корыстных элит, руководителей и начальников в лице ПОРП. Эта борьба в массовом сознании представлялась противостоянием легитимного народа против чуждого, бесчеловечного и бесчестного государства. «Солидарность» защищала благополучие, достойную жизнь, свободу рядового гражданина, оберегала традиционные национальные ценности, обычаи, культуру, культивировала исконно польскую идентичность. Лидер «Солидарности» Л. Валенса был и остается харизматичным человеком из народа, не имевшим никакого отношения ни к элитам, ни к контрэлитам, не признававшим политическую систему в ее текущем состоянии. Как оратор он использовал простые формулировки, бытовой язык, обращался непосредственно к народным массам, считал, что их обыденный опыт лучше любых политиков подскажет, что хорошо для страны, а что – нет. Он полагал, что тяжелый и многогранный процесс политико-экономической трансформации возможно осуществить радикальными, но простейшими решениями и собственной политической волей[1]. Так социум культивировал одни из ключевых идей, лежащих в основе популизма и делающих принятие популизма возможным – «элиты не на нашей стороне», официальная система противоположна бытовому народному укладу, источник благоприятных изменений – харизматичный, но простой лидер «от народа», предлагающий прямолинейные меры решения переболевших вопросов.

В переходный период 1990-х гг. популистские партии не имели существенного значения в партийной системе, были кооптированы в коалиции с более крупными и сильными партиями, проходили по их спискам либо вовсе не проходили в общенациональный или даже региональные парламенты. В то время все возможные электоральные расколы заменялись дихотомией «бывшие коммунисты – бывшие диссиденты». Доминировали элиты и контрэлиты коммунистического периода, которые в системе после 1989 г. стали равноправными. При этом существовал недостаток актуальности популистских «неэлит» или «антиэлит». Несмотря на данную дихотомию, все ключевые партийные силы в стране разделяли убеждение о необходимости демократических реформ в политике и либеральных – в экономике, хотя каждый из двух лагерей предлагал свой план трансформаций. Места для популистской антисистемности, непринятия текущего демократического уклада и разочарованности, протеста против складывающихся экономических правил не оставалось[2].

1990-е и начало 2000-х гг. отличались сильной электоральной и вслед за этим партийной волатильностью, ситуация эта мало изменилась и сейчас. Партии регулярно дробились, раскалывались, упразднялись и перерождались в новые. Так как все политики имели относительно «новые» партии, не существовало весомых сложностей в создании «людьми из народа» (популистами) партий новейших и конкуренции с другими политическими силами – истеблишментом. Несмотря на это, популистские партии еще не имели поддержки, не были значимы, весомы и популярны[3]. Однако к середине 2000-х гг. экс- коммунисты потеряли вчерашние

1 Stanley, Czeenik 2019.
2 Stanley 2018.
3 Sikk 2012.

позиции и их раскол с экс-диссидентами перестал быть актуальным. Общенациональное беспокойство начала 2000-х гг. о дальнейшем пути развития страны после окончания переходного периода также открывало возможности для популистских партий, так как тревога, опасения и недоверие – всегда важнейший ресурс эмоционально-идейной базы популизма[1].

Время популизма пришло ближе к парламентским выборам 2001 г., когда избиратели в большинстве своем начали разочаровываться в эффективности политического истеблишмента, не чувствовали, что их интересы пересекаются. Партии не могли достаточно институализироваться и построить долгие, устойчивые связи с избирателями, из-за чего наблюдалась высокая партийная и, как следствие, электоральная волатильность. Экономические реформы переходного периода вызывали недовольство и фрустрацию, так как вели к безработице и падению благосостояния. В парламент самостоятельно прошли две откровенно популистские партии: получившая третий результат аграрно-националистическая «Самооборона Республики Польша» (СРП, *Samoobrona Rzeczpospolitej Polskiej*), созданная в 1992 г. и позднее распущенная в 2012 г., и созданная под выборы 2001 г. консервативно-католическая «Лига Польских Семей» (ЛПС, *Liga Polskich Rodzin*). Обе были в общенациональном парламенте лишь с 2001 по 2005 и с 2005 по 2007 гг., с тех пор более не играя сколь-нибудь значимой роли в политике. Обе партии выступали против элиты переходного этапа, называя их реформы неверными и ошибочными из-за порожденного ими социально-экономического неравенства. По их мнению, европейская, западная и мировая интеграция, проводимая элитами, противоречит и вредит польскому обществу, национальной культуре и традициям[2].

В 2000-е гг. в обществе все более распространялись мнения о недостаточности проведенных люстраций и сохранении коммунистическими элитами преуменьшенного, но все еще завидного социально-экономического положения[3]. Экономика Польши развивалась, но это крайне умеренно отражалось непосредственно на благополучии отдельных домашних хозяйств.

Вхождение в национальный парламент СРП и ЛПС разбавило, а затем заместило общественно-политическое внимание с вопросов преодоления коммунистического прошлого на проблемы и, следовательно, альтернативы польской либеральной демократии, бедственное положение «проигравших» в результате прошедших трансформаций, коррупцию, несовершенство нового государственного управления. Эти события окончательно сделали актуальными и адекватными партии правого популистского толка, переставшие быть аутсайдерами и маргиналами[4].

Рост популярности, принятие, одобрение популистских партий к середине 2000-х гг. привели к тому, что основные партии страны, а конкретно – ПиС, начали радикализироваться в сторону популизма с целью увеличения поддержки. Так, ПиС образца 2001 г. была умеренно консервативной, патриотической,

1 Millard 2006.
2 Stanley 2015.
3 Otto 2006.
4 Stanley 2017.

национал-либеральной партией, объединявшей сторонников люстраций и декоммунизации, состояла из тех лидеров «Солидарности», которые в результате трансформаций получили меньше всего власти. До ПиС они создали «Соглашение Центр» (СЦ, *Porozumienie Centrum*), которая вышла из «Солидарности» в 1990 году. После относительного успеха на выборах 1991 г. в рамках коалиции «Центристское Гражданское Соглашение» (ЦГС, *Porozumienie Obywatelskie Centrum*) СЦ имела крайне малую поддержку. В 1993 г. СЦ вступила в коалицию «Избирательная Акция Солидарность» (ИАС, *Akcja Wyborcza Solidarnosc*). В том же 1993 г. СЦ вовсе не прошла в преимущественно социал-демократический парламент, а в 1997 г. выступала крайне плохо и только как малый партнер в ИАС. Важно, что ПиС в парламентский цикл 2001–2005 гг. нельзя было назвать радикальной или популистской, она в основном концентрировалась на вопросах декоммунизации, люстрации, борьбы с коррупцией[1].

Коррупционные скандалы правительства «Союза Демократических Левых Сил» (СДЛС, *Sojusz Lewicy Demokratycznej)*, правившего в 2001–2005 гг. и появившегося в 1991 г. из осколков ПОРП, только усугубляли политическую апатию и готовность воспринять популизм среди граждан. Вступление страны в ЕС в 2004 г. вызвало лишь недолгую эйфорию и не ликвидировало негативные и скептические настроения, столь благоприятные для поддержки популизма. В 2001 г. прошла в парламент ПиС, на тот момент традиционалистская и национал-либеральная. В период своего правления в 2005–2007 гг., была создана их коалиция с СРП и ЛПС. Эта коалиция на тот момент была слишком непримирима для польской партийной системы и не отсидела полный парламентский цикл. Все три партии предлагали различную по тональности и тематике критику сложившейся в 1990-е гг. модели трансформационного польского либерализма. ПиС тогда идейно сблизилась с партнерами по коалиции и тем самым перехватила их электорат и повестку, но и сама стала более популистской и радикальной из-за этого сближения. Так путь, проделанный страной с 1989 по 2007 гг., открыл дорогу популизму в большую политику в ранге национальной идеологии.

СРП и ЛПС в 2005–2007 гг. предлагали слишком радикальные законопроекты, весь остальной парламент и Конституционный Суд противодействовали им, считая врагами либеральной демократии. За два года их недисциплинированность привела к пяти сменам в составе правительства, которые закончились досрочными выборами. Популистская стратегия коалиции ПиС радикализировала политическую конкуренцию и расколы, вызвав ответную реакцию ГП и остальных политических сил, ставших воспринимать ПиС не как коллег-политиков, а как врагов демократии. Европейские политические силы встали на позиции ГП[2]. Это вкупе с досрочным окончанием правления ПиС общепарламентская коалиция против ПиС СРП и ЛПС еще больше радикализовала риторику ПиС о захватившей власть корыстной элите посткоммунистического периода, картеле, сети «подельников», «иностранных хозяев» и нелегальном отчуждении от власти честно избранных «последних защитников простого народа».

1 Millard 2006.
2 Stanley, Czeenik 2019.

Типично популистское непринятие текущей системы стало характерно для ПиС. Она утверждала, что система 1989 г. была создана преступным сговором между коммунистами, избежавшими люстраций, сохранившими свои позиции, и либералами, получившими доступ к власти и коррупционным схемам обогащения. В 1990-е гг., по мнению ПиС, бывшие коммунисты и либералы активно сотрудничали в верхах, создали элитный картель, заняли руководящие позиции в политике, чиновничестве, промышленности, СМИ, а в начале нового века стали всячески дискредитировать и порочить «единственного» защитника простого народа – партию «Право и справедливость». Внутренний кризис и слабый электоральный результат левых, в частности СДЛС, в середине 2000-х гг. позволил ПиС стать новой главной оппозицией либерализму. Вскоре стало ясно, что коалиция ПиС и второй главной партии страны (евролиберальной и правоцентристской ГП) становится невозможной, ведь ПиС являлась культурно правой, экономически левой, бескомпромиссно желала радикальных трансформаций, а ГП была культурно левой, экономически правой, консенсусной, стремилась к осторожному и вдумчивому управлению[1].

ПиС окончательно стала популистской в период нахождения в оппозиции в 2007–2011 годах. Чем более ПиС становилась популистской, тем более сельским, пожилым, малообразованным, религиозным становился ее электорат. Демографически и эмоционально возобладала энергия ресентимента. В конечном итоге высокая мобилизационная сила популизма сделала свое дело: в 2015 г. ПиС смогла привлечь в процентном отношении страты, не представляющие ее ядерный электорат, чем выиграла перед своим главным конкурентом, ГП. ПиС смогла заинтересовать голоса молодежи, лиц с высшим образованием, жителей больших городов, то есть тех, кто должен более всего отстаивать либеральную демократию. Получив гетерогенную и общенациональную поддержку, ПиС приступила к фактическому сворачиванию демократических институтов, мешающих ее безраздельному правлению, реализации авторитарно-популистской программы, проведению широкой политики перераспределения с целью «купить» избирателя и отвлечь его внимание от происходящего демонтажа[2].

«Колея зависимости» польского популизма (2015–н.в.)

Наибольшим успехом популизма была победа ПиС на парламентских выборах в 2019 году. Хотя существует ряд исследователей, позиционирующих идеологию ПиС как национализм или новый авторитаризм[3], есть ряд неоспоримых черт, позволяющих отнести партию именно к популистскому лагерю. ПиС стоит на позициях левого популизма в социально-экономической сфере и правого популизма в сфере культурной. По большей части это проистекает из приоритета для ПиС традиций, консерватизма, католического фундаментализма и евроскептицизма. ПиС резко выступает против либерализма, феминизма, прав сексуальных меньшинств, иностранцев и иностранного капитала. ПиС стремится

1 Szczerbiak, 2007.
2 Stanley, Czeenik 2019.
3 Markowski 2018.

трансформировать государственные институты в соответствии со своим антилиберальным виденьем политического. ПиС присущи радикализированный национализм, патриотизм, этатизм, клерикализм, неприятие Европейского союза в его нынешнем виде, солидаризм как забота о простых людях и малоимущих слоях, приоритет семьи (страна – это семья семей), вера в сильного лидера и сильное государство, прямую демократию как панацею от любых политических проблем[1]. Предпочтение прямой демократии и сильного авторитарного лидера признано ключевыми чертами популизма[2].

Главный конкурент ПиС, ГП, в предвыборной гонке 2015 г. концентрировалась на своих прошлых достижениях – при ее власти в 2007–2011 гг. происходила модернизация страны, увеличились приток иностранных инвестиций и экономический рост, а за ними пришли рост строительства и развития инфраструктуры. Существенно улучшился социально-экономический климат, возросла роль страны на международной арене. ПиС же акцентировалась на будущем, запугивая избирателя теми «угрозами», которые должны постигнуть Польшу в самом ближайшем будущем[3]. Запугивание будущими «угрозами», культивирование тревоги и недоверия и постоянные отсылки к прошлому являются типичными чертами идеологии популизма[4].

Как это присуще популистам, ПиС строила свою идеологию на реакции, противопоставлении и отрицании, в частности либерализма. Так, если либералы 1990-х гг. считали конституцию, защищающую права человека, разделение властей, свободный рынок, культурную раскрепощенность и евроинтеграцию спасением от проблем, созданных коммунистическим периодом, ПиС к концу 2000-х гг. начала называть ее источником неудач посткоммунистического периода. ПиС предлагала сделать исполнительную власть доминирующей и основной, неподотчетной судам, применить экономический протекционизм и национализм, ввести ограничение для иностранного капитала и мировых валют, закрепить приоритет и позицию национальной культуры и религии, построить национально-ценностно ориентированную модель демократии. ЕС же с течением времени стал позиционироваться ПиС как главный источник проблем Польши в силу космополитических, чересчур плюралистических ценностей и порядков, не соответствующих моральным обычаям поляков[5].

Успех ПиС во многом был продиктован неудачей ГП, чьи осторожность и осмотрительность к 2015 г. стали восприниматься как медлительность и нерасторопность. ГП стала превращаться в партию элит, отстраняясь от простого избирателя и замыкаясь в себе, была нерешительна в мобилизации и невнятна в презентации новых программных пунктов, допустила ряд репутационных и коррупционных скандалов. Как итог, лишь 52% голосовавших за ГП в 2011 г. сделали это снова в 2015 году. ПиС же с программной точки зрения предлагала новые,

1 Jaskiernia 2018.
2 Goodwyn 1991; Weyland 2001.
3 Jarosław Kaczynski, "Oswiadczenie Prezesa Prawa i Sprawiedliwosci, Wicepremiera Jarosława Kaczynskiego (Statement of the President of Law and Justice, Deputy Prime Minister Jarosław Kaczyński)," PiS Official Website, July 27, 2020, accessed August 3, 2024, https://pis.org.pl/aktualnosci/oswiadczenie-prezesa-pis-wicepremiera-jaroslawa-kaczynskiego.
4 Jaskiernia 2018.
5 Stanley 2018.

свежие методы политического управления, комплексную перестройку всей политической системы страны[1].

Программная поддержка ПиС во многом основана на вопросах границ гражданских свобод и экономической справедливости. С одной стороны, современные европейские ценности расширяют привычные гражданские свободы, существенно противоречащие национальной польской культуре и традициям. С другой стороны, завидный экономический рост Польши в период с 1989 г. так и не привел к удовлетворительному социально-финансовому равенству к 2015 году. Именно эти проблемы ПиС ставит во главу угла своей программы[2]. Также мобилизация избирателя происходила за счет дружественных ПиС СМИ, которые не гнушались конспирологии, откровенно беспочвенных обвинений правительства ГП, ничем не подкрепленных заявлений об упадке и кризисе в стране[3]. «Народность» ПиС проистекает из ее приоритета социально-экономической справедливости, внимания ко всем проигравшим в результате экономических реформ, представления о приватизации 1990-х гг. как нечестной и жульнической, недоверия к банкам и крупному бизнесу в сочетании с крайней заботой о бизнесе малом[4]. Страсть к перераспределению и внимание к маргинальным слоям, проигравшим и неучтенным группам суть классические черты популизма[5].

В соответствии с популистской традицией ПиС пыталась привлечь избирателя обещаниями благ посредством солидарного перераспределения, особенно это было действенным в случаях молодых избирателей вне крупных городов и производственно-финансовых центров страны, которые не ощутили, что общенациональный экономический подъем, начавшийся с конца 2000-х гг., достаточно сказался на их личном благосостоянии[6]. Многих из них пессимизм приводил к эмиграции. На успех ПиС работала ее антимигрантская позиция, разделяемая большинством общества, на фоне обязательств правительства ГП перед ЕС принять часть сирийских беженцев[7].

Существует позиция, что ядерный электорат ПиС имеет ряд базовых особенностей: потребность чувствовать себя частью сообщества, одобрения им, уважения другими, потребность в порядке, контроле, безопасности, простом объяснении картины мира, низкая восприимчивость к изменениям и самооценка, верность традициям и устоям прошлого. Им легко видеть мир черно-белым и четко делить людей на правых и неправых, они полны недоверия ко всем, кто отличается от них и не входит в их сообщество[8]. Ядерный электорат ПиС – это люди среднего и пожилого возраста, жители села и малых городов, менее образованные и менее квалифицированные, но более религиозные, чем среднестатистический гражданин. Они

1 Stanley 2018.
2 Tworzecki, Hubert, and Radoslaw Markowski, “Did Poland Just Vote in an Authoritarian Government?” The Washington Post, November 3, 2015, accessed July 29, 2024, https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/11/03/did-poland-just-vote-in-an-authoritarian-government/.
3 Ibid.
4 PiS 2014.
5 Dornbusch, Edwards 1990; Laclau 2007.
6 PiS 2019.
7 Gursztyn, Piotr, “Polska Dwóch Prędkości (Two-Speed Poland),” Do Rzeczy, September 7, 2015, accessed July 24, 2024, https://dorzeczy.pl/kraj/7087/polska-dwoch-predkosci.html.
8 Turska-Kawa 2012.

более склонны находиться в традиционных, сплоченных группах и сообществах, характерных для национального и регионального контекста, нежели в атомизированном и индивидуалистском современном сегменте польского общества[1].

Однако в периферийный электорат ПиС, который и принес ей победу в 2015 и 2019 гг., вошли почти все основные страты и группы в стране. Успех 2015 г. был обусловлен тем, что ПиС смогла заполучить в качестве своего периферийного электората традиционно ядерный электорат ГП, то есть молодых людей с высоким уровнем образования, студентов, жителей крупнейших городов, в том числе Варшавы. Ставка на молодежь себя оправдала – за ПиС проголосовало больше всего избирателей от 18 до 29 лет, ГП же молодежную часть электората потеряла почти полностью. ГП обгоняла ПиС только незначительно по проценту поддержки среди предпринимателей (28,8 против 28), директоров и топ-менеджеров (28,7 против 25,8). Наибольшая поддержка ПиС традиционно расположена на востоке и юге страны, которые до 1918-го г. входили в состав Российской и Австро-Венгерской империй. ГП же исторически показывает лучшие результаты на севере и западе страны, которые являлись частью Прусской империи и Веймарской республики[2].

Отказ ПиС от социального консерватизма и превращение партии в деструктурированный центристский лагерь без конкретных ориентиров отвели ГП от медианного избирателя и позволили ПиС монополизировать повестку социального консерватизма. Будучи исторически выходцами из одной, хоть и сильно гетерогенной «Солидарности», ГП и ПиС пришли к идеологическому расхождению, которое было продиктовано не столько принципами, сколько внешним контекстом, случившимися обстоятельствами, политическим маркетингом и конъюнктурой. В начале 2000-х гг. они представляли два разных взгляда в одном либеральном лагере, противостоящим левым партиям, возникшим на осколках ПОРП, но затем главный электоральный раскол «бывшие коммунисты – бывшие диссиденты» сменился на «евролибералы – нацконсерваторы». Разногласия и противоречия между элитами, электоратом, принципами и культурным кодом ГП и ПиС достигли пика к выборам 2011 г., когда ГП и ПиС окончательно начали формировать свою идентичность через образ врага общества в лице друг друга[3].

ГП осознавала, что развитие производственной и финансово-экономической сфер должно сильнее сказываться на благосостоянии домашних хозяйств. С этой целью ГП предлагала реформировать в сторону уменьшения подоходный налог и отменить часть взносов социального и медицинского страхования. Но в отличие от четко обозначающей свою позицию ПиС, ГП презентовала план налоговой реформы крайне расплывчато и недоходчиво. В подобном контексте ГП надеялась не идейно и программно превзойти ПиС, а победить за счет мобилизации исторически самой большой электоральной группы в стране – абсентеистов, запугав их ужасами прихода к власти «нецивилизованной» ПиС[4].

Подход к роли идеологии, идентичности и мобилизованности общества сильно отличает две главные партии. ГП в начале 2000-х позиционировала себя как

1 Tworzecki 2019.
2 Szczerbiak 2017.
3 Ibid.
4 Ibid.

правых либералов, модернистов и рыночников. Затем, дабы идейно сблизиться с ближайшим конкурентом ПиС, ГП использовала социальный консерватизм и патриотизм. Однако к началу 2010-х гг. идейная основа ГП стала размытой, пытаясь быть всеохватной, все упомянутые аспекты бесхитростно заменялись словами «модернизм» и «евроориентация». ПиС же с конца 2000-х гг. становилась, наоборот, более сконцентрированной и проработанной, у нее была сверхцель – новая конституция и новая Речь Посполитая, с новым политическим устройством и традиционными морально-нравственными социальными нормами. ПиС искала сплоченности, эмоциональных связей и ясной, отчетливой идентичности с избирателями и функционерами. Связи же ГП со своими функционерами строились преимущественно на карьеризме и бенефициях[1].

Правление ПиС

С 2015 г. реализация программы ПиС происходила в следующих направлениях: смена административно-управленческой элиты, сформированной в период с 1989 г., на лояльную и подотчетную, трансформация государственной системы путем демонтажа либеральных ограничителей, сдержек и противовесов, мешающих безраздельному и неограниченному правлению победителей, и, наконец, широкая политика перераспределения, пособий, дотаций с целью «покупки» граждан, которая должна погасить возможное недовольство данными трансформациями. С другой стороны, гражданин должен быть запуган внешними и внутренними «врагами», видеть перед собой перманентно маячащий кризис, единственным спасителем от которых выступает ПиС. Культивирование «угроз» и «кризиса» в общественном сознании было призвано легитимировать все последующие антидемократические шаги ПиС. Оправдание себя как единственного защитника от мнимого кризиса, вокруг которого они сами и создают ажиотаж, – типичная стратегия для правящих популистов[2].

В попытке поймать волну общественного ресентимента ПиС также позиционировала себя как честного оппозиционера в порочной системе, созданной в соглашении («сговоре») коммунистов и диссидентов в 1989 году. «Кризис», которым пугает ПиС, – комплексный: это и политические проблемы (коррупция и клиентелизм), и экономические (несправедливое распределение результатов финансового развития), и культурные (угрозы национальной идентичности и традиционным ценностям с Запада и Востока). ПиС заявляет, что сама установленная либерально-демократическая система дала сбой, так как была задумана порочной властью в 1989 г. и реализована корыстными лидерами в 1990-е годы[3]. ПиС создала себе имидж силы, которая незаконно «зажималась» и не допускалась к власти ранее, а сейчас держит удар от множества внешних и внутренних политических сил, желающих остановить ее политику реформ «на благо народа»[4].

1 Szczerbiak 2017.
2 Stanley, Czeenik 2019.
3 Moffitt 2014.
4 Stanley, Czeenik 2019.

Парламентские же выборы 2023 г. привели ПиС к ситуации, с одной стороны, демонтажа единоличного правления в силу работы демократических институтов, с другой – к ситуации некой «ничьей». Так, оппозиция под предводительством ГП смогла установить своего премьер-министра только в рамках широчайшей антиПиСовской коалиции, сама же ПиС получила относительное большинство мест в парламенте, президентом также пока является член партии А. Дуда. В качестве объяснений результатов выборов 2023 г. стоит говорить об окончании формирования и консолидации польских «новых левых», уже не аффилированных и не ассоциирующихся с советскими и постсоветскими коммунистами. Также Польша испытала подъем низового демократического активизма в качестве противодействия деятельности ПиС по форматированию гражданского общества. Мировые же реалии убедили польского избирателя стремиться к евроориентированным и либеральным силам, воспринимающим Европу как единую сплоченную сообщность в противовес ПиС, фокусирующейся на народничестве, особом историческом пути, самодостаточности и изолированности Польши. Правоконсервативные и правопопулистские идеи стали видеться не глотком свежего воздуха и возрождения католицизма, а опасными и деструктивными для польского суверенитета концепциями. Также не стоит забывать, что, как и все правые популисты, ПиС привержена теориям заговора и в силу этого преуменьшала угрозы пандемии и не боролась с ее последствиями в адекватной мере в 2020–2022 годах.

***

Высокая партийная волатильность как результат слабых связей «партия–избиратель» открывает большие возможности для популизма в Польше. Вся послевоенная история страны косвенно создавала благоприятную среду для популизма. Это, во-первых, коммунистическая пропаганда, во-вторых, известное для коммунистических обществ разделение общественной жизни на официальную и теневую и, в-третьих, диссидентская деятельность в последнее десятилетие пребывания Польши в социалистическом лагере. Хотя в 1990-е гг. популизм не был сильно проявлен, трудности переходного периода подготовили почву для его дальнейшего развития. В 1990-е гг. сложная ситуация и жесткие противоречия не оставляли места популизму, но стабилизация и активное развитие наряду с довольно слабым, в конечном итоге, ростом благосостояния домашних хозяйств в начале 2000-х гг. привели к первому всплеску популизма в лице СРП и ЛПС.

Однако проблемы переходных обществ к концу 2000-х гг. были в существенной мере решены, страна стала полноценным и успешным государством Европейского союза. Евроориентированность, разумеется, более способствовала умеренности и консенсусу, что противоречило популизму и привело к его спаду. Опыт начала – середины 2000-х гг. оставил своей след, что открыло возможности для популизма уже на уровне национальной политики и правящей партии. К середине 2010-х гг. данные проблемы окончательно не разрешились, евроориентированное правительство, как и сам текущий облик Европейского союза, не оправдали себя, а национальная реализация общетеоретических принципов либеральной демократии также прошла не без существенных недостатков.

Все это привело к тому, что одна из двух главных партий страны становилась все более популистской, а затем получила достаточную поддержку, чтобы стать правящей. Конкретные идеологически-программные компоненты ПиС прагматичны и конъюнктурны, продиктованы историей страны с 1989 г. и нынешними общественными чаяниями и проблемами, включают как черты правого, так и левого популизмов.

ПиС на фоне ГП дает невыполнимые обещания грандиозного перераспределения, с другой стороны культивируя в обществе недоверие, тревогу, враждебность и ресентимент. Победа ПиС не была случайной: партии удалось уверенно расширить свою социальную базу и перехватить ядерный электорат ГП. Сложившийся же за последние 20 лет контекст помешал возможности рассматривать ПиС и ГП как большую правую коалицию, общие корни не смогли спасти их от размежевания и самоопределения через вражду друг с другом, нехарактерную для консенсуса либеральных демократий. ПиС отличает решительное и пугающее стремление радикально перестроить государственную и политическую систему страны, которое уже получило существенную реализацию. Наиболее тревожно в этой ситуации то, что ПиС уверенно отбрасывает многие основополагающие либерально-демократические принципы, в частности открыто отрицая наличествующие социально-экономические достижения страны, «запугивая» избирателя грозящими катастрофами. Продолжающийся миграционный кризис в Европе и не ушедшие противоречия современных европейских ценностей традиционным христианским только способствуют народной поддержке политики ПиС, хотя уже несколько лет вызывают обеспокоенность как внутри страны, так и за ее границами.

Тем не менее парламентские выборы 2023 г. продемонстрировали, что, несмотря на способствование демократическому откату, правые популисты во все еще демократических системах способны проигрывать выборы, если с этой целью сплачивается весь остальной непопулистский электорат. Однако, как и в случае с США, польские правые популисты не смиряются с проигрышем, не меняют кадры и подходы, а активно стремятся к реваншу с тем же набором программных пунктов и еще большей непримиримостью и радикализацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Benedikter, Roland, and Ireneusz P. Karolewski. "Poland's Conservative Turn of 2015: Where are Its Real Origins?" *CIFE Policy Paper* 35 (2016): 81–88.

Cooley, Alexander. "Countering Democratic Norms." In: *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy*, edited by Larry Diamond, Marc F. Plattner, Christopher Walker, 117–134. Baltimore: John Hopkins University Press, 2016.

Dawson, James, and Seán Hanley. "What's Wrong with East Central Europe: The Fading Mirage of the 'Liberal Consensus'." *Journal of Democracy* 27, no. 1 (2016): 20–34.

De Cleen, Benjamin, Glynos, Jason, and Aurelien Mondon. "Critical Research on Populism: Nine Rules of Engagement." *Organization* 25, no. 5 (2018): 649–661. http://dx.doi.org/10.1177/1350508418768053.

De Cleen, Benjamin, and Yannis Stavrakakis. "Distinctions and Articulations: A Discourse Theoretical Framework for the Study of Populism and Nationalism." *Javnost – The Public* 24, no. 4 (2017): 301–319. http://dx.doi.org/10.1080/13183222.2017.1330083.

Dornbusch, Rudiger, and Sebastian Edwards. "Macroeconomic Populism." *Journal of Development Economics* 32, no. 2 (1990): 247–277. https://doi.org/10.1016/0304-3878(90)90038-D.

Drozdowicz, Jarema. "Splendid Isolation. Reframing National Identity Through Political Populism in Poland." *Hague Journal on the Rule of Law* 11 (2018): 85–110.

Enyedi, Zsolt, and Dániel Róna. "Governmental and Oppositional Populism: Competition and Division of Labour." In A*bsorbing the Blow: The Impact of Populist*

Parties on European Party Systems. Colchester: ECPR Press, 2018: 251–272.

Fomina, Joanna, and Jacek Kucharczyk. "Populism and Protest in Poland." *Journal of Democracy 27*, no. 4 (2016): 58–68. http://dx.doi.org/10.1353/jod.2016.0062.

Goodwyn, Lawrence. "Rethinking 'Populism': Paradoxes of Historiography and Democracy." *Telos* 88 (1991): 37–56. https://doi.org/10.3817/0691088037.

Jaskiernia, Jerzy. "The Development of the Polish Party System: A Perspective of the Parliamentary Elections Results." *Polish Political Science Yearbook* 46, no. 2 (2018): 227–246. http://dx.doi.org/10.15804/ppsy2017214.

Karolewski, Ireneusz P. "Protest and Participation in Post-Transformation Poland: The Case of the Committee for the Defense of Democracy (KOD)." *Communist and Post-Communist Studies* 49, no. 3 (2016): 255–267. https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.06.003.

Karolewski, Ireneusz P. "Memory Games and Populism in Postcommunist Poland." In *European Memory in Populism,* edited by Chiara De Cesari, and Ayhan Kaya, 239–256. London: Taylor and Francis Publishing, 2019.

Kriesi, Hanspeter. "The Populist Challenge." *West European Politics* 37, no. 2 (2014): 361–378.

Laclau, Ernesto. *On Populist Reason.* London: Verso, 2007.

Markowski, Radoslaw. "Plurality Support for Democratic Decay: The 2019 Polish Parliamentary Election." *West European Politics* 43, no. 13 (2020): 1513–1525.

Markowski R. (2018). Creating Authoritarian Clientelism: Poland After 2015. *Hague Journal on the Rule of Law* 11, no. 3 (2020): 111–132. http://dx.doi.org/10.1080/01402382.2020.1720171.

Modrzejewski, Arkadiusz. "Catholic and Nationalist Populism in the Current Poland." *Perspective Politice* 10, no. 1 (2017): 21–31.

Müller, Jan-Werner. "Populism and Constitutionalism." In *The Oxford Handbook of Populism,* edited by Cristobal R. Kaltwasser, Paul Taggart, Paulina Ochoa-Espejo, and Pierre Ostiguy. Oxford: Oxford University Press, 2017. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198803560.013.28.

Millard, Frances. "Poland's Politics and the Travails of Transition After 2001: The 2005 Elections." *Europe-Asia Studies* 58, no. 7 (2006): 1007–1031. http://dx.doi.org/10.1080/09668130600926215.

Moffitt, Benjamin. "How to Perform Crisis: A Model for Understanding the Key Role of Crisis in Contemporary Populism." *Government and Opposition* 50, no. 2 (2014): 189–217. http://dx.doi.org/10.1017/gov.2014.13.

Moffitt, Benjamin, and Simon Tormey. "Rethinking Populism: Politics, Mediatisation and Political Style." *Political Studies* 62, no. 2 (2014): 381–397.

Müller, Jan-Werner. "'The People Must Be Extracted From Within the People': Reflections on Populism." *Constellations* 21, no. 4 (2014): 483–493. http://dx.doi.org/10.1111/1467-8675.12126.

Otto, Justyna. "Polak Bogatszy, ale Nieszczęśliwy – Portret Obywatela RP po 16 Latach Transformacji." *Studia Politologiczne* 10 (2006): 233–251.

Otto, Justyna. "Poles are Richer but Unhappy – Portrait of a Polish Citizen after 16 Years of Transformation." *Studia Politologiczne* 10 (2006): 233–251 [In Polish].

Piatkowski, Marcin. *Europe's Growth Champion: Insights from the Economic Rise of Poland*. Oxford: Oxford University Press, 2018. http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198789345.001.0001.

Pelinka, Anton. "Right-Wing Populism: Concept and Typology." In *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*, edited by Ruth Wodak, Majid Khosravinik, and Brigitte Mral. London: Bloomsbury, 2013.

PiS. *Dobry Czas Dla Polski: Program Prawa i Sprawiedliwości,* 2019.

PiS. *Good Time for Poland: Law and Justice Program,* 2019 [In Polish].

PiS. Zdrowie, Praca, Rodzina: Program Prawa i Sprawiedliwości, 2014.

PiS. Health, Work, Family: Law and Justice Program, 2014 [In Polish].

Sadurski, Wojciech. "How Democracy Dies (in Poland): A Case Study of Anti-Constitutional Populist Backsliding." *Sydney: Legal Studies Research Paper* 18, no. 1 (2018): 1–72.

Sikk, Allan. "Newness as a Winning Formula for New Political Parties." *Party Politics* 18, no. 4 (2011): 465–486. http://dx.doi.org/10.1177/1354068810389631.

Stanley, Ben. "The Thin Ideology of Populism." *Journal of Political Ideologies* 13, no. 1 (2008): 95–110. http://dx.doi.org/10.1080/13569310701822289.

Stanley, Ben. "The Post-Populist Non-Crisis in Poland." In *European Populism in the Shadow of the Great Recession,* edited by Hanspeter Kriesi, and Takis S. Pappas, 245–263. Colchester: ECPR Press, 2014.

Stanley, Ben. "Populism in Central and Eastern Europe." In *The Oxford Handbook of Populism,* edited by Cristobal R. Kaltwasser, Paul Taggart, Paulina Ochoa-Espejo, and Pierre Ostiguy. Oxford, 140–158. Oxford University Press, 2017.

Stanley, Ben. "A New Populist Divide? Correspondences of Supply and Demand in the 2015 Polish Parliamentary Elections." *East European Politics & Societies 33*, no. 1 (2018): 17–43. http://dx.doi.org/10.1177/0888325418783056.

Stanley, Ben, and Mikolaj Czeenik. "Populism in Poland." In *Populism Around the World. A Comparative Perspective,* edited by Daniel Stockemer. Cham: Springer, 67–87. 2019. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-96758-5_5.

Stavrakakis, Yannis, Katsambekis, Giorgos, Nikisianis, Nikos, Kioupkiolis, Alexandros, and Thomas Siomos. "Extreme Right-Wing Populism in Europe: Revisiting a Reified Association." *Critical Discourse Studies* 14, no. 3 (2017): 420–439. https://doi.org/10.1080/17405904.2017.1309325.

Stavrakakis, Yannis, Katsambekis, Giorgos, Nikisianis, Nikos, Kioupkiolis, Alexandros, and Thomas Siomos. "Populism, Anti-Populism and Crisis." *Contemporary Political Theory* 17, no. 1 (2018): 4–27.

Szczerbiak, Aleks. "'Social Poland' Defeats 'Liberal Poland? The September–October 2005 Polish Parliamentary and Presidential Elections." *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 23, no. 2 (2007): 203–232. http://dx.doi.org/10.1080/13523270701317463.

Szczerbiak, Aleks. An Anti-Establishment Backlash that Shook up the Party System? The October 2015 Polish Parliamentary Election." *European Politics and Society* 18, no. 4 (2017): 404–427. http://dx.doi.org/10.1080/23745118.2016.1256027.

Turska-Kawa, Agnieszka. "Fenomen Przywodztwa Jaroslawa Kaczynskiego w Kontekoecie Specyfiki Elektoratu Prawa i Sprawiedliwooeci." In *Demokracja w Polsce po 2007 Roku,* edited by Danuta Plecka. Katowice: Towarzystwo Inicjatyw Naukowych, 2012: 157–176.

Turska-Kawa, Agnieszka. "The Phenomenon of Jaroslaw Kaczynski's Leadership in the Context of the Spicificity of the Law and Justice Electorate." In *Demokracja w Polsce po 2007 Roku*, edited by Danuta Plecka, 157–176. Katowice: Towarzystwo Inicjatyw Naukowych, 2012 [In Polish].

Tworzecki, Hubert. "Poland: A Case of Top-Down Polarization." *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 681, no. 1 (2019): 97–119. http://dx.doi.org/10.1177/0002716218809322.

Weyland, Kurt. "Populism: A Political–Strategic Approach." In *The Oxford Handbook of Populism,* edited by Cristobal R. Kaltwasser, Paul Taggart, Paulina Ochoa-Espejo, and Pierre Ostiguy, 48–72. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Weyland, Kurt. "Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics." *Comparative Politics* 34, no. 1 (2001): 1–22. http://dx.doi.org/10.2307/422412.

Сведения об авторе

Тамерлан Эльдарович Мирзаджанов,
соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76
e-mail: mrgamer1@rambler.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 5 августа 2024.
Переработана: 16 сентября.
Принята к публикации: 19 сентября 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Мирзаджанов, Т.Э. Генезис польского популизма (1945–2023) и его влияние на трансформацию и поддержку «Права и справедливости» // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 138–156.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-138-156

Genesis of Polish Populism (1945–2023) and its Impact on the Transformation and Support of "Law and Justice"

ABSTRACT

The article analyzes the formation of Polish populism at the present stage represented by the ruling Law and Justice Party (PiS, Prawo i Sprawiedliwosc) using the theoretical apparatus of neoinstitutionalism, as well as historical and comparative approaches. Both general features of populism and those specific to Eastern Europe are considered. The process of development of ideas, practices and results contributing to the rooting of populist values and a picture of the world in the Polish public consciousness is also studied within the framework of the path dependence concept. The final part describes the essential guidelines, ideology, program and electorate of PiS. The party is compared with its main competitor Civic Platform (PO, Platforma Obywatelska) in terms of its strategy, and specific results of PiS rule are also mentioned. Poland is characterized by weak and unstable connections between voters and parties, which leads to the absence of a stable social base and support for parties and, in turn, leads to their constant fragmentation and high party volatility. Parties in Poland have historically been organizations with the lowest level of public trust. In such a context, parties that can truly attract voters will immediately find themselves in a more advantageous position. One of the most suitable methods is therefore simple, often primitive slogans, intransigence of discourse, aggressive rhetoric, unrealistic promises of universal abundance, sharp opposition to everyone else and the rejection of democratic norms of representation in favor of strong leadership, that is, classic populism.

KEYWORDS

parties, populism, democratic rollback, Poland, CEE, Law and Justice

Author

Tamerlan E. Mirzadzhanov,
postgraduate student, Department of Comparative Political Science,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: mrgamer1@rambler.ru

Additional information

Received: August 5, 2024. Revised: September 16, 2024. Accepted: September 19, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Mirzadzhanov, Tamerlan E. "Genesis of Polish Populism (1945–2023) and its Impact on the Transformation and Support of 'Law and Justice'."
Journal of International Analytics 15, no. 3 (2024): 138–156.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-138-156

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования.
Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции..

Адрес редакции:
Проспект Вернадского, 76Б. Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал «Международная аналитика» можно:
в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777;
по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2024. – 15(3). – С. 1-156.
Подписано к печати: 30.09.24.
Формат: 108x70/16. Печать офсетная. Цена свободная.
Уч.-изд. л. 9,75. Тираж 200 экземпляров. Заказ 1428.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.